

Макаров Максим
Сергеевич

Взмокинские
истории

6+

Максим Сергеевич Макаров

Взмокинские истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67034192

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга является продолжением истории про Веду Взмокина – на этот раз сам Веда рассказывает истории, с персонажами из первой книги тоже случаются истории – поразительные, фантастические, непостижимые. Трудно сказать, кто торжествует в финале, но это будет только временный финал! Еще обязательно будут истории.

Впервые книга издана мной в 2017 году (издательство "Спутник+"). Сейчас уважаемым читателям представлена вторая редакция книги.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ПРОСТОЙ-ПРОСТОЙ ДЕЙТИЛЬВИРК	6
СЕКРЕТ КУЗНЕЦА ТЕРПИЯ	43
ГОНИДЕНЕКИ НЕ СПЯТ	63
КЛАДЕЗЬ ПРЕМУДРОСТИ	126
ЗЕЛЕНый ВЕТЕР	176
ДОБРЕГОЛЯД УСТОИТ	183

Максим Макаров

Взмокинские истории

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга является продолжением моей первой истории про Веду Взмокина, однако самого Веди здесь почти нет. «Взмокинские истории» – это то, что Взмокины рассказали или написали о своем Мире, о своих знакомых, используя чаще не научный, а поэтический стиль. В «Историях» показаны народы и существа, с которыми Взмокиным приходилось сталкиваться в течение длительного времени; персонажи там часто весьма необычные, да и само повествование больше

напоминает сказку. Принято считать, что сказки изображают явления удивительные, фантастические, и потому невозможные – в нашем мире. Но ведь Мироздание огромно, оно бесконечно велико. Разве можно с уверенностью сказать, что чего-то не бывает в пределах всей Вселенной? На Земле Баба-Яга уже повывелась, исчезла – но почему не допустить, что в других Мирах встречаются объекты, у которых принцип действия точно как у Бабы-Яги, даже еще хуже. В любом произведении содержится выдумка, просто в сказке она ярче видна. Впрочем, Взмокины представляют свои

истории совершенно серьезно, имея в основе реальные (для своего Мира) факты. Хотя, конечно, они тоже любят пофантазировать.

Среди «Взмокинских историй» есть одна, где все события вроде бы как не связаны со Взмокиными и происходят совсем в других местах. Да только если б не Веда Взмокин, то не было бы и той, отдельной, истории. А она есть. Выходит, она тоже Взмокинская.

Иногда удастся узнать то, что узнать абсолютно нельзя по техническим причинам.

Но чего на свете ни бывает!

ПРОСТОЙ-ПРОСТОЙ ДЕЙТИЛЬВИРК

Однажды, лог по имени Дейтильвирк задумал поразительную для лога вещь... Но, пожалуй, прежде чем рассказывать о планах Дейтильвирка, сперва стоит объяснить, а что вообще такое лог. Что скрывается за этим коротким словом, и какова природа этого явления. Зачем нужны логи?

Логичность – существа, хорошо известные в мире Веди Вздокин¹; благодаря логам вздокинское устное творчество обогатилось множеством фраз, таких как «послать к логу», «лог его знает», «логова зараза» и т.д. Феномен логов так и не был до конца раскрыт вздокинской наукой; вместе с тем, по этой проблеме у Вздокиных была собрана большая литература еще до путешествия за Цветком².

1. См. повесть «Ведя Вздокин – наш товарищ!»
2. См. там же

Приведем короткую выдержку.

«...отличительной чертой любого лога является отсутствие выраженной материальной структуры при сохранении общей формы. Являясь существами не вполне материальными, логи способны к воздействию на реальные предметы,

иногда в больших масштабах; однако это воздействие носит исключительно суматошный, неупорядоченный характер и чаще всего лишено смысла. Логами движет не цель, а внезапный каприз. Многократные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что в физической основе логов лежит волновая субстанция (энергия), происхождение которой неясно. Она может быть продуктом распада материальных объектов, воплощением чьей-то воли, фантазии, или даже самоорганизующейся энергией – однако до сих пор не выработано четкой математической модели, которая обосновывает само существование логов. Выражаясь литературно, логи существуют – вот и все.

Наличие у логов способности к речи и выбору действия должно указывать на то, что лог есть некое воплощение обособленного сознания (см. индивидуальность, личность, душа); впрочем, разумность этих «личностей» или «душ» весьма сомнительна. Все известные нам логи занимаются только тем, что орут, хулиганят и бездельничают. Опытным путем показана неспособность логов выполнять простейшие созидательные функции; имея память, они не любят запоминать...

Лог – существо противоречивое. Он вроде бы есть, но его как будто нет. Основные свойства живого – развитие, размножение – абсолютно недоступны логом. Смерть (в природном, биологическом понимании) обходит лога стороной, вероятно оттого, что логи не живут, а лишь существуют. Одна-

ко своим существованием они опровергают базовые законы природы (сохранение эффекта действия, диссипация/расход внутренней энергии, превращение материи). Лога можно напугать, разрубить, рассеять (см. скорострельное оружие), сделать временно неподвижным, но его нельзя ликвидировать – по крайней мере, известными нам способами. Лог устойчив к грозе, вихрю, самым страшным болезням; однако его существование не вечно, и внезапно появившись, он так же внезапно исчезает, оставляя после себя только лишь хлесткие словесные комбинации. Впрочем, не он их автор.

Распространение логов широко. Каждый, кто бывал в наших лесах, мог наблюдать колыхание ветвей в отсутствие ветра, странные узоры из листьев, снующие тени, слышал неестественные звуки, шумы, скрипы и т.д. Это веселится лесной лог. Он лазает по дуплам, качается в паутине, хулиганит. Часто такие логи собираются в стаи. В болоте – болотный лог (болотенец, болотник), в горах – горный (горюник), в степях (встречается относительно редко) – стопедув и т.д.; логи бывают разные, но все они занимаются одним и тем же – ничем. Порой логи приносят ущерб хозяйству (см. хозяйство, организация труда), но не получают от этого ни прибыли, ни даже удовольствия.

Неустроенные души
Не найдя нигде приют,
Кирпичи на землю рушат,
И от ужаса поют.

...Мы не знаем, откуда берутся логи и каков смысл их существования. Сами логи осведомлены об этом еще меньше – характерные им свойства давно уже стали предметом поговорок и идиом. Выражение «лог его знает» помимо экспрессии содержит еще и логический парадокс, поскольку настоящий лог ничего не знает!»

Авторы: Згорай Взмокин, Трнемов Взмокин.

Литературная обработка: Веднов (Ведея) Взмокин

Среди существ, обладающих разумом, далеко не все знают, что такое полезный труд; но зато каждому хочется чем-нибудь да заняться – ну хотя бы иногда, от скуки. Это чувство тяжелее камня, сильнее печали, оно глыбой давит изнутри. Порой даже великие умы не знают что придумать. А вот он, лог по имени Дейтильвирк, побеждает скуку! – он сидит и роется в траве, ворошит прошлогодние листья. Дейтильвирк ничего не ищет, он вообще не знает, зачем он это делает – просто делает и все. Он, подобно другим логам, не ставит перед собой цели. Зато любит рассуждать.

– Листочки... какие они все черные! А ведь были раньше желтые, красные, коричневые! А еще раньше были зеленые, висели все чего-то, висели. Потом летать начали... что-то плохо они летали, никуда ж не улетели... А с другой стороны, если б листья были только зеленые, то было бы неинтересно. А в малиннике что?

Дейтильвирк идет в сторону малины, но там уже сидят

другие логи. Они раскачивают ветки, брызгаются бардовым соком. Ягоды лежат на земле – есть их логи не могут, да это им и незачем. Логам достаточно простых лучей; вероятно, так укрепляется энергия, лежащая в основе их тел.

Но не все лучи полезны. Был случай, когда компания шумных логов пролезла тайком во Взмокинские мастерские, когда Взмокины ставили опыт со взрыв-смесью. Логам, разумеется, стали хулиганить, им врезали (помимо энергии, в логах есть иногда материальные структуры, образованные сгущением той же энергии), началась схватка; увлеклись настолько, что забыли погасить искру в пробнике. Искра выпрыгнула, взрыв-смесь превратилась в пламя, полное лучей – да как хлопнет! Взмокины-то умные, они сразу сработали по команде «ложись»; а вот логи неумные – их ослепило чужим светом, обожгло, а кого-то даже поломало. Они, правда, потом собрались – сами собой, – но энергии в глупых логовых телах стало меньше. Произошла ошибка сборки.

Дейтильвирк хитрый – он не лезет ни к Взмокиным, ни к другим деятельным существам, он просто сидит в траве. Ворошит камешки.

– А что под камешками? – а под ними ничего. Земля просто. Это незабавно. Могли бы что-нибудь сделать.

Видимо, Дейтильвирк существовал уже очень много лет, но, как и все логи, он не умел их считать. Он только помнил – да и то смутно – что когда-то на том месте, где он сидит сейчас, была степь; потом степь исчезла, а вместо нее возник-

ла пустошь, с голыми, обожженными камнями, кто-то что-то делал, пустошь чернела долго, потом на ней появились рыжие и краснее волоски, потом... потом опять возникла степь, опять кто-то что-то делал, появились какие-то деревья, они множились, и вот теперь есть лес. Это значит, прошли сотни, а может быть, даже тысячи лет, но какое до них дело Дейтильвирку? В конце концов, он же не счетчик времени.

Дейтильвирк любил спокойствие, он никогда не ходил далеко, ему нравилось сидеть и размышлять – про себя. За медлительность ему часто попадало от других логов, любителей активных перемещений. Они, к слову, периодически попадали в конфликт с героями или с силами природы, и порой исчезали. Характер у Дейтильвирка тихий, даже слегка робкий, он сидит, никого не трогая, в траве, гладит ее, гладит... Ему нравится.

И тут настал такой день, что ему перестало нравиться.

Вообще все перестало нравиться.

– Чего это я все сижу, сижу; и вообще, почему я сижу? Вообще, кто я? Я знаю, что я – Дейтильвирк; но кто сказал, что я Дейтильвирк, и с какой стати я Дейтильвирк?

Дейтильвирк и в самом деле не знал, откуда взялось его имя и что оно значит. Оно просто было – как и он сам.

– Надо вспомнить, а то просто кошмар получается – ничего про себя не знать! Как это оно делается-то?

Дейтильвирк начал вспоминать. Он катался по траве, прыгал, спотыкался; но так ничего и не вспомнил, ведь, в

сущности, он же этого никогда не знал.

Надо было спросить других. Но цивилизованных существ Дейтильвирк побаивался (вдруг как-нибудь обидят), а логи казались ему слишком быстрыми. Поэтому он обратился к Бьорке.

Бьорка – птица, похожая на сороку, только на хвосте у нее расширение в виде плоской шишки. Бьорка прыгает повсюду и все знает (как ей кажется); однако, ей не занимать природной мудрости.

Бьорка сидела и щипала из кленов семечки. Дейтильвирк подошел, повздыхал, потом спрашивает:

– Слушай, ты случайно не знаешь, кто я?

Бьорка слегка поперхнулась, повертела головой и говорит:

– Ты что, из гнезда выпал?

– Нет, – говорит Дейтильвирк (как и многие логи, он знал языки животных) – я туда не лазию... Это вот лог Дуппельдом, он действительно любит в гнездах сидеть, а я больше по траве...

– Имя свое забыл ты, что ли?

– Да нет, по счастью имя-то я помню – я Дейтильвирк, только вот зачем я Дейтильвирк? Может, я кто-нибудь другой? Зачем вообще все?

Бьорка потеряла перья.

– По-моему, каждый предмет зачем-нибудь существует.

Дейтильвирк страшно удивился:

– Да неужто же совершенно каждый? А ты не преувеличиваешь?

– Нет, я верно говорю – сказала Бьорка. Она была очень умная. – Во всем, что есть в мире, имеется свой смысл, своя идея. Вот, например, дождь – он нужен для деревьев, для трав, для рек; да и самому небу он тоже нужен, наверное. Вода поит землю, из земли растут леса, а в лесах есть шишки с ягодами, очень приятные, леса дают тень, прохладу и... и кроме того, на деревьях удобно прятаться от лисы и от прочих нахалов.

– А зачем существует разум? – спросил Дейтильвирк.

– Разум нужен для того, чтоб выбирать действия – сказала Бьорка, – это личное дело каждого!

– А, ну да, – согласился Дейтильвирк, хотя он ничего не понял. – Ну и что потом?

– А то – назначение каждой вещи объясняется ее природой! Назначение заставляет делать то, без чего прожить нельзя. Это же так просто!

– Действительно, просто! А я слышал, есть какие-то открытия, творчество, потом эти... изобретения. Логи рассказывали. Но жили же раньше без этих, как его... изобретений. Зачем же их делали, изобретения, открытия, если и так можно прожить? Вот я например, существую безо всяких изобретений. Зачем что-то новое?

Бьорка не ответила и принялась молча чистить перья.

Она и сама толком не знала, для чего появляется новое,

но не хотела показать этого перед Дейтильвирком. Ведь она считала себя всезнайкой.

– Зачем изобретения и все новое... не нравится им то, что есть, оттого и изобретения. С творчеством то же самое – слишком много воображают. Хотят показать свою мощь.

Правда, мощь бывает такая, что изменяет мир – ну вроде как гроза или землетрясения... я слышала, таким образом можно создавать целые миры, и даже больше чем миры.

– Ну дела! – восхитился Дейтильверк. – Выходит, существуя, можно сделать такую громадину! Здорово! Стало быть, и я тоже могу создать что-то такое большое, ведь я тоже существую...

Тут бьорка дельно весьма говорит:

– Размахался! А ты-то сам кто есть?

– Я? Я Дейтильвирк.

– Вижу, что не тополь. А зачем ты... ах да, ты же не знаешь зачем живешь... много вас, логов, прыгает повсюду, кто вас разберет... Впрочем, нет! Назначение каждого зависит от внутренней природы. Вот у тебя что внутри?

– Я не знаю.

Бьорка сунулась внутрь Дейтильвирка, но у нее сразу же начала кружиться голова. Вероятно, от энергетических полей.

– Да, действительно ничего не видно. Но должно же быть хоть что-то! Кстати, ты живой или нет?

– Я-то? А кто его знает, я и не задумывался об этом... Мне

всегда было достаточно того, что я есть.

– Нет, зелененький – сказала бьорка (у логов обычно прозрачное туловище, но Дейтильвирк так долго возился в траве, что и впрямь позеленел снизу). Просто быть нельзя... тут одно из двух: либо ты живой, либо ты неживой, иначе говоря – мертвый. Живой живет, а мертвый... что-то другое делает. Тебе нужно сперва выяснить, живой ты или нет. А потом изучай себя дальше.

– А как надо выяснять?

– Сделай что-нибудь! – ответила бьорка (ей уж наскучил этот нескладный лог). Она повертела головой и увидела старую ель, голую до половины. Внутри ели жили жучки – соперники бьорки по гусеницам.

– Слушай, убери-ка вон ту елку засохшую. А то еще неровен час, она кого-нибудь прихлопнет.

Дейтильвирк робко обошел вокруг ели.

– Ой, я это не умею... И она же такая большая.

– Но ведь и ты уже не маленький!

– Да, я не тот... – Дейтильвирк материализовал часть своей энергии, вытянулся вверх по стволу, но сразу же приклеился. Вещественные части его туловища перепутались со смолой.

Дергался Дейтильвирк, дергался:

– Что-то оно не убирается... и от меня не отходит.

– Напрягись!

Дейтильвирк напрягся – и внутрь его засосало жучков.

Те сразу зажурчали (заговорили со звуком ж-ж-ж):

– Жто жа бежо-бражие (Что за безобразие)! Лог ты жимолостный, куда жалеж?

– Я не залез – оправдывался Дейтильвирк, – я отцепиться не могу...

– Раскачивайся!

– Да не в меня! – испугалась бьорка

Качались-качались – в результате верхушка ели – крэк! – и переломилась. И прямо бьорке по носу. Жучки посыпались градом.

Ель уцелела на три четверти, но все были недовольны – и жучки, и бьорка, и Дейтильвирк.

– Дураж! Вежь дом поврежден! Теперь же жить нельзя же! Жто мы, бедные, жто ли, жить в плохом доме?

– Кажется, я палкой подавилась – жаловалась бьорка.

– Что-то я не понял, живой я или нет – пробормотал Дейтильвирк. – Совсем не понял.

Он в задумчивости пошел сквозь лес, колыхая энергией ветки, и не видел, как жучки ругаются с бьоркой.

– Мы ж! С Вами ж! Договорилижь (Договорились) ж! Одна четверть гусениц Вам, три четверти – нам, все по-честному ж... Зачем вы этого лога жимолостного прижвали?

– Во-первых, договор был не четверть на три четверти, а половина с половиной! Половина – мне, а другая половина – кто достанет... Во-вторых я его и знать не знаю, это он пристал с глупыми вопросами... А в-третьих, может оно само

сломалось!

– Как же, жломалось – бурчали жучки сердито. – Жамо (само)! Жамо! Где ж жамо?

Но странное дело – бьорка оказалась права. Ель и вправду треснула сама, а вовсе не от усилий Дейтильвирка. Ее древесные волокна слишком постарели.

Жучки остались в недоумении:

– Ж-жтранно. Что же он тогда жделал?

Получилось так, что Дейтильвирк ничего не сделал; он хотел сделать, но образующая его энергия была крайне мало приспособлена для воздействий на большие предметы. Он не умел на них воздействовать.

Физическая природа многогранна, отметил Дейтильвирк про себя. Звезды светят, облака летят, речка плещет; и вокруг полно жизни. Дейтильвирку очень хотелось выяснить, живой он или нет, и если живой, то в какой части природы.

Он хватался за все подряд. Глядя на зверей и птиц, он пробовал чистить семечки – семечки тут терялись. Хотел поймать мух – мухи пролетали сквозь него, некоторые падали (под влиянием его внутренних полей), но так, что Дейтильвирк не мог их ухватить. Он ползал, искал этих жужжал, постоянно путался сам в себе и вечно забывал, что он ищет. А есть и пить он не мог, поскольку был логом.

Даже река его проигнорировала – Дейтильвирк полез в воду, совершенно не промокая, стоял и думал, что с ней делать. И никак не мог придумать.

– Что-то я ни для чего не подхожу... Как понять, в каком виде я живой? Может, мне надо делать что-то более грандиозное?

Дейтильвирк отправился к разумным жителям, но имея скромный характер, он боялся идти в города, деревни и дворцы, т.к. там было слишком много народу. Так он зашел в один заброшенный угол, где не жил никто – кроме Дарны-Шумелиды.

Дарна – женщина из народа Шумелид, славилась среди них своей красотой и строптивостью. Она жила одна, но при этом хотела выйти замуж.

Дейтильвирк подошел к богатым каменным воротам.

– Извините... есть у вас что поделать?... Мне надо выяснить насчет себя.

Вышла Дарна, блистая красотой, и говорит:

– Выпей-ка сперва воды студеной.

И дает ему полное ведро.

Как Дейтильвирк ни старался, вся вода прошла сквозь него – он же был нематериальный. Даже капли не досталось.

Дарна задумалась. Студеное ведро было хитростью – в воде, кроме холода, прятался какой-то секрет. Обычно, выпив ведро, женихи с ног валились – либо от холода, либо от воды, либо от секрета. Так разборчивая Дарна отгоняла слабых. А сильные ей еще не попадались.

Подумала, подумала красавица и говорит:

– Хочешь что-то сделать? Полезай-ка вон на тут яблоню.

Дейтильвирк стал карабкаться.

– Залез?

– Залез.

– Просиди всю ночь до утра.

Это была другая хитрость. В кроне яблони было гнездышко, где жила ситнь – ящерка, маленькая, но страшно кусачая, с сотней алмазных зубчиков. Она кусала всех чужих. Редкий ухажер мог удержаться на яблоне час, самый влюбленный и крепкий просидел два часа, а таких, чтоб до утра, таких еще не родилось. Потому что и яблоня, и ящерка, да и все прочее хозяйство были заколдованы.

Наступила ночь. Дейтильвирк сидит, рассуждает вслух. Но вот во мгле зашуршало, и возникла юркая тень – ящерка пришла. Она придирчиво понюхала Дейтильвирка («Что за жалкий, пустой ухажер... весь травую пропах прошлогодней»), открыла ротик и – давай кусать. Дейтильвирк сидит.

Ситнь-ящерка его кусает – он сидит и абсолютно ничего не чувствует (он же невещественный). Ящерка крутится, злится, хочет укусить побольней – да только хватает ртом пустоту. Материальная часть Дейтильвирка ничтожная, она сильно рассеяна, а энергию не укусишь. Вдобавок к этому, Дейтильвирк не знает что такое боль, страх и прочие сильные чувства. Он же лог.

Ящерка кусала, кусала, пока из сил не выбилась. А Дейтильвирк сидит и рассуждает:

– Если б знать, что можно сделать... тогда б можно что-

то сделать. А так что – сидишь себе, сидишь, ничего не знаешь... Непонятно!

Хитрая Дарна сразу почувствовала, что Дейтильвирк какой-то необычный. Поэтому для верности она не подходила к яблоне три дня. На четвертый день она увидела: Дейтильвирк сидит на прежнем месте.

– Сидишь?!

– Сидю...

– А чего ты сидишь?! – Дарна поняла, что это не жених, но и не муж. – Слезай и уходи!

Дейтильвирк стал слезать, но за время сидения его волновое поле перепуталось с биополем самой яблони. Оба поля перемешались, словно скрученные ветки. Дейтильвирк запутался. Стал трястись.

– Слезай сейчас же! Хулиган!

– Я сейчас... меня запутало и болтает...

– Слезай! – закричала Дарна, испугавшись. – Яблоню сломаешь!!

– Я сейчас... у меня что-то приклеилось...

– Ах ты нахал! Лог такой-сякой немазанный, сущность твоя проклятая, понаделали вас на нашу голову!

Дейтильвирк слезал два дня. А когда слез, принялся рассуждать:

– Живой я или нет? Листья я не смог потрогать, дерево новое не выросло, не сломалось, ящерка как была, так и осталась... Что же я сделал?... Я же что-то сделал... или это мне

померещилось?

– Иди-иди... философ! Мыслитель бестелесный!

Дарна прогнала «философа» со двора. И расплакалась. Еще бы! Ведь она обидела многих женихов, кому-то даже кровь попортила, а этот хлипкий фантом оказался ей не по чарам. Впрочем, как и в других случаях, Дейтильвирк не сделал ничего – яблоня не испортилась, ящерка – тоже, да и сама Дарна, Шумелида-красавица, не в убытке осталась. Она плакала просто от ущемленной гордости.

Потом она перестала плакать, и все пошло по-старому – слухи, влюбленные женихи, студеное ведро с ящеркой, другие задачи, еще более страшные. Но Дейтильвирк так и не выяснил про себя:

– Я живой или я неживой? Какой сложный вопрос... даже неясно как решать его!

Идет Дейтильвирк, идет, размышляя о себе, и вот доходит он до города. В этом городе только что открылась ярмарка изобразительных искусств, где каждый живописец (если у него был талант и деньги) мог показать свое мастерство. Картин собралось множество; были работы, написанные красками, тушью, углем, собранные из цветных стекол, камешков, прочих предметов; были даже объемные картины из бумаги.

Тон ярмарке задавали художников из двух народов – Леввы, привыкшие на все глядеть левым глазом, и Праввы, которые обычно глядели правым глазом. И они вечно спорили – чьи работы лучше.

Дейтильвирк вошел на ярмарку и стал робко протискивать сквозь зрителей.

– А я вам говорю, когда закат, надо класть мазки не слева, а справа!

– Ну и кладите сами! Вы, верно, хотите, чтоб ваш закат был на клубнику похож! Благодарствую, но я пишу не овощи, а пейзажи!

– Это не клубника, а слива! Не понимаете ничего в цветах, а еще беретесь мазать!

– Сами вы мажете, и т.д.

Спорят, спорят – чуть до драки не доходит. Тут вмешался городской голова:

– Господа живописцы! Негоже мастерам животы друг другу портить. Обратимся-ка лучше к толпе народной и спросим, кому она выдаст больший почет. В куче голов всегда истина отыщется.

Стали голосовать; но поскольку все были либо Праввы, либо Леввы, либо примкнувшие к ним, то голоса разделились ровнехонько поровну. И неясно, кто победил.

Городской голова конфузится, трет лысину, не знает, что сказать; тут он замечает Дейтильвирка да как завопит – от радости:

– Вот Вы! Да – Вы! Господин прозрачный! Вы из лесу иль откуда... впрочем, не суть; вот Вас-то нам и не хватает! Поглядите свежим глазом, или что там у вас (на Дейтильвирке ни глаз, ни лица не разберешь)... поглядите, и скажите, ка-

кая работа вам больше нравится! А иначе ярмарка в затруднении.

Раньше Дейтильвирк никогда не видел картин; но из деликатности он не стал этого говорить, тем более что требовалась его помощь. Дейтильвирк принял форму покультурнее.

– Хорошо, если надо, я что – я могу посмотреть.

Картины были самые разные – большие и маленькие, цветные и черно-белые, удачные, неудачные, страшные; Дейтильвирк с глубокомысленным видом ходил вдоль картин, но никак не мог сказать, что ему нравится. Для него все композиции были не более чем изображения.

– Да! – говорит он. – Какая здесь штука! А здесь – совсем другая! Да, действительно, есть разница.

Разница, конечно, имелась; правда, от Дейтильвирка ждали нечто другое – ему нужно было понять смысл или красоту работ, и на этом основании оценить их. Однако сам Дейтильвирк никогда не задумывался о том, что такое красота.

– Ну – он стал выжимать из себя часть энергии, как указатель – мне кажется, тут лучше...

Толпа замерла от напряжения.

– Мне кажется... что тут все лучше.

Дейтильвирк никого не хотел обидеть.

– Как это – все? Все не может быть лучше всего, раз оно все!

– Господа! – закричал городской голова. – А давайте вы его нарисуете! Раз он нездешний, господин этот прозрачный,

то, стало быть, и интересу за ним никакого, и все художники в равных условиях. Как вам такое предложение?

– Это можно! – согласились живописцы. – Практический подход – самый правильный.

Все принялись рисовать Дейтильвирка. Но поскольку он не имел четкой формы, а у всех был разный художественный вкус, все писали по-своему, сообразно со своим вдохновением. У одних Дейтильвирк был белый, у других – синий, у третьих – зеленый; у одних он был большой и бесформенный, у других – маленький, почти круглый, третьи придавали ему вид знакомых или родственников. Кто-то с упоением пририсовывал Дейтильвирку длинный нос, хотя на самом деле Дейтильвирк никогда не ходил с носом, ему просто не нужен был нос; другие приделывали ему уши, ноги, даже рога – Дейтильвирку было все равно, тем более что он ничего не понимал в искусстве.

Написали каждый по портрету, смотрят – все портреты разные, и ни один не похож. Энергия-то в Дейтильвирке не застывшая.

– Ой, что сейчас будет... – прошептал голова Дейтильвирку.

– А что? – спрашивает Дейтильвирк добрым голосом.

– «Что-что»! Драка начнется, вот и что! Чтоб вы провалились со своей прозрачностью!

Дейтильвирк хотел спросить, чем плоха прозрачность, да не успел – и в самом деле драка началась. Художники, крича

и обзываясь, на кулаках спорили, чей труд похож, а чей – непохож. Впрочем, редкая ярмарка проходила без драки. Уж на то они Праввы и Леввы – непримиримые друг к другу.

Голова предусмотрительно удрал. Дейтильвирк заплутал в толпе, но благодаря своей невещественности, он даже синяка не получил. Суматоха росла; к толпе дерущихся подбежали местные жители и тоже начинали драться – для развлечения.

Дейтильвирк пошел по улице.

А навстречу ему бабка ковыляет:

– Мил дружек! Не поможешь кулек до дому донести?

Щедро награжу тебя.

Куль у нее – размером с амбар.

Дейтильвирк добрый; да только он лог – и не то что поднять мешок, даже прикоснуться к нему не может. Энергия его совсем дематериализовалась.

– Ладно, – сказала бабка (куль взлетел на нее сам) – справлюсь. А ты сказки сочинять горазд? Уж больно мне скучно... рассказал бы мне чего – награжу щедро.

Но как известно, Дейтильвирк не отличался ни памятью, ни фантазией.

– Ну ладно – так иди. А чего ж ты, мил дружек, залетел столь далеко? Или у тебя нужда какая?

Ну, Дейтильвирк и рассказал ей все – о горячем желании понять собственную природу.

– Мудрено природу постигнуть, – сказала бабка, дрожа

(куль на ней перекатывался и взбрыкивал). – Природа, она тайны любит... Мудрено их разгадать. Да уж больно ты мне по нраву – простой такой и незатейливый. Ладно уж – научу.

Дейтильвирк пошел следом; да только не знал он, что это за бабка такая. А она была газень – любительница мрака, говоря попросту, ведьма. Она собирала все подряд – травы, камни, энергию всех сортов; все смешивала и варила из этого мощь – злую мощь. Бабка мечтала покорить весь мир, и даже больше; ее жадность распространялась и на другие миры.

Много она собрала мощи, но хотелось еще, еще, еще; она считала, что недостаточно богата. В одном куле, который не поднял Дейтильвирк, было добра на сто хлебных полей. Однако, при своем богатстве жила бабка весьма глупо и скаредно: дом ее трухлявый вконец рассыпался, а тратить на починку деньги или колдовство ей было жаль. Мощь ей тоже хранить было не в чем – бабка таскала ее в себе, рискуя лопнуть; ведьминское туловище вечно дрожало, одежда рвалась и из-за этого ее постоянно принимали за нищую. Бабка милостыней не брезговала; мелочь и объедки она придиричиво считала и тоже обращала в мощь.

Было у бабки четверо скакунов – до того отошальные, что даже не поймешь, что за звери такие. Не то псы, не то кони. Бабка не холила скакунов и кормила их крайне редко – чтоб не тратиться. От этого скакуны ходили вечно злые.

Не успела бабка к дому подойти, а кони-псы уж набросились на Дейтильвирка и давай его рвать! Но он был лог, и

скакунам ничего не удалось поделывать, даже откусить чуть-чуть они не сумели.

– Вижу, что неучен ты – сказал бабка с раздражением. – Совсем жить не умеешь. Кабы умел, тебя б сразу...

– Да – согласился Дейтильвирк, – жить у меня не получается. А что значит жить?

Ведьминская спина скрючилась – от презрения.

– Неук! Учись жить!

– А как надо учиться?

– Дурень! Как все учатся, так и ты учись. Выпало мне горе – дураково море! Сколько было бездарей... всех учи да вот ты еще выпал, пустота каленая.

Конечно, она и не собиралась никого учить. Бабка-газень задумала извести Дейтильвирка, а образующую его энергию взять себе. Но сперва она заставила его выполнять всякие работы – чтобы получить выгоду от чужого труда. Да только не вышло ничего – ведь Дейтильвирк не умел толком овеществляться. У него все рассыпалось и проваливалось. Кроме того, он ничего не умел делать.

Видит бабка – нет от Дейтильвирка дополнительной пользы. Вот она и говорит:

– Пойди-ка ты на Зкопань-поле, послушай, что трава-Похорон скажет. Она точно знает, как надо жить.

Бабка воображала себя большим знатоком в области жизни; но в действительности, она точно знала лишь то, что любая жизнь заканчивается смертью. Бабка не верила в веч-

ность, и поэтому свою смерть она старалась отогнать, а чужую смерть приблизить; она была убеждена, что существуют абсолютные концы.

Безмятежно Зкопань-поле; неподвижно стоит Хоорон-трава, не двинется, не шелохнется, ни ветер, ни град ее не сомнут. Заколдована Хоорон-трава, заключена в ней тайная сила, что любого живого повалит.

Пришел лог Дейтильвирк на поле, прислушивался-прислушивался... Ничего не говорит трава, молчит себе да молчит. Тогда он стал спрашивать:

– Простите... вы не знаете, как жить надо? Что для этого надо делать? А то я все пробую, пробую, да не выходит... Может, надо что-то сказать?

Дейтильвирк спрашивает. А трава молчит – не умеет же она говорить, это бабка-газень съязвила, насмехаясь над Дейтильвирком. Ей нужно было, что он рассыпался, как рассыпается все живое.

– Получу с его глупости энергию... и в кулечек сложу. А то ишь! Чего выдумал – учи его! Да такого весь свет не научит.

Ждет бабка, когда Дейтильвирк рассыпется, да только он не рассыпается. Нечему в нем рассыпаться: материи ни на грош, а на энергию сила Хоорон-травы не действует. Бабка этого не знает. Она сидит и ждет. День ждет, два ждет. Месяц ждет. Дейтильвирк все ходит по Зкопань-полю и рассуждает:

– Эх, если б мне знать, отчего я Дейтильвирк! Может, я и не Дейтильвирк, а еще кто-нибудь?...

Разозлилась бабка – мощь в ней забулькала:

– Ах он сапог дырявый, ах он пень трухлявый, вошь в мешке, пузырь на горшке! Да чего ж он не сгинет! Нет – не оставлю этого! Есть не буду, спать не буду, черна мощь и хлам, никому не дам! Дождусь, когда он развалится.

Ждет глупая ведьма год, ждет два – Дейтильвирк не распадался. Так она прождала еще долго, скакунам есть не давала, и сама не ела, сытая внутренней мощью. А вот в скакунах такой мощи не было!

Выли скакуны, выли, выли их животы пустые – все без толку. Уйти от ведьмы они не могли, их удерживало колдовство. Они терпели, терпели, копили ярость; бабка не замечала, только изредка ругалась на них. Она воображала, что темные чары сильнее всего на свете. И вот однажды ярость пересилила колдовство: вышла бабка из дому, а кони-псы на нее и набросились. И порвали в клочья.

Дейтильвирк опять ничего не сделал!

Сгнула вредная газень, пропала, рассеялась навсегда; но накопленная ею мощь выплеснулась наружу и создала поток – могучий энергетический поток, уходящий в небеса.

Дейтильвирк как раз подходил к дому ведьмы, чтобы задать вопрос насчет травы. Но поток захватил его и понес сквозь Вселенную. Дейтильвирк нисколько не удивился: как всегда, он ничего не понял. Его вертело во все стороны и толкало вдаль.

(Если бы Дейтильвирк имел научные склонности, он бы

заметил, что поток энергии имел четко заданное направление, уходящее в Заповедную часть космоса.)

Вереницы космических тел мелькают перед Дейтильвирком. Ему кажется, что они мчатся наперегонки и даже путаются друг с другом. Как писал Веда Взмокин,

До чего же мысль моя легка,
Не сидится ей на свете этом –
Далеко умчусь за облака,
Завяжу хвосты лихим кометам!

В Заповедной части космоса обитали особые создания – не живые, но жившие когда-то; прежде они существовали в материальном виде, а потом их индивидуальность перелетела сюда, ибо достойна была существовать вечно. Здесь собирались исключительно замечательные умы – герои и создатели.

В структурном отношении они были похожи на Дейтильвирка – с той лишь разницей, что их энергия намного сложнее и благородней.

Здесь давно наблюдали за злой бабкой, ведь ее кончина могла бы вызвать в мире хаос. Ведьма лопнула; однако злую энергию тут же обуздали и прогнали прочь. С Дейтильвирком в придачу.

Дейтильвирк как шлепнется – и говорит:

– А где бабуля?

– Поглотила ее собственная жадность – сказал один Герой
– Теперь колдовская злоба не сможет служить во вред, но...

вы, кажется, не действовали заодно с ней.

– Да, я не действовал – заговорил Дейтильвирк, – где уж мне действовать, я даже не знаю, что это такое... Вот как бы мне понять, кто я? Это вопрос меня особенно занимает...

Вокруг собрались души – вечные, бессмертные. Все задавали правильные вопросы:

– А вот вы сами как бы могли себя охарактеризовать?

– Я-то? Я Дейтильвирк. А еще я лог. То есть так меня называют Взмокины. Меня еще как-то называют... в других местах, но более сложно... я все время позабываю. Лог я.

– Значит, вы не из Взмокиных?

– Нет, я Дейтильвирк!

– А были ли у вас родственники?

– Да вроде нет...

– А были ли у вас высокие цели?

– Да нет, вроде...

– Может, вас привлекала мудрость?

– Не, от мудрости все трясется. Это мне логи говорили.

– А в целом, что вы делали в своем мире?

– Я-то? – Дейтильвирк замялся. – Да так... камешки, личинки... трава еще...

– Простите за возможно резкий тон вопроса... Вы случайно не призваны пугать?

– Пугать? – переспросил Дейтильвирк – А как это?

– Это значит вызывать страх, трепет, смятение, скорбь.

Злые души занимаются этим.

– Я не знаю, я не пробовал. – Дейтильвирк вдруг вообразил, что, возможно, пугать – это и есть его призвание. – Надо чтоб страшно было? Я сейчас... А-а-а-а!!! Ну как, страшно?

– Нет, нисколько.

– А если так... это как его... Буль-буль-буль! Что, и так не страшно?... Наверное, я не совсем умею пугать... Какой ужас!

– Не огорчайтесь – сказала одна красавица. Ей было очень много лет (если только вечные имеют возраст); но она все равно казалась молодой и красивой. Жизни она

была замечательной женщиной. – Вы не злой и не страшный, уже одно это должно Вас обнадеживать. Но Вы испорчены безделием, Ваша сущность не способна ни на какое созидательное действие. Вы не живой, но и не мертвый, Вы просто существуете... Но мне кажется, не все еще потеряно. Вы можете добиться много и понять себя, если начнете работать – над самим собой. Вам стоит заняться саморазвитием, но в каком-нибудь не очень хитром деле... Знаете, в царстве Н. недавно родился новый герой. Герой совсем молод, и ему необходима помощь. Оправляйтесь к нему, а если спросит откуда Вы, скажите – Надежда Устремлевна послала!

Дейтильвирк хотел переспросить, что значит помогать, да не успел – могучая сила бессмертных мягко подняла его и тут же опустила – в тысячах миров отсюда, прямо посреди царства Н.

Дейтильвирк попал на опушку леса; ему часто приходилось бывать в лесу, но здешний лес был какой-то не такой.

Дейтильвирк сделал шаг или два и увидел – молодой парень целит в него копьем.

– Призрак ты неугомонный, и ты хочешь невинной крови? Воровать жизнь пришел? Не бывать тому!

– Я не призрак... – забормотал боязливо Дейтильвирк, – я лог... то есть я... меня оттуда... Надежда Устремлевна направили, чтобы...

– Вы от Надежды Устремлевны? – воскликнул парень. – Ох, извините меня пожалуйста за грубость, я уже повстречал столько нечисти, что ужас... Надежда Устремлевна – наш духовный хранитель, так сложилось в нашем народе много лет... значит, и вы хранитель?

– Нет, я – Дейтильвирк, и мне сказали как-то вам помогать... А вот что значит...

Но тут из чащи выскочили демоны, целая орда, и пришлось бежать; а потом, когда демоны сгнули, надо было идти – далеко-далеко, идти, карабкаться, ползти. Быть героем совсем непросто.

В пути парень рассказал, что он принц и должен освободить царевну из плена владыки Е. Для этого нужно пройти множество земель и совершить множество подвигов. Дейтильвирк все слушал, правда, мало что понимал; вообще слова «подвиг, честь, царевна» казались ему лишь сочетанием звуков. Но он послушно шел, он же хотел что-то сделать.

Принц считал Дейтильвирка существом сверхъестественным и потому полагался на его советы.

Вот попался им дорожный указатель – каменный столб, а надписи на нем кем-то стерты. И несколько дорог.

Принц спрашивает:

– Как вы думаете, стоит ли нам идти вот по этой тропе?

– А кто его знает – ответил Дейтильвирк. – Можно, наверное...

Они пошли и угодили в змеиную ловушку. Еле выбрались.

Идут дальше, а навстречу летит толпа разбойников.

Принц спрашивает:

– Стоит ли нам с ними драться?

– Да как сказать – говорит Дейтильвирк, – может что и стоит.

Ринулись было на разбойников – да только их толпа целая, а принц один (Дейтильвирк же нематериальный). Пришлось убежать.

– Как-то нам не очень везет, – сказал принц, подумав. – А может быть, вы расскажете что-нибудь интересное? Или веселенькое?

Дейтильвирк старался как мог; у него плохо получалось, но принц не унывал.

Шли долго; нельзя сказать, что Дейтильвирк делал что-то осмысленное или как-то помогал принцу; но он был рядом, а вдвоем всегда легче, чем одному. Поэтому принц несколько не обижался на своего «помощника».

Наконец они добрались до замка владыки Е. Принц сказал Дейтильвирку:

– Ждите меня здесь! – а сам помчался освобождать царевну, свою невесту. Долго ли, коротко ли – возвращаются принц и царевна, а Дейтильвирк стоит точно на том самом месте, где его принц оставил.

– Благодарю вас за стойкость, – сказал принц. – Но не проходил ли здесь враг какой?

– Нет, – говорит Дейтильвирк, – врагов не было; шаталось много всякого народа, какие-то с луками, мечами... все про вас спрашивали, про ваши силы, а я и не знаю толком, что сказать...

– Скверно – говорит принц, – это были слуги владыки Е., они обязательно устроили здесь засаду. Прежним путем идти нельзя; придется искать новый путь!

Они пошли по новому пути, вернее побежали, так как за ними мчалась погоня. Злые всадники владыки Е. гнались за принцем, хотели отнять прекрасную царевну – иногда их авангард догонял Дейтильвирка (тот постоянно где-то путался), но принц всех сокрушал. Ему помогала царевна – она оказалась не только хорошенькой, но и весьма боевой.

Дейтильвирк все рассуждал:

– И чего они привязались... ну царевна она и царевна, ну отняли и отняли... обижаться-то зачем? Если б у меня отняли царевну, я б нисколько не обижался. Тем более что она – чужая...

Сквозь него пролетали целые снаряды, но Дейтильвирку все нипочем.

Все бежали, бежали, бежали; наконец оторвались. Но от долгого пути и приключений царевна так утомилась, да и принц тоже устал, что они решили немного отдохнуть.

Принц говорит Дейтильвирку:

– Дорогой друг, усталость нас переполнила; надо хоть немного полежать. Авось сил прибавится. Но прошу вас – следите, как бы подлый Е. не подобрался.

Легли царевна и принц на траву и сразу заснули. Дейтиль-
вирк по сторонам глядит.

Долго ли, коротко ли – просыпается принц, глядь –а царевны-то прекрасной нет. Один Дейтильвирк стоит и рассуждает:

– Листья что-то не падают... хотя зачем им падать... Да! Хотел вам сообщить, приходил тут один с огромной толпой, прилетели даже на чем-то... Я спрашиваю, Е. он или не Е., а он не слушает... схватил, значит, царевну и того... ушли все в общем...

Принц едва не расплакался:

– Почему ж вы меня не разбудили?!

– Да я же не это... не как его... не умею будить. А что значит будить?

– Делать нечего, – сказал принц. – Придется опять идти царевну вызволять.

И они пошли снова. Снова принц по пути совершал по-

двиги, а Дейтильвирк был рядом. Ему очень хотелось что-то сделать, да только не удавалось.

Наконец, они достигли дворца злого владыки Е.; от жителей они узнали, что царевна очень грустит и отказывается видеть Е.; и что она выйдет замуж лишь за того, кто покажет настоящее чудо. А иначе сама себя погубит. Е. был вынужден согласиться – со всех краев к нему потянулись женихи со всевозможными чудесами. Но Е. был хитер – у него у самого имелось такое чудо, что даже гордая царевна не смогла бы возразить.

А женихи все приходили и приходили, приносили с собой такие диковинки, что все вокруг ахали:

– Вот это да! Вот чудо так уж чудо!

– Не могу сказать, что это чудо – рассуждал Дейтильвирк – а кстати, что такое чудо? И где оно берется?

Последив за повадками Е. Принц думал-думал и придумал. Он говорит:

– У меня появилась одна мысль... но мы с вами должны появиться в самый последний момент.

В назначенный день стаи женихи показывать царевне свои чудеса – одно другого удивительнее. Владыка Е. сидит и усмехается. Один пришел с удивительными зеркалами – на миллион шагов вокруг все видят. Владыка Е. сидит и усмехается.

Другой вынул простой платок, взмахнул им – и на платке появились удивительные картины, подвижные, объемные,

будто совсем настоящие. Е. усмехается. Третий щелкнул пальцами – из пустоты персик выпал. Е. говорит:

– Превращение энергии в материю. Ничего сложного. А вот зато не всякая материя энергии поддаться может. Разбейте-ка вон тот камешек! – и показал на огромный валун, химически напоминающий алмаз.

Били его женихи, били, даже бомбы взрывали – не поддается алмаз никак, даже трещинки малой – и той нет.

Е. спрашивает:

– Что, братцы, не смогли разбить?

– Да, говорят женихи, не смогли.

– Так выходит он неразбиваемый?

– Да, говорят, похоже на то.

– А вот теперь, братцы, смотрите – Е. выхватил из ниоткуда меч, ударил им – камень в прах разлетелся. Даже стекляшек не осталось.

– Видите, дорогая, этот меч способен сокрушить любое вещество. Что бы ни было на свете твердого, великого, могучего, все он разрушит, все в прах обратит. Разве это не удивительно? Разве это не самое большое чудо?

Женихи согласились; да, это действительно чудо, раз любую материю сокрушить может. Погрустнели глаза царевны, она не знала что сказать, но тут –

Перед владыкой Е. предстал принц. Вместе с Дейтильвирком. Принц спросил:

– Вы сказали, что ваш меч способен разрушить все?

– Любую материю – сказал Е. – Любую вещественную субстанцию, независимо от ее прочности и сложности.

– Да, это действительно чудо – сказал принц. – Но позвольте показать вам чудо еще большее – и кивает на Дейтильвирка: – это мой добрый товарищ: вам его ни за что не победить.

Не успел Дейтильвирк сообразить хоть чуть-чуть, как владыка Е. накинулся на него с мечом и стал сокрушать. Он рубил долго, сильно и неистово; в мече таилась такая мощь, что могла уничтожать целые миры. Но миры образованы материей – а ее, как мы давно знаем, в Дейтильвирке очень мало, и она возобновима. А энергия тем мечом не уничтожается.

Рубил владыка Е., рубил – бесполезно, Дейтильвирк стоит на месте и непохоже даже, чтоб ему было неприятно. И пришлось владыке признать, что есть на свете несокрушимые явления.

– Ладно, – сказал Е. принцу. – Ты победил. Забирай прекрасную царевну. И чудо свое забери, пожалуйста, а то у меня от него голова ходуном ходит.

Всю оставшуюся часть пути Дейтильвирк удивлялся и спрашивал сам себя:

– Разве я – чудо? Это что, моя сущность? А зачем они полезны, эти чудеса?

Вернулись принц и царевна домой, и все стало вокруг хорошо, и даже замечательно. И все благодарили Дейтильвирка за то, что он сделал.

– Ура! Наконец-то я сделал! Как назло, вот не припомню, когда именно я что-то делал... забыл. Или я не заметил... Но я же очень внимательно смотрел!

Наверное, Дейтильвирк сделал что-то такое, что недоступно простому взору. В Заповедной части космоса его тоже благодарили – за помощь хорошим товарищам, но при этом сказали:

– Уж очень вы чистый разум. Вам стоит немного подучиться.

– Ой, – говорит Дейтильвирк – что-то мне неохота... вот энергии слегка обновить не мешало б... и еще домой поехать...

Бессмертные сделали все как он просил: Дейтильвирк получил огромный запас мощных, освежающих полей и вот –

Он уже сидит на старом месте. Возле прошлогодней кучи листвы.

– Да, – сказал Дейтильвирк – погуляли и домой. А все-таки, кто я – живой или не живой?

Он посидел, посидел; но вскоре на него налетели другие логи – знакомые. Они были страшно перепуганы.

– Что сидишь как гриб?! Вставай!!

– Вставай, Дейтильвирк, переезжаем!

– А?... – спрашивает Дейтильвирк – Куда переезжаем? Зачем?

– К черту, к логу лысому на двор, на дом... тут такое творится, такое творится... а-а-а-а!!! – вот что творится! Соби-

райся!

Логи принялись объяснять, но так быстро и сумбурно, что Дейтильвирк ничего не понял. К счастью, рядом пролетала знакомая бьорка.

– Объясни, пожалуйста – попросили ее логи – объясни этому тугодуму что делается! Жить же нельзя!

– Это вам, логам, нельзя, – сказала бьорка, – а мне можно. Хотя странно.

– Почему? – спросил Дейтильвирк.

Бьорка рассказала, что с недавнего времени все в их мире меняется. Виной всему народ Взмокины, потому что у них появился какой-то Цветок (?). Этот Цветок наполняет мир невидимыми лучами, от которых становится больше смысла и гармонии, и от этого логи очень страдают. Они же никогда не терпели гармонии. Гармония, исходящая от Цветка, и еще от кого-то такого, проникает повсюду, и старое, привыкшее к торжеству безобразия вынуждено отступать. Вот логи и переезжают.

В обычной среде тоже были изменения. В лесу появилась новая куница – большая-пребольшая, с длинными как у волка ногами и хвостом полубаранкой. Куница везде совала свой нос и пискляво-хрипловатым голосочком говорила:

– Безобразие! Ходят тут всякие рожи необразованные, заняться нечем... А это золото? Нет, это не золото... Прямо ужас... кошм-а-а-ар-р! Везде та-акие физиономии! Совсем никаких стандартов.

(На самом деле, это была никакая не куница, а просто Гониденек³, симпатичный паренек, но о нем в другой истории).

³. См. повесть «Ведя Взмокин – наш товарищ!»

Дейтильвирк и сам признал, что мир охватили невидимые перемены. Он не чувствовал их вредного влияния, но – на всякий случай – не стал спорить и вместе с другими логами перебрался в другой мир. Не слишком далеко от прежнего.

Медленно тянется время – и оттого возникает скука, и трудно одолеть ее. А вот он, Дейтильвирк, знает, что делать! – он сидит в новом уже мире и по-прежнему роется в траве, ворошит прошлогодние листья и камешки, рассуждает. Другого он не умеет. Порой из-под камешков пробиваются крохотные ростки; ростки тянутся, тянутся ввысь и иногда достигают очень больших размеров. Бывшие ростки становятся деревьями; с деревьев падают листья, чернеют, Дейтильвирк их тоже ворошит, опять пробиваются ростки – и так, наверное, будет еще очень долго, если не всегда. Дейтильвирк способен лишь на простенькие действия – он ворошит листья, камешки, находит ростки. Конечно, это очень просто, он и сам простой-простой, наш Дейтильвирк. Но, быть может, даже в таком простом деле есть смысл?

СЕКРЕТ КУЗНЕЦА ТЕРПИЯ

У Веди Взмокина есть такие строчки:

Не пишу стихи и пьесы,

Не гуляю вдоль озер,

Я не химик, и не слесарь –

Я всего лишь фантазер.

Содержание понятно; но кого в данном случае следует считать фантазером? Того, кто фантазирует просто так, ничего не делая? Или это тот, у кого все есть, все удобства, все блага, кто сидит себе и мечтает? Таких в свое время было много – среди Взмокинских соседей, лодырей несчастных. Точнее, они-то были счастливы, у них все было. Это у Взмокиных ничего не было, почти ничего. А при чем здесь «вдоль озер»? Разве так трудно, гулять вдоль воды? Это легко. Значит, имеются в виду не богатенькие бездельники. Из текста следует, что те, кто «гуляет», тоже заняты делом. Только не сказано, каким именно.

«Гулять вдоль озер» означает жить в Заозерном Крае, легендарном царстве, где когда-то процветала деятельная мудрость. Жителям, населявшим Заозерный Край, издревле были известны сокровенные тайны физики; кроме того, среди них были великие мастера. Мастера обладали даром превращать умственную силу в дело и создавали вещи самые по-

трясающие; при этом мудрость имели все, даже законченные бездельники. Просто не каждый умел той мудростью воспользоваться. Заозерный Край мог создавать творения космического масштаба; но так было давно. К моменту появления Веди Взмокина вдоль озер бродили совершенно другие народы. Странно, что Заозерные мастера, столь искусные в деле, не оставили о себе даже крошечной дощечки с именем.

Сохранились лишь предания.

Предания – мифы, сказки, легенды – растут и множатся, в зависимости от сил народного творчества. Их особенно много у Взмокиных, ведь Взмокины так любят литературу!

...В стародавние времена жил в Заозерном Крае кузнец по имени Терпий. Прежде он учился у старого мастера, а теперь сам стал мастером, и мог выковать самые хитрые и мелкие изделия. Кроме того, он знал потаенные секреты земельных веществ (например, как из кремния сделать металл). Терпий был доброго нрава, и это все знали; но он не любил шумных сборищ, а также не умел долго разговаривать. Знакомые считали Терпия чудаком, а хозяйки говорили:

– Странный парень Терпий... ходит-ходит головой набекрень, и хоть бы глянул на нас. Неужто мы такие бедные, что на нас глядеть нельзя? К счастью, все есть. А он все фантазирует.

Но даже если Терпий фантазировал, то фантазии его были совсем не странные. С некоторых пор ему очень хотелось завести детишек, чтобы учить их, воспитывать, заботиться.

Но в те времена детей умели заводить лишь одним способом – природным – и для этого нужны были он и она. Терпий, ясно, он; да где сыскать ее? Терпий никогда не помнил родителей, и не мог у них спросить, а его старый мастер всю жизнь прожил один и тоже ничего не знал.

Терпий пробовал просить приятелей – помочь в поисках пары.

– Не могли бы вы мне пособить в одном деле... сказать, что так мол и так, все женятся, ну вот и Терпий... тоже захотел. Авось кто откликнется.

Приятели ходили по домам, рассказывая:

– Слыхали новость? Чудак Терпий жениться вздумал! Фантазировал-фантазировал и вот на тебе! – дошел до зрелой мысли. Прямо-таки удивительное событие в природе.

– Да кто ж за такого пойдет? Он же странный; натворит еще чего. Муж должен быть серьезный и обстоятельный. Муж должен быть личностью. А у этого никакой личности, руки только умелые. Но ведь этого же недостаточно.

Терпия никто не воспринимал всерьез, хотя мастерство его было бесспорно. Да, он любил выдумать что-нибудь этакое, но без всякого вреда. Наоборот, некоторые его придумки имели большое значение.

Это хорошо знал сосед Терпия – Радий:

– Терпенек, а Терпенек! (Радий любит забавные прозвища) – Не наточишь ли мне нож сучковый? Только надо сделать так, чтоб им и толстые ветки, и тонкие стебли можно

было срезать без малейших царапин вокруг.

Терпий большой мастер, он сделал нож – такой, что может косить в саду траву, сорняки, сучья, и при этом остальная часть растения совершенно не страдает.

– Терпелик! Не настроишь мне замок, а то он так разболтался внутри, что только и слышно: хрб, хрб, хрб!

Терпий разобрал замок, но тот настолько износился и прожавел, что легче изготовить новый. Терпию совсем нетрудно – новый замок он сделал за одну ночь, с множеством хитрых рычагов, совершенно неприступный для чужих. При повороте ключа замок звенит:

– Зжть! Вжть! Тржть!

– Да, эта музыка приятнее. – говорит Радий. – Песни можно играть!

Радий – весельчак и балагур, любитель шумных забав и хороший хозяин. Нельзя сказать, что он работает больше Терпия; просто у Радия особый дар – дар везения.

Скажем, по весне все посадили по 100 дынь, и Радий посадил, и Терпий; год выдался неурожайный, и из 100 дынь до конца созрели едва 3-4. А у Радия созрели восемь.

Все ходят и говорят:

– Ай да Радий! Все лето дожди простояли, света не давали, а он, глядите-ка, целых восемь дынь собрал! Вот это хозяин! Вот это молодец!

Терпию, который как и все получил из ста дынь четыре, говорят:

– Копался, копался... а выросло лишь четыре шарика? Эх ты! Чудной! Зачем ты берешься не за свое дело? У тебя же кроме молотка в руках ничего не держится!

Терпий не обижается, тем более что над ним чаще всего смеются девицы, веселушки-хохотушки. Но почему они не хотят разговаривать с ним всерьез?

Едва он приблизится, а они сразу:

– Парень, от тебя дух кузнечный идет... просто с ног валит!

Терпий стирал свои одежды в семи водах, но девицы оставались недовольны:

– На тебе паутина повисла... лицо носишь грубое... говорить с тобой неинтересно, будешь о своих химикалиях вещать... скучный ты.

Терпий все ждал, когда найдется та, которой он понравится. Но такой все не было и не было. Терпий ждал (он очень хорошо умел ждать), ждал, думал, а потом пошел к Радию за советом.

У Радия было полно советов на этот счет, и все очень активные.

– Познакомиться очень просто. Можно в бок толкнуть. Ущипнуть. Можно по затылку. Можно нечаянно что-нибудь рассыпать, а потом собирать, слушая, как она ругается. Слово за слово... так и познакомиться недолго.

Радий имел много приятельниц – действительно, он ущипнул многих, и всем было весело. Но когда то же самое

пытался сделать Терпий, то девицы становились не веселыми, а злыми; они бранили Терпия почем зря, кидались в него мелким товаром, обещали пожаловаться и побить. Драться всерьез ни они, ни их парни-приятели не хотели, поскольку Терпий был уж очень крепкий; но и знакомиться никто не хотел. Терпий не знал, что и подумать. Вероятно, при этих способах нужно было, чтобы знакомился Радий, а не Терпий.

Терпий не обижался на Радия, наоборот, Радий ему очень нравился за веселый нрав; но как же все-таки ее отыскать?

Радий посоветовал:

– Если не умеешь просто знакомиться, напиши письмо. Что, дескать, имею желание... сам я хороший (опиши себя как следует). Только не очень ври. А то потом выкручиваться придется.

Терпий подумал, что ему письменное знакомство весьма подойдет, и оно даже лучше, поскольку не требует хулиганства. Правда, он был кузнецом и не очень хорошо умел писать письма. Он вообще не привык излагать свои мысли в письменной форме, полагаясь больше на умозрительные образы; так что когда Терпий стал писать, то ничего не мог написать.

– Здравствуйте. Так. Хорошо. Написал. А что будет после «здравствуйте»? Мысли что-то не идут... что же говорить надо? Сначала здравствуйте, а потом, потом... Не получается! Надо тренироваться.

Терпий был очень упорен; несмотря на не слишком юный

для учебы возраст, он стал учиться очень усердно. Он сам себя учил писать письма. Он ходил взад-вперед, в промежутках между трудом, размышлял, размышлял. Из сотен обычных слов он выискивал правильные, которые потом складывал в фразы; фразы не получались, он тысячу переделывал каждую строчку, чтоб было и верно, и прилично. Медленно-медленно Терпий достигал возможности писать; наконец он научился. Научился не просто думать красиво, а коротко и точно записывать все придуманное.

У Радия к тому моменту было уже 2 или 3 ребят; Терпий не завидовал – он же умел ждать.

– Надо написать – а кому же написать, если я никого не знаю? Значит, надо познакомиться... по переписке.

Терпий потер горсть песка, превратил его в самозажигающийся стержень. От соприкосновения с воздухом на конце возникла искра, давая яркий свет; свет горел, пока весь материал стержня не перешел в энергию, то есть очень и очень долго. Не все это время Терпий писал (каждый он занимался работой), но все равно он написал очень много.

Терпий писал всем подряд. Он писал в те места, где были невесты подходящего возраста, где могли быть интересные собеседники. Ему очень хотелось, чтоб ответили; но больше всего он, конечно же, хотел с кем-нибудь познакомиться.

Терпий писал на самых разных материалах – на бумаге, на металле, бересте, камне; увлекшись, он и сам не заметил, как придумал способ бесконтактной записи, то есть записи с

помощью лишь одних мысленных усилий. Правда, для этого требовался специальный энергочувствительный материал и много времени учебы. У Терпия было время; да, у него было очень много времени, тем более что в Заозерном Крае знали секрет долголетия. Терпий писал и думал; потом он бросал писать и только думал, или работал (работа всегда имелась, ведь он был мастер), а потом опять писал, писал, писал. Он никуда не уходил, и все время был в пределах своего хозяйства. Терпий не привык путешествовать, кроме того, он боялся, что пропустит письмо с ответом. Он писал и ждал.

И как назло никто не отвечал, или отвечал так неубедительно, что было неловко продолжать беседу.

Но вот однажды к нему пришло письмо.

Совсем коротенькое письмецо, нарисованное от руки углем на простом листе. В письме было написано:

«Дорогой Терпий! Большое спасибо за теплые слова. Мне кажется, Вы очень хороший... »

И подпись: Р-я

Терпий уж забыл, когда писал Р-е; но тем не менее его охватил великий восторг! Ведь первый шаг к знакомству уже сделан.

Терпий принялся ждать продолжения; прошло много времени, но новых писем от Р-и все еще не было. Тогда Терпий решил писать сам.

Трудность заключалось в том, что он не знал характера Р-

и, ее профессии и интересов. Он даже не знал, где она живет. О чем же писать, если ничего неизвестно? Терпий выковал 10 самокопающих лопат (по просьбе одного земледельца), думал-думал...

– Пиши общие слова, – посоветовал Радий. – Расскажи ей про себя, про свои интересы. Только не очень ври.

Терпий послушался и описывал себя; он ничего не придумывал, все описывал как есть на самом деле. Однажды он написал, что легко сможет обратить гору глины в гору металлической руды, а потом застеснялся: ведь он мог это лишь в уме, но еще ни разу не пробовал. Терпий стал совершенствоваться, и в результате действительно сотворил горы полезных ископаемых из никчемной глины. Впрочем, Р-я до этого еще не успела ответить.

– Она меня испытывает – догадался Терпий. – Проверяет на прочность мои намерения... что ж, это справедливо. А то каждый начнет писать, а потом бросит. И сразу видно, что он врал. Но я-то не вру!

Терпий писал – но поскольку Р-я не отвечала, то он, по совету Радия, писал на общие темы:

«Уважаемая Р-я! Мне все время хочется сказать Вам что-нибудь доброе, приятное, жизнеутверждающее; конечно, это совсем нехитрое дело – говорить, грамотно расставляя слова,

но в некоторых случаях даже это бывает полезно... добрые слова необходимы! Они ободряют, укрепляют собесед-

ника, настраивают его на позитивный лад. В реальной жизни мы часто видим обратное – ругань, унижения, пустословие – и таким образом слова служат разрушению. Но ведь благодаря им же можно и созидать! я верю, что когда-нибудь сила слов позволит не только ободрять людей, но и лечить их, в том числе духовно. Поэтому я всегда очень серьезно отношусь к тому, что говорю...»

Терпий думал, что пиши он стихами, то получилось бы еще интересней, но он совсем не умел рифмовать. Он писал:

«...Можно ли оценить искренность и серьезность человека, видя лишь написанные им строчки? Ведь буквы, собранные в слова и предложения выглядят совершенно одинаково и у веселого болтуна, и у прохиндея, живущего обманом. Как же в таком случае отличить правду от лжи, высокие чувства – от похоти и расчета? Ведь перед глазами – одни только слова. Но поверьте, дорогая Р-я, в моих словах есть смысл!

Смысл...»

Между тем, постоянно приходят жители Заозерья и говорят:

– Дорогой Терпий! У нас в доме сломалась такая-то и такая-то аппаратура! Ты не мог бы сходить исправить?

Но Терпию не хочется покидать рабочее место, ведь он не довершил последнее письмо. Ему легче сделать заново всю испорченную аппаратуру. Он делает, а потом пишет; пишет-пишет-пишет, забывает, снова делает, стучит молотком, превращает одни вещества в другие. Он порой рассеян, но

от писем к Р-е внутри у него такое вдохновение, что работа спорится вдвойне. Он помогает всем. И совершенно не требует награды.

– Вот чудак! – говорят знакомые.

А Терпию все равно: он пишет и рассуждает в письмах.

«... мы постоянно слышим: «мой парень», «моя девушка», «моему парню следует быть поумнее», «моя девушка меня обманывает»... Говоря «мой, моя», подразумевают свои исключительные права на близость, доверие, любовь со стороны «моего». Но нередко эти притязательные местоимения произносятся с явно имущественным смыслом... Словами «моя девушка» он словно подразумевает свои исключительные права на обладание ею, т.е. в его понимании любимая становится вариантом частной собственности... Он считает, что «его» любимая не может принадлежать кому-то еще, в том числе – себе самой. Да, он дорожит «своей» девушкой – как дорогой вещью. Он говорит «Моя подруга!» – а сам настороженно оглядывается: нет ли рядом претендентов? Если есть, тогда беда – может дойти и до драки. «Как ты смеешь гулять (целоваться, разговаривать) с моей девушкой ?!!» – с этого начинаются многие ссоры за право быть исключительным обладателем ее сердца... Но надо понимать, что...»

Над землей Заозерья разносились невидимые, понятные лишь гениям речи:

«...Терпий, Терпий! Ты создал уже очень много – целые

горы, наполненные редким металлом. Ценность их неоспорима; но сам ты не чувствуешь этой ценности... Ты знаешь многое... но вот не знаешь ты, кто такая Р-я, к которой обращены твои слова, и существует ли она вообще. Есть ли она вообще...»

Так могли сказать лишь бессмертные; но в Заозерном Крае никто никогда не верил в вечность. Наоборот, Заозерные жители были убеждены, что энергия сама по себе лишена мощи и лишь превращение в материю придает ей смысл. И никак не наоборот, ведь ломать (превращать материю в энергию) могут даже самые глупые создания. Ломать легко.

Легко также делать сложные вещи, не меняя свойств элемента; вот превратить простой элемент в более сложный – здесь уже нужна мудрость. И чем проще элемент, из которого творится сложный, тем сила мудрости выше. Величайший секрет заключается в том, чтобы необузданную, никчемную энергию, рассеянную бесконечно во Вселенной, превратить в сложное, самое сложное. И тот, кто узнает этот секрет Превращения – будет повелевать всем. Всем, а не только вечностью.

Так думали мудрецы, бродившие вдоль Заозерного Края; так думали и мастера, и бездельники. Терпий тоже знал об этом, и мастерство незримо толкало его именно на этот путь – ведущий к тому, чтобы все стало доступным. Но этот путь невообразимо долог, а Терпию было интересно нечто иное.

Ведь Р-я не отвечала и не отвечала.

Между тем слава о Заозерном мастере вышла далеко за пределы его мира; и от этого во многих умах разгорелась страшная зависть. Многие мечтали узнать секрет Превращения; не желая отдавать все Терпию, мастера и ученые принялись ставить опыты. Но ярость в них перевешивала ум – и энергия, вместо того, чтоб собираться, разлеталась; порой целые миры не выдерживали экспериментаторской гонки и попросту лопались – да, лопались, разлетались каменным градом. Его осколки по сей день несутся сквозь Космос. В них еще есть сила зависти.

Самые хитрые не ставили опасных опытов. Они подсылали к Терпию шпионов, чтобы с помощью изворотливости добыть его мудрость.

Но как добыть? Эта формула или тайна не была записана и не была вообще запечатлена в реальном виде, она просто хранилась в Терпиевой голове. Шпионы (под видом порядочных созданий) приставали к Терпию с уточняющими вопросами:

– Мастер! А можно дерево превратить в уголь?

– Да, можно.

– А уголь превратить обратно в дерево?

– Тоже можно.

– Мастер! А доступно ли... самую последнюю, жалкую вещь сделать заготовкой для чего-то великого?

– Это непросто, – отвечает Терпий – но если иметь великое терпение и желание, то...

«Он не скажет про мудрость напрямую! – догадываются шпионы. – Хитрый!» И продолжают:

– А как же обрести сие великое терпение?

– Надо учиться.

– Учиться? Где? – шпионы с презрением глядят на морщинистые стены, на их почерневшие от дыма бревна – Да в такой лачуге даже тесто толком не замесишь!

– Ваша правда, – добродушно ответил Терпий, – я действительно не знаток по тесту... Я больше управляюсь с металлом.

Шпионы смотрят и видят, как в руках Терпия пыль превращается в редкие металлы, потом еще и еще; шпионы стоят с открытыми ртами. Они видят, и ничего не понимают.

Металл рождается будто сам собой.

– Но как же он это делает? Как же он, подлец, плохое в хорошее обращает-то, а?!

Как ни трудились шпионы, как ни подглядывали, ничего они не узнали. Ни одной строчки, ни слова они не получили из той формулы, что была у Терпия. А может, он и сам ее не знал, просто делал и все?

... Шли годы; кузнечное мастерство Терпия развилось настолько, что он мог – даже не выходя из дома! – превращать в руду и металл целые горы песка, создавая богатое наследие для будущих жителей. Но Терпия увлекало совсем другое, он почти не замечал своих повседневных трудов. Он хотел, чтобы Р-я написала ему ответ. А она не писала.

Все это время Терпий работал, не покидая мастерской. Но однажды один знакомый попросил Терпия изготовить каркас для самодвижущегося средства. Нужен был особый материал, рожденный землей. Такой, что надо было взять у самой земли.

Терпий медленно и неохотно вышел со двора, пошел искать материал, ненужный никому. Но кругом было только все полезное, сотворенное им или другими мастерами. Пришлось идти далеко, в чужие края, где жители не были столь деятельны.

Видит Терпий – впереди овраг, поросший колючим бурьяном; ни тропы, ни следов нет. Терпий понял, что этот овраг существует сам по себе и лишен особого смысла. Можно его копать.

Спустился Терпий на дно оврага, подумал – и вся земля задрожала, затряслась, заходила во все стороны! А потом охнула – и полетела прямо в него! Мудрость Терпия в деле металлотворения достигла таких чудовищных размеров, что могла превращать землю в металл на огромном расстоянии.

А при близком расстоянии она просто притягивалась – притягивалась со стремительной скоростью.

Терпий и вздохнуть не успел, а его уже накрыло гигантской земляной волной. Комья земли, глыбы и россыпи наlepялись на Терпия и тут же становились металлом. Терпий забыл, как надо верно обращаться с землей. Его мысли оказались слишком сильными.

– Эх, подумал он, а ведь Р-я так и не ответила...

Терпия зажалю в гигантском кулаке; его мудрости было достаточно чтоб не умереть, но вот чтобы освободиться – для этого была необходима особая, новая мудрость, которой никто в Заозерном крае не имел.

Гигантская глыба выросла, а потом провалилась – вместе с хозяином...

Многие заметили, как исчез Терпий; но почему-то его не стали искать, не стали жалеть или даже говорить о нем. Может быть, оттого что Терпия считали чудачком, а может быть – просто боялись пропасть вот так же. Никто с тех пор в Заозерье не слышал про великого мастера Терпия.

Долго тянется время; медленно ползут минуты, а века проходят мгновенно. Нужно иметь мудрость, чтоб прожить века.

Века... Века... Тысячелетия... Гибнут старые народы, появляются новые... Миллионы, Миллиарды... Миры порой рушатся. Но кое-что остается.

Мудрость остается. Остается слава, распыленная по Вселенным. Мудрость остается, да зато не всем достается, лишь самые способные могут ее удержать. А вот чтоб еще ее использовать – тут уж надо быть великим.

Однажды в Заозерном Крае (где уже не было исконных жителей) появился Кош, Великий Кош, отягченный мудростью. Мудрость лежала в его сумке и хлопала по ногам.

Он прошел повсюду, однако не нашел никого – лишь тво-

рения простой природы. Тогда он вынул из сумки мыслеуловитель и стал прислушиваться:

– Какие у всех пустые головы... ничего, кроме размышлений о счастье и о личной выгоде. Никто ничего не хочет... впрочем, кое-что я слышу...

Глубоко из-под земли доносились невидимые, неслышные слова о том, как хорошо было б встретиться с той, ради которой... Дальше Кош не слушал:

– Несчастный влюбленный! Как же их повсюду много; однако, некоторые из таких лиц являются очень благородными созданиями. Поможем.

Мудрость Коша сработала – земля разверзлась, огромный каменный поток повалился наружу (там была руда, полная металла), а потом – Великий мастер Терпий, задумчивый, сторбленный, ступил на новую землю.

– Угрозило Вас так замуроваться – сказал Кош. – Вы ведь Терпий? Я слышал про вас, про ваше мастерство, оно было прекрасно... Но почему же вы стали пленником собственного ума?

– Я слишком сильно подумал... все из-за письма. Я ведь умел обращать ничтожное в металл...но долгие годы размышлений показали мне всю вредность этого занятия!

– Почему же вредность? Это великая мудрость; с ее помощью вы помогли многим.

– Разве я кому-то помог?... А, да, наверное; я совсем не думал об этом никогда... Но мое заточение показывает, что

эта мудрость может быть очень вредна! Особенно в рассеянных или злых руках.

– Ну а теперь-то что Вы хотите делать? – спросил Кош.

– Я-то? Не знаю... Буду... опять работать, писать. Пойду на старое место.

– Боюсь, что старого места уже не существует – сказал Кош. – Времена изменились. А та, которой вы писали...

– Ничего, я подожду... когда все восстановится. Мне нетрудно ждать.

– Не лучше ли – обратиться к современности?

– Да нет, зачем? Все равно меня никто не знает... Я подожду,... пока старое не вернется.

Великий мастер Терпий не послушался Коша, не стал работать вместе с современными существами. Терпий ушел, и где он потом жил, что делал – это уже никому неизвестно.

Но обилие полезного материала, сотворенное когда-то Терпием, осталось в земле и по-прежнему служило обитателям Мира.

Но как же тогда секрет Превращения? Неужели он тоже исчез бесследно?

Многие тогда ходили вдоль озер, искали-искали эту сокровенную мудрость, из корыстных соображений. Да разве найдешь! – если даже сам Кош, кладезь премудрости не обнаружил ничего такого, то несерьезные умы, бездельники да авантюристы, и подавно ничего не сыщут.

Вот пришел один шумелидец на то самое место, где ко-

гда-то Кош вызволил Терпия; все опять заросло бурьяном, пестрым, рассыпающимся; но кое-где сквозь лапы листьев глядели крошечные искры, отраженные от природных стекол. Шумелидец топал-топал по глине, а потом произнес:

– Чую, чую! Дивный запах серебра щекочет мне ноздри! А ведь не было здесь ничего, кроме скучной земли! Здесь зарыто богатство! Здесь закопана мудрость.

Шумелидец призвал других шумелидцев, все они были на редкость крепкие (ибо не отягощали себя изнурительным трудом):

– Роем в этом месте, пока не отыщем знание! Вот тогда развеселимся!

Рыли, рыли – ничего не нашли, кроме ветхой глины; а потом пошел песок, опять глина; потом появилась руда – да только шумелидцам не это нужно. Им были потребны истинные драгоценности, ибо только в них и может содержаться мудрость.

Рыли, рыли; обнажили огромный кусок голого металла, созданного Мастером; на металле не было ничего, никаких надписей, зато он неплохо притягивал молнии – с неба. Шумелидцы возятся вокруг куска, роют дальше, роют под него – а молния сверху как ударит! Вмиг все разлетелось.

Молнии еще и не раз и не два ударяли в страшную металлическую глыбу. Разгоняли любопытных.

Узнав об этом, Шумелиды и все прочие народы вообразили, что таким образом великая тайна бережет себя. И очень

испугались.

– Раз уж само небо не хочет, то, стало быть, эта тайна проклята! А раз она проклята, то не будет нам с нею счастья – несчастье одно! Жили мы без мудрости, и дальше проживем. Зачем нам такая злая мудрость?

И с тех пор никто не занимался превращением элементов. Пока не появился новый народ – Взмокины. Только к тому моменту поверх старой Терпиевой темницы выросла целая гора, покрытая лесами; элементы в ней перепутались в бесконечный клубок. Уже не было доступа к той глыбе, где еще могла, в невещественной форме, храниться мудрость Мастера. Сама глыба превратилась просто в землю. Пропали старые знания. А до новых знаний надо еще додуматься.

Думайте, ребята Взмокины!

ГОНИДЕНЕКИ НЕ СПЯТ

Удобная вещь – Взмокинская шапка! С нею можно пойти и в лес, и на работу, и куда захочешь. Она ни мала, ни велика, годится для любого времени года, и своим видом отражает великую добродетель – скромность. На шапке нет украшений, но она и без того прекрасна – потому что с секретом.

Секрет очень полезный: во взмокинскую шапку войдет любой предмет, если он не превышает двух шагов в охвате. Большого размера вещь не втиснуть, а вот до двух шагов влезет все, независимо от веса. Шапка Взмокиных имеет особую субстанцию; попав туда, предмет сжимается, да так ловко, что уже ничего не весит, хотя сохраняется полностью – в виде информации. Это изобретение Взмокинского народа.

Почти у каждого серьезного Взмокина есть такая шапочка; ее обычно носят на затылке, но могут и сбоку, на одном из ушей. Взмокины очень следят за своими головами – если шапка пропадет, то и все из нее пропадет.

Это свойство Взмокинских шапок очень нравилось Гониденеку, который не имел карманов. Знаете Гониденека? Это такой паренек, покрытый шерстью, с полукруглым хвостом и лицом как у лесного зверя. Он мечтает добиться успеха – то есть разбогатеть; но разве разбогатеешь, если нигде держать добро?

Добро есть нечто очень ценное, например, золото. Гониденек сперва найдет такой камешек, спрячет куда-нибудь, а потом забудет место или вовсе потеряет. Это очень обидно.

– Все куда-то девается... просто ужас. Кошмар! Никакого прогресса!

Добро легко уместилось бы в шапке, но Гониденеку трудно ее носить. Он был родом из простой природы, и поэтому его лоб почти без изгибов переходил в затылок с ушами. От бродячей жизни Гониденек не привык стоять спокойно, постоянно вертелся, уши его тоже вертелись, вздрагивали, не желая ничего держать.

– Я всегда так стою... очень скучно на одном месте, вот я и стою, что не стою... А что, разве плохо? Захотят меня за хвост схватить – а меня уже и нет!

Впрочем, Гониденек и не собирался хранить золото и прочее добро в шапках.

– Что шапка! Шапка, конечно, хорошо... но это же технологически пройденный этап, так сказать, непередовой... Я лично за то, чтоб вообще никаких шапок не нужно было! Одни головы.

Иначе говоря, Гониденеку хотелось носить свой капитал в голове и нигде больше.

– Это очень удобно. Голова со мной и добро со мной. А если, скажем, случится чего – помрешь там, или голову оторвут – все и пропадет. Никому не достанется!

...

Богатство Гониденеку нужно не для славы, не для могущества, а так, вообще. У него нет никаких явно корыстных целей, за исключением разве что страсти к мелким удовольствиям, вроде вкусной еды. Добывать богатство ему велит сама природная сущность. Алчный ищет золото сознательно, Гониденек – бессознательно; это вечное стремление к золоту испокон веков было свойственно представителям его вида.

Гониденек не плохой: делать гадости и подлости он не умел, и не желал учиться этому (он вообще не любил учиться); но все же кое-что соображал. Мохнатая голова не давала покоя мохнатым лапам и хвосту, а в мохнатом животе булькало недовольное чувство – не жадность, а скорее огорчение. Иногда из огорчения вырастала обида: как же так оно вышло, что у нас опять ничего нет? обидно... От обиды Гониденек и прыгал, и вздыхал, и пускался на разные затеи, часто связанные с риском и не связанные с созидательным трудом. Он постоянно попадал в истории.

Переехав к Веле Взмокину, Гониденек долго не знал чем заняться; он, правда, погрозился обчистить «всех плохих» (за то, что они плохие), но пока лишь ходил и примерялся.

Здесьняя природа была привычна Гониденеку, он отважно забирался в горы, в чащи и прочие глухие углы, не боясь быть съеденным. Большой жизненный опыт придавал Гониденеку самоуверенности.

Он даже поругался – несколько раз – с крупными хищни-

ками. Сидя на ветке, Гониденек объяснял хищникам какие они все глупые. Хищники открывали страшные пасти, рычали (как большинство местных животных, они не умели разговаривать); хищники прыгали вверх, огрызаясь. Но Гониденек очень высоко залез:

– Ха! Тоже мне напугали! Морды необразованные. Вам бы надо накостылять, да неохота просто возиться. Ой, я пальчик ободрал... Кошма-а-а-ар-р...

Он контактировал со многими созданиями, но они так и не поняли, кто такой Гониденек. Разумные животные считали, что это просто большая куница. Гониденека это очень обижало:

– Какой я вам куница! Олухи еловые! Я Гониденек, понимаете – Го-ни-де-нек! – у меня вот тут – Гониденек стучит по плоскому лбу – кое-что такое есть! Кое-что... особенное!

А что именно в нем особенного, Гониденек не мог объяснить. Ведь, несмотря на весь свой опыт, он имел лишь природный ум.

Правда, Гониденекова природа была не совсем обычна – для здешних мест. В частности, в гнездах хорьков и прочих древесных хищников стали появляться дети нового типа, похожие не только на родителей, но и на Гониденека. Это было удивительно, ведь Гониденек ни разу даже не разговаривал с их мамашами, он лишь проходил неподалеку. Но информация о нем как-то сама встраивалась в наследственность не родившихся еще зверьков, не повреждая ее, но дополняя и

обогащая. В результате новые поколения были более разнообразны, чем предыдущие.

Но у самого Гониденека и мысли такой не было, чтоб кого-то там обогащать. Еще чего не хватало. Он сам хотел обогатиться – то есть стать богатым.

А богатство-то держать не в чем!

Гониденек приставал к Веде Взмокину – прямо посреди работы:

– Веда! Я насчет шапки... ну чтоб она была без шапки. Нельзя ли ее внутреннее сжатие немного расширить и усовершенствовать?

– Да можно, я думаю – ответил Веда, – просто для этого нужны новые сведения, идеи и разработки.

– А когда они появятся?

– Это неизвестно, потому что скорость научного прогресса трудно предсказуема. Поберегись, а то сшибет!

Навстречу плывет огромное металлическое решето. Веда притягивает Гониденека, и решето проходит мимо, не задев чужих волос.

Гониденек хочет что-то сказать, но начинается грохот; металл срастается с металлом, гудит, звенит, пугает. Взмокины строили каркасный дом – первый в их истории. Гониденек бегал взад-вперед, уворачивался от грохочущих конструкций, прыгал между потоками. Хвост крутился, поэтому, чтоб не зажало, Гониденек прижимал его обеими руками.

Хвост плохо слушается.

– А нельзя ее ускорить... скорость нашего прогресса?

– А тебя есть конкретные идеи или предложения?

– Нет, у меня ничего нет, я еще не приобрел... Но когда приобрету, нужно же быть наготове... Слушай, Ведя, мне кажется, этот Цветок плохо работает. Ничего же не улучшает-ся!

– Нет, милый, наш Цветочек Гармонии действует весьма эффективно... даже чрезвычайно! Ты же видел, какой мы урожай в этот раз организовали? Огромный! Никогда такого не было. Кроме того, мы придумали новые сорта, в том числе для сладких плодов. Ты же, кажется, любишь сладенькое.

– Э-э-э... Урожай, сладенькое... А когда же изобретения?

– А на изобретения мощь Цветка не действует. Цветок лишь создает предпосылки для успеха, но реализовать его нужно самим. Своим трудом.

– Вот именно что трудом! – говорят другие Взмокины. – Вот ты, Гониденчик, хоть раз в жизни молоток держал?

Гониденек конфузится и прячет передние лапы за спину.

– У меня руки по-другому устроены.

Пальцы у Гониденека ловкие, цепкие, но расположены в один ряд. Среди них нет стоящих поперек. Гониденек способен сжать лапу в кулак, но удержать в нем что-то долго он не может. Пальцы очень быстро устают.

– Ну молоток, станок, лопата, это да... но я же совсем про другое говорю. Я имел в виду сжатие без шапки! Неужели нельзя его сделать?

– Ну, мы пока не знаем – говорит Ведя Взмокин, – но ты можешь посоветоваться с Зергером.

Зергер – Отец Смерти – совершенно замечательное лицо, знакомый Гониденека; но Гониденек его побаивается. Он знает о сверхъестественных способностях Зергера.

– Зергеру же ничего сказать нельзя – он же сразу начнет придумывать... свое грандиозное. Он же совсем меня не понимает! Кошма-а-ар! Меня вообще никто не понимает, я совсем никому не нужен. Как жить дальше?

Гониденек любил – время от времени – сидя на заборе или на крыше, говорить о всеобщем равнодушии.

Это было преувеличение, поскольку Взмокинский народ относился к Гониденеку очень даже хорошо. Гониденек иногда ходил с маленькими Взмокиными в лес, показывал, где он видел грибы и ягоды (не всегда хорошие, но все равно), играл с ними; у него было совершенно достаточно пищи, и мест для житья, и его никто не обижал. Но Гониденеку казалось, что его здесь не понимают. Он мечтал разбогатеть – а у всех Взмокиных были другие идеалы. Завидуя таланту Веди Взмокина, Гониденек пытался сочинять песни.

Он говорит – тоненьким и хрипловатым голосочком:

– Встану утром рано-рано... подойду к этому... к серому туману, скажу... э... что я скажу... скажу, слезы не важны, мне... полезные вещи слышны... Или – что они делают, вещи эти? Вещи, вещи... важны, тьфу ты, там уже было важны... Опять не получается! Песни дурацкие! Как их вообще

пишут, если их написать нельзя! А откуда они тогда берутся? Сами собой появляются, что ли? Глупость какая-то... вообще все вокруг глупость! Жить нельзя нормально.

Гониденек еще долго бы сидел и жаловался, но тут как нарочно подвернулся Гбар Зацкей.

Гбар Зацкей – старый старикашка, вредный, ядовитый, с животом наперевес. Он похож мельника или на бродячего лекаря, и никак нельзя предположить, что он происходит из страшного народа Гбаров. Гбары (так их называют Взмокины) были могучие и жестокие; они не умели любить других, и мечта у них была всего одна – мечта о власти. Каждый Гбар хотел захватить себе территории побольше, да побогаче, чтоб потом повелевать всем, а до остального им не было никакого дела. Полные эгоизма, Гбары плохо ладили друг с другом, но с соседями они не ладили вообще. То и дело вспыхивали войны; да только они не принесли Гбарам желаемого успеха. Ведь их сущность мешала им договариваться – и они могли посреди битвы начать спорить о том, кто лучше или значительней, чьих приказов стоит слушаться.

Гбарам были доступны некоторые сокровенные тайны и знания; благодаря знаниям они покорили часть земель Мира – но только те, где обитали примитивные народы. Прочие народы сумели дать Гбарам отпор. Это очень злило Гбаров, они ведь хотели повелевать. Наконец, они решили, что этот мир недостойн их власти, тем более что мудрость позволяла им перемещаться между мирами.

Несколько больших отрядов под предводительством самых активных Гбаров перелетели в другие миры, к звездам. А потом... а потом ничего не было. Улетевшие не прислали о себе никаких известий и не вернулись. Никто не вернулся.

Наверное, они просто сгинули. А, может быть, кое-как устроились, поняв наконец, что на эгоизме долго не проживешь.

Возможно, некоторые даже нашли в себе силы к исправлению – но надо иметь по-настоящему большой ум и поистине сильный характер, чтобы признавать собственную неправоту. Таких лиц везде наперечет.

Среди оставшихся Гбаров опять началась борьба за власть, опять разыгралась злая мудрость; порой ее буйство приводило к катастрофам. И всех этих катастроф можно было бы избежать, если бы Гбары договорились. Но каждый крепкий Гбар хотел быть лучше прочих; ради этого он старался известить всех других сильных и умелых Гбаров, а несильных и неумелых оставить, чтоб восхищались им...

Это было давно, еще до Взмокиных. Когда Взмокинская история началась, Гбары уже не представляли внятной силы – только отдельные силачи, чудом уцелевшие, да толпы необузданной молодежи. Гбарская молодежь была необучена, и не хотела учиться (впрочем, уцелевшие сильные Гбары сами не захотели бы их учить); молодежь толпами бродила по окрестностям без дела. И вдобавок хулиганила:

– Отдавай мне мое! А мое – это то, что мне нужно. Это

нужно! И это! Что?! Говоришь – это твое?! А вот сейчас как...

Слышны крики. Звенят кулаки. Потеха. Бары походили немного по окраинам, где жили Праввы и Леввы, немножко поднажились. А потом пошли прямо на Взмокиных. Гбар Зацкей не пошел, но оказывал косвенную поддержку. Он презирал Взмокиных за их внешность и завидовал взмокинскому творчеству.

– Идите, идите... оборвите их дурацкие волосато-ушастые головы. Чтоб не лезли. Потом.

Гбары пошли на Взмокиных и в нескольких крупных стычках Взмокины разнесли Гбаров вдребезги. Никто не уцелел, ни один хулиган. Так закончилась гбароская история.

Но отдельные Гбары еще долго бродили по миру, старые, рассыпающиеся; они были хитрые и завистливые, в своих обветшалых одеждах они несли остатки прежней мудрости.

Идет-плетется старый Гбар Зацкей, шаркает ногами, не знает, чем заняться. Он имел талант писателя, и даже написал много, но, презирая всех, растерял свои тексты; он имел знания о космосе, но думал лишь о личной выгоде; он прожил очень долго, ибо имел особую мудрость. Но куда ему идти?

Очень хочется кого-нибудь облапошить.

Нет, к Взмокиным или к другим народам Гбар Зацкей не пойдет – боится. Он вообще боится крупных скоплений на-

рода. В лесу страшно, ходят чудища, старые и новые, есть образина на двух ногах – добродушнейший Сокол Авужго, приятель Веди Взмокина, но Гбар Зацкей избегает любых-крупных созданий. Ему бы надо кого помельче...

Гбар Зацкей подошел было к Голодным Горам – но еще издалека увидел черный силуэт с белым лицом. Там ходил Зергер, Отец Смерти, придумывал что-то интересное.

Как увидел Гбар Зацкей Зергера, его высокую и тонкую фигуру, так со всех ног заковылял прочь, не в силах головы повернуть от страха. Он никогда не слышал про Отца Смерти, но самим нутром почуял, что у Зергера огромная мощь.

Гбар Зацкей боится чужой мощи. Он ищет одиноких – и простачков.

Идет старичина Зацкей, плетется, и вдруг видит – шагает по тропе лесной существо, поросшее шерстью, шагает на двух ногах, катит дыню или тыкву и вслух рассуждает:

– Какая наглость у этих пищал! Еще жалить смеют, как будто дыня из ихнего улья или дома... в общем, как та куча называется? Я же что – подхожу, вижу – две кучи: в одной пищалки возятся, в другой – нет никого, только дыня растет, совершенно отдельно... Я и взял ее, раз она – ничья. А они полезли жалить ... нахалы! А если это их дыня, так не надо свое добро разбра...

– Мил дружек! В копеечку сыграть не хочешь?

Гониденек не заметил, как подкатился к нему Зацкей, и дыню загородил.

– Сыграшь в копеечку? Гляди, какая она ровная, гладенькая, чистенькая – копейка была старая и потрепанная, но Гбар Зацкей так ловко вертел ее на свету, что она казалась новой. – Сыграшь? Коли угадашь – твоя копейка.

– Чего я должен угадывать? – не понял Гониденек.

– А вот – Гбар Зацкей сжал ладони с копейкой вместе, тряс, тряс, быстро вращал ладонями, а потом резко разделил на кулаки. – Видишь – кулак? Думаешь, здесь копейка? А вот нет, нет здесь копейки. – старичина разжал кулаки, и копейка опять заблестела в ладонях. – Видишь – вот она. Давай, мил дружек, сыграем: я копеечку ту поверчу и спрячу в кулак, а ты скажешь в который. Угадашь – твоя копейка. Не угадашь – моя дыня.

– А зачем она нужна? – спросил Гониденек. Он раньше никогда не видел именно таких копеек. – Мелкий диск, весь истертый... Или она серебряная?

Серебро хуже золота, но тоже годится для богатства.

– А как же, мил дружек, – обрадовался Гбар Зацкей – обязательно серебряная.

– Если серебряная... то давай сыграем.

Гбар Зацкей затряс перед Гониденеком руками.

– Копейка, вертись, копейка крутись, никогда тебе не найтись. Ну, – хитрый дед ткнул Гониденека в нос – Где, по-твоему, копейка?

Гониденек насмешливо поглядел на левый сморщенный кулак.

– Ну, пускай – здесь.

– А нет, не попал, не угадал, проиграл – Гбар Зацкей разжал левый кулак, показывая, что там пусто. – Вишь, мил дружек? Не лежит здесь копейка, совсем не лежит. Моя, значит, дыня.

– Ну твоя, – на удивление легко согласился Гониденек. – Мне что-то надоело ее тащить... к тому же она недозрелая. До свидания, дяденька. У меня дела.

И Гониденек ускакал прочь.

Старик обошел вокруг дыни:

– Хоть и невелика прибыль, а все ж прибыль. Не убыль. Тварь мохнатая, до чего ж противна на вид была! И как вообще природа рождает таких уродин? Разврат!

Судьба дыни была решена заранее. Гбар Зацкей действовал наверняка. Гониденек не мог выиграть – если б он показал не на левый кулак, а на правый, в правом тоже ничего бы не было. Это была хитрость, древняя хитрость Гбара Зацкея, полученная им еще в незапамятные времена.

Гбар Зацкей умел обманывать простачков. Но он мог не знать, что перед ним не обычный простачок, а Гониденек.

Довольно кряхтя, старичина полез в карман:

– Провели тварь мохнатую, тварь неумную, можно и... а куда мой нож старинный делся? И тут не лежит, и здесь его нет... Видно, обронился дорогой... проклятие... Ничего, сыщем... Можно ложкой... что, и ложка пропала?... проклятие... разобьем камнем... ох, и твердую же дыню эта

тварь мохнатая приволокла... камень твердый, словно быстросферы... быстросфе... а где ж сферы?! Где они?!

Гбар Зацкей в ужасе вскочил, стал обыскивать себя с ног до головы – он искал два маленьких яйцевидных предмета – «быстросферы», сделанные из редчайшего сплава, великую тайну. Быстросфер не было. Тогда он открыл рот, пытался кричать, но не мог, стал лупить себя по затылку – но изо рта так ничего и не выпало. Пропали быстросферы. Растворились. Исчезла древняя мощь.

– Потерял... – подумал Гбар Зацкей. И опять испугался. Да от страха-то и умер. Убежали от него тайны.

На самом деле быстросферы не пропали – их просто вытащил мохнатый «простачок». Заодно с ложкой и ножом.

Гониденека не догонишь!

Он как вихрь пролетел путь в две тысячи шагов, потом прыгнул с дороги в чашу, хитро путал следы (на всякий случай), выбежал на другую дорогу, затем на третью, и лишь там остановился и принялся рассуждать:

– Противный дядька, провести меня хотел... Пень корявый и трухлявый, да я таких проходимцев тысячами видал! Все норвят чужое не запылившись взять. Мошенники! А я что? – я хоть и беру, но, я по крайней мере перед этим очень стараюсь – бегаю, прыгаю, думаю... А эти хотят даром все заполучить!

Гониденек вертел в руках трофеи. Ложку и нож, впрочем, он выкинул почти сразу.

– Ерундовина! Металл не драгоценный и не редкий, работа пустяковая... Кому они нужны? У Взмокиных есть свои вилки-ложки, а я вообще обхожусь без вилок... они в руках не держатся. А вот для чего эти штучки матовые? Судя по виду, они явно искусственные.

Гониденек и так и этак рассматривал быстросферы, но причудливые изделия не желали открывать свое предназначение. Это не яйца, не минералы, не ювелирные изделия; на аккумуляторы или батарейки они тоже не похожи. Зачем же их так любил Гбар-Зацкей? И почему называл их быстросферы?

На сфере нет параллельных линий; любая линия, начавшись, рано или поздно пересекаются с другой линией на поверхности сферы; то, что разобщено в других пространствах, неизбежно сойдется в сферической плоскости.

Сойдутся любые линии – даже если одна символизирует будущее, а другая прошлое. В обычной жизни понятия «прошлого» и «будущего» неизбежно разделены. Но быстросфера легко сведет их с настоящим.

Что для нее «настоящее»? – Это внутреннее состояние того, кто их держит сейчас, причем не духовное, а сугубо физическое; глубокие чувства и выходящие из них цели – «будущее», а прошлое – наследственность, полученная от всех предшественников. Быстросфера тонко чувствует сочетания «прошлого», «настоящего», и «будущего», ловит момент их взаимного равновесия и – раз! – переходит в исходную точ-

ку. Перелетает туда, где все начиналось – в место первоначального появления того, кто держит сферы, сохраняя линию времени. Все происходит в настоящем, просто мыслящий объект переносится на «историческую родину».

Странная вещь быстросферы. И зачем они нужны?

Гбар Зацкей давно не мог пользоваться быстросферами, потому что он давно уже не думал ни о прошлом, ни о будущем. Да и в настоящем его занимала исключительно всякая мелочь. Зато Гониденек имел огромные планы.

– Ой, как мне хочется разбогатеть... просто ужас. Кошмар просто. Хочется, чтоб было золото, серебро, удобство всякое, стандарты... У меня же должны быть высокие стандарты! Хотя, конечно, можно запросто и без этого интересно жить, но мне почему-то хочется...

Гониденек наподдал куст жгучей крапивы, потер хвост и продолжил:

– Никто меня здесь не понимает, у всех какие-то цели... Но ведь у меня же тоже цели! А Ведя говорит, что они какие-то тупиковые. Но я видел тупики, тупик – это когда стена или что-то в этом роде стоит и никак обойти нельзя. Вот это тупик, а какой же в голове может быть тупик? В голове нет тупика, думай себе и думай-й-й-й – Гониденек прокашлялся, потом продолжил хрипло – Прхо-грхесс, трхорчество (творчество), столько хрозни (возни)... Н-нет, я совсем не прхонимаю Взмокиных, хотя они и хорошие лица...

Была уже вторая половина дня; тени ползли от стволов и

ветвей, удлиняясь и перепутываясь друг с другом. От дороги местами поднималась земляная пыль, но сразу пропадала в густых травах по обочине.

Тени от деревьев справа уже пересекли тропу и забирались по стволам тех, что слева. На одном дереве было шесть черных пятен, расположенных друг на другом. Гониденек сел и стал следить, как тень медленно ползет вверх. Вот она же приблизилась к первому пятну, ко второму третьему... Гониденек задумался и пропустил четвертое пятно. А тень уже сидит на пятом...

– Подожду до шестого – и все. Домой пойду. Хотя, какой там дом, если меня никто там не понимает... делают что-то такое, делают... и не разбогатеешь, и богатство носить не в чем. Вот если бы все думали как я!

Гониденек вдруг разом ощутил и свое прошлое, и будущее, и все смешал в мыслях с настоящим. Уж так ему хотелось добиться успеха – такого, как он понимал. И вертел добытые быстросферы!

В ядре быстросферы что-то произошло: раздался щелчок – или не было щелчка? Или все случилось бесшумно? не понять. Только внутренняя система, управляющая быстросферой, пришла в движение, заработала, с космической скоростью совмещая настоящее, прошлое и будущее.

Гониденека кольнуло.

– Мне иголка в хвост уперлась... Безобразие! Я же не сядился на иголки, или мне ее воткнули... Слушайте, а куда

небо делось?

Действительно, небо пропало, так как и все просторы, а вместо них образовался каменный склеп, ветхий, рассыпающийся; рядом были такие же склепы или норы, а вокруг торчали голые столбы с обломками ветвей.

– Ужас!!!

Столбы тянулись вдаль, но все же можно было видеть выход – блеклый, голубоватый. Вдали мельтешили и качались елки.

Это тоже был лес, только совсем в другом Мире.

Гониденеку не в новинку путешествия между мирами, но на этот раз он очень расстроился:

– Ах, вы, чтоб вас... чтоб их... какая... какой я несчастный мне опять не везет... как в тот раз с Ведей и Вор-Юн-Гаком... хотя, где ж теперь был Вор-Юн-Гак, его совсем здесь не было... а кто ж тогда – Ничтов? – он это может, но его опять не было... Неужели я сам?! – Гониденек взглянул на 2 крохотных яичка, укативших под корягу (быстросферы). Это они перенесли его – Ах вот вы как, значит?! Да я вас...

Гониденек схватил в лапы по быстросфере и хотел закинуть далеко-далеко, но вовремя сообразил: если быстросферы перебросили его сюда, то, пожалуй, смогут перенести и обратно.

Он поднес их к носу, понюхал; непохоже было, чтоб они явно работали. Тогда лохматый путешественник прижал их к животу и забормотал – сердито:

– А ну поехали! Поехали назад! Я говорю – назад, здесь совсем неинтересно, и – ой! (по чаще прыгали тени) – даже страшно... Безобразия, не хотят работать! Что ж тогда мне предпринять... или они испортились? – да нет, кажется целые... Надо понять как они работу... как они работо... работают. Интересно, а здесь есть что-нибудь интересное?

Но в глаза попадала одна серость – лес стоял скучный, пустой, словно обобраный. Ни листвы, ни песен, ни плодов... Гониденек пошел в сторону опушки, на свет; но внезапно там возникла некая фигура. Недолго думая, Гониденек сунул быстротелу в рот и проглотил.

«Подержу их так для сохранности... а если надо – выплюну. Такие яйца не перевариваются».

Фигура сгибалась и приседала; Гониденек внутренне напрягся, хотя у фигуры не было ни внушительных размеров, ни злости, ни оружия. Гониденек сжимал и разжимал пальцы.

– Кажется, оно не большое... значит, ему можно и накоптылять. Хотя, если оно притворяется...

Фигура выпрыгнула прямо к лицу – вся облепленная глиной, ветками и промышленным мусором.

– Друг!... – произнесла она хриплым, скребущим голосом. – У тебя – есть?!

– У меня – нет! – смело сказал Гониденек. Он сжал пальцы в кулачок. – Что, не видишь?!

– Ой, не надо, я же что, я же ничего... – быстро затарато-

рила фигура, в страхе глядя на Гониденекову мощь. – Я же что... я же просто... я вообще...

– А ну иди отсюда, пока я не рассердился! – Гониденек даже сделал шаг вперед.

Фигура, спотыкаясь, понеслась от него прочь, вглубь чащи.

– Какие вредные физиономии ходят!– сказал Гониденек, и в его голосе зазвучало удивление. – Хвосты приспущенные. И самое главное, как это они тут еще... они же все непросвещенные.

Гониденек был удивлен. Но вовсе не из-за дикого вида фигуры, и не из-за того, что она говорила на одном с ним языке. Потому что это был тоже гониденек.

Да-да, именно гониденек, представитель гониденековского племени; и вид у него был неоскорбительный – помятый, взъерошенный, с потертым хвостом – обыкновенный, в общем, вид. Но Гониденек-то считал себя уникальным существом во Вселенной. Он даже обиделся.

– Какой кошмар, куда меня занесло. Пустота, пустота, и ничего кроме пустоты. Неужели я здесь жил?... Да быть этого не может! Раньше могло, а теперь вот – не может! Я что, в прошлом?

Гониденек шел под скучным небом.

Вот она – историческая родина! Земля гониденеков.

Здесь уже много-много времени обитали гониденеки разных рас и пород; нельзя сказать, что они хорошо организова-

ны – у них не было ни государств, ни городов, ни оформленных жилищ; у них не было даже настоящего общества. Фактически, все популяция гониденеков состояла либо из толп и стай, либо из отдельных особей, и никто не хотел сотрудничать друг с другом. Это неудивительно, ведь гониденеки от природы не умели работать. Но зато у каждого была цель – цель, вроде той, что вечно терзала нашего Гониденека.

Гониденек давно забыл место своего начала; теперь, память о жизни среди единоплеменников представлялась ему миражом или призраком, который лишь кажется, а на самом деле его нет. Но что-то все-таки было. Наверное, он имел множество родственников, да только они растерялись, рассеялись по свету. Или остался кто?

Гониденек идет и вдруг, откуда ни возьмись – дядька выскакивает. Лохматый такой, кособокий, хромой на задние лапы, с перебитым гнутым хвостиком. Видно, он был не в ладах с удачей.

– Гони-и-денек! Э-э-то ты? – Дядька говорил долгим, ныт-ливым голосом.

– Ну, я. – ответил нехотя Гониденек. – А ты кто есть?

Дядька, что ли? Чего тебе от меня опять надо?!

– Да я так, просто... Ты как живешь? Успешно?

– Нормально.

– А добро у тебя есть?

– Какое там еще добро!

– Ну да... а папаша твой что делает?

– Понятия не имею. Нужно мне за ним следить! Он не маленький.

– А мать твою померла вроде?

– Не знаю. Померла так померла! Это ее дело. Я-то тут при чем? Слушай, у меня дела...

Но Дядька всерьез прицепился к Гониденеку; вероятно, ему было очень скучно или он хотел что-нибудь выгадать.

– Слушай, тут одно дело... в село неподалеку материал приехал... такой добрый материал... за него что хошь получишь... Пшли к нам, она расскажет...

«Кто это еще – она?» думал Гониденек, пока Дядька тащил его за собой.

Оказалось, «она» – это Тетка, жившая вместе с Дядькой; она была такая же вертлявая и хромая, но в отличие от Дядьки, не ныла, а скорее лаялась. Уже издали Гониденек слышал трещащие вопли:

– Выхи! Ухи! У-у, шалобаны проклят-тые!

– Ишь ты, как ее накручивает, – равнодушно сказал Дядька. – Не иначе как опять потеряла съедобные вещи.

Гониденеки отличаются тем, что тащат не только у других существ, но и у своих родственников, у таких же гониденеков.

Казалось, что от теткиного голоса трясутся камни – до того он был резкий и пронзительный; он свистел сильнее ветра, и мог запросто повалить целый лес. Но вокруг не росло ни одного дерева; ни кустика, ни даже лепестка травы – лишь

песок и камни. Бедность природы настраивала на мрачный лад.

Тетка стояла посреди осыпающейся ямы (это был такой «дом»), щелкала пастью – ее длинные, выпирающие зубы будто выпрыгнуть хотели.

Кто-то съел все мясо, и теперь Тетка неистовствовала. Тонкими лапами она лупила по бедным камешкам, проклиная «здышбовцев» – гониденековских ребятишек, которые все, как один, шалопаи. Без сомнения, Тетка с радостью бы отлупила такого «здышбовца», да только все они – и родственники, и неродственники – давно разбежались. Скучно жить на одном месте.

Тетка попрыгала, потом приняхалась и говорит:

– Принес?

– Да тут как-то оно так – забормотал Дядька, потирая битый хвост. – Дела идут совсем неловко... Удачи нет.

Тетка хлопнула его по носу.

– Вот тебе удача! А ты... – она сжала было кулаки, но Гониденек тоже сжал кулаки. Он был уже большой; он боялся многих, но только не своих соплеменников.

Тетка рассеянно поглядела на Гониденека, на хромающего и плакающего Дядьку; не знала что сказать. Потом опять посмотрела на Дядьку.

– Он... мог бы чего-нибудь принести... – Дядька кивнул на Гониденека – Он такой... красивый.

Тетка гавкнула от обиды. Прежде она сама была красивой,

самой красивой среди гониденеков, но за долгий срок истерлась. И теперь ей было очень неприятно слышать о чужой красоте.

Тетка подумала, поскребла нос, полный каменный пыли, чихнула, а потом как начнет крыть:

– Пришел! Приехал! Опять! Бездельник! Синь здышбовская! Возились с тобой с самого начала – все прахом пошло! Никакого толку! Никакого доходу! Хоть бы грош медный принес...

– А с какой стати я должен что-то приносить? – возмутился Гониденек. – Я вам что, родственник... я к вам не нанимался! Существую совершенно независимо.

– Да! А кто тебя в ученье отдал? Отдали! В учение! Никакого толку! Никакого доходу...

Гониденек вспомнил, что давным-давно, в незапамятные времена его отдали какому-то бродячему жулику. Тот жулик был длинный и слабый, вскоре весь высох, но успел передать Гониденека другому жулику, потолще. От него Гониденек сбежал, поскольку не терпел долгих насилий, попал в одну странную компанию, в другую... Он поменял множество мест, пока не очутился в царстве Вор-Юн-Гака. Там, казалось, было поинтереснее, но потом вновь стало плохо – Вор-Юн-Гак имел цели грандиозные и страшные, а у Гониденека не получалось сделать что-то грандиозное. Он не умел по-крупному врать и воровать; он вообще был неспособен на явные гадости. Гониденека держали, но не уважали. Так он

жил, пока не столкнулся с Соколом Авужгой, а потом с Ведей Взмокиным. Ведя Взмокин и Авужго заставили его рассказать про Зергера... но это уже другая история, внушительная, героическая. Гониденеку даже понравилось участвовать в героических приключениях. А вот вся предыдущая жизнь – это...

Гониденек вдруг страшно обиделся.

– Чтоб вы пропали – сказал он ровным голосом.

– Как?! – испуганно завопила Тетка – Чтоб я что?... – и затянула снова:

– Ах, здышбовцы!... – Ух, здышбовцы!... – Вот здышбовцы!...

Тетка боялась приближаться к Гониденеку, так как на вид он был покрепче.

– Слушай, – промямлил Дядька страдальчески – а, может, ты чего принесешь? Ну хоть веник старый?

Дядька не желал ссориться, но желал хоть немного пожить. Но Гониденека не запугать.

– Какой еще веник?! Я вам не мастер по уборке мусора! Сам ты веник и вообще... – Гониденек умел ругаться, но сейчас почему-то ему стало неприятно. Он уже давно не ругался по-настоящему и видимо, отвык. – Сами договаривайтесь.

С независимым видом Гониденек выпрыгнул из ямы; но Теткин голос был такой силы, что всю степь трясло.

Гониденеку пришлось бежать в другой край, где поменьше теток.

Он не мог сказать точно, были ли те Дядька и Тетка его близкими родственниками, или это только показалось; впрочем, перепутать немудрено, ведь гониденеков много и все они

довольно похожи друг на друга. Все они покрыты шерстью, машут полукруглыми хвостами и не умеют долго сжимать кулаки. На передних и задних лапах по четыре пальца, расположенных в один ряд; гониденек хватает и очень быстро устает, бросает, и хватает снова; такое устройство пальцев во многом определяет историческую роль гониденеков.

Эта роль проста – тащи что можешь. Недаром, пейзаж местности, где он шел, целиком состоял из одного камня. Кругом пестрели камни – крупные, средние, мелкие, мельчайшие; валуны, глыбы, галька, песок, щебень рисовали причудливые, но очень однообразные картины – все желто-серого оттенка. Даже коряг сухих не было. Гониденеки растащили. Что можно – съели, а что нельзя – поменяли у других народов; многое растеряли. Только камни остались. Вероятно, и в камнях было нечто ценное, но гониденеки не умели их обрабатывать.

Гониденек шел и не мог надивиться, куда все исчезло.

– Природная катастрофа! – решил он, вспоминая мятый Дядькин хвост – Не соображают ничего, просто ужас...

Дорогой ему попадались другие гониденеки, тоже помятые, побитые; тоже пытались навязаться в родню, но Гониденек еще издалека всех разгонял – боевым видом.

– Шары эти не работают. Плохо. А что же делать? – надо как-то устраиваться... Но я не могу устраиваться здесь, среди жалких физиономий! Надо найти место попримечнее.

Велики просторы Мира – даже для гониденеков. Есть куда убежать, есть где спрятаться.

В некоторых местах они растащили почти все – как в том краю, где жили Дядька и Тетка; но в других местах добра было побольше, а кое-где и вообще цвело изобилие. Правда, там обитали и другие народы.

Гониденеки слабы и ненадежны, не умеют долго держать вещи, но у них есть одно редкое свойство – они не спят по-настоящему. Они только дремлют, но делают это скрытно, чтоб не увидали посторонние. В этом Мире никто никогда не видел, чтобы прыгающее и лающее существо с полусогнутым хвостом вдруг свернулось в клубок и захрапело. Спящего могут поколотить или даже обокрасть, гониденеки это хорошо знают. Поэтому они не спят всерьез и не видят снов.

Пушистые гониденеки боятся, что пока они в бессознательном состоянии, кто-нибудь возьмет да утащит их добро. Даже если потерянному грош цена, гониденеки переживают. И очень сильно!

– Кошмар! Мои свечки опять сперли! Позавчера только достал, прямо из дворца... а эти противные лисы, залезли в нору...

– Зачем ты их в нору-то сунул?

– Откуда я знаю, что их нора? Там и лисами не пахло.

По-моему, это вообще была ничейная нора, а раз так, то кто первый пришел, того и место. Ты лезь ко мне с советами, а не то как дам...

Гониденекам нравятся деньги, но у них нет карманов. Конечно же, можно в придачу к деньгам утащить еще сундучок или мешочек; а куда спрятать тот мешочек? Дома-то нет. Нет нормальных домов, погребов, передвижных средств, нет вообще никаких технологий. Гониденеки – дети природы и не умеют создавать искусственное.

В области хозяйства у гониденеков было два подхода.

Первый – натаскать всего побольше, а потом сидеть рядом, помаленьку пользоваться и следить, чтоб другие гониденеки не слишком зарились. Второй способ – вообще не утруждать себя имуществом, а перебираясь из края в край, брать что требуется на месте. Так тебя труднее поймать; с другой стороны, тактика «сидения» выгодна тем, что вокруг ходят, вздыхая, такие же гониденеки. В большой группе дышится намного безопаснее, чем поодиночке.

В поисках добра местные облазили весь мир, но о межзвездных полетах они и не мечтали. Поэтому Гониденек имел явные преимущества. Он знал, что творится в других мирах.

В компаниях – где уже не могло быть родственников – Гониденек рассказывал всякие истории. Он говорил о грандиозных космических пространствах, о космических перелетах, об ужасах, что творятся в царстве злого Вор-Юн-Гака.

Гониденек нарочно преувеличивал, делая и без того страшные истории еще страшнее – он знал: чем страшнее, тем интереснее. Его истории имели блестящий успех – слушатели от страха затыкали уши, прятали носы в живот, тряслись; им очень нравилось страшное. Они отдавали Гониденеку лучшее что у них есть – лучшие объедки.

– А почему хлеб надкусанный? – придиричиво говорит Гониденек

– Ну... его уже начали кушать, когда я...

– А почему в булке дырка?

– Проткнулась, пока я бежал через лес... За мной припустилась такая толпа, что я уж не следил за корзиной.

Гониденек вкушал объедки и глядел на соплеменников.

Гониденеки были разные – большие, маленькие, молодые, старые, совсем оборванные, кое-кто был почти красивый – но в них было одно общее. Они все хотели разбогатеть и все были несчастные. Им не в чем было хранить добро, и оно терялось, а сделать его самостоятельно гониденеки не умели.

– Я – такой несчастный! – слышалось отовсюду.

Несчастливыми называли себя абсолютно все, за исключением разве что маленьких детишек, не умеющих толком разговаривать. Детишек никто ничему не учил, но били все, чем ни попадя; гониденеков постарше тоже били – другие гониденеки. Причин драться много. Неправильно залез в окно (ничего не нашел). Неправильно вылез из окна (растерял добытое). Обманул своих товарищей и т.д.

Разумные жители наблюдали за возней гониденеков и удивлялись, как это от таких маленьких существ может быть столько шума.

– Вы послушайте, как неистово трещат эти мохнатые шаррики. Только и слышно: сылтыл-спыртыр-тыртр! Все никак не успокоятся.

Между тем гониденеки не трещат, а вполне разборчиво произносят:

– Я тебе говорю – что? Заходи слева – я справа. И тогда б успех нас не оставил! Но ты, бутылка битая, вправо полез! – за каким шутом, спрашивается?

– Я не мог идти влево, потому что там капкан! Капкан! Думаешь, мне интересно умереть в капкане? Если надо, сам влезай! Ах, я не смог, а ты б смог?!... мог... мог...мог... про-дрог... рок... Зараза старая!

Гониденеки, безусловно, наносили вред хозяйству, их даже порой истребляли, но не чаще чем домашних или полевых вредителей. Ведь их считали просто дикими животными.

Гониденеку было даже странно. Он привык, что он маленький и квелый, что его все колотят, а теперь он казался чуть ли не самым сильным (среди гониденеков); осознавать собственное превосходство, безусловно, приятно; ему нравилось, что все восхищаются его рассказами и его ловкостью (никто ни разу не схватил Гониденека за хвост, а ведь всех почти хоть раз хватали). Но он хотел разбогатеть! – то есть

иметь добро постоянно.

Гониденек рассказывает новую историю.

– Подошли мы к башне, а она – высотой до самых звезд, и огнем шибает будто оголенный провод. Миллиард искр во круг, и каждая размером с дерево. А мы идем. Только вошли по башне, а тут чудища (Гониденек разводит руками, будто хочет обнять бесконечность) повалились со всех сторон – с клыками, с шипами, с бомбами, полными смерти. Все грохочет, все взрывается. Подлетела ко мне одна такая штука, а я по ней к-а-а-к дам! – она вдребезги, а из дребезгов другая образовалась, еще больше и ужасней, я ей к-а-а-ак врезал – она в третий раз пошла, толпой уже. Потом меня что-то придавило, здесь я уже не очень помню... помню только, что ничего не помню и мы всех их побили... Меня тогда Ведя Взмокин выручил, он мой хвост прикрыл... да, минута получилась решительная. А потом сам Вор-Юн-Гак...

Гониденек долго и подробно рассказывает про Вор-Юн-Гака, про его страшные хитрые подлости, но ни слова не говорит о Гирза-Маре. Он был уверен, что стоит лишь сказать «Гирза-Мара», как она тут же появиться здесь и начнет ему мстить. В том, что Гирза-Мара, Алчущая Зла, будет мстить, Гониденек не сомневался никогда – он слишком хорошо знал правила Вор-Юн-Гаковского мира. Поэтому он даже не называл соратников Вор-Юн-Гака по именам, а говорил о них в общем смысле:

– Они все там страшные подлецы. Но мы их героически победили...

Кругом – только взрослые гониденеки, поэтому рассказчик не стесняется в выражениях.

– Чтоб они, козлы такие, все попередохли! Это я так говорю. А потом мы у Ведя Взмокина посадили цветок и сразу кругом такая приятность, такая приятность разнеслась... правда, сначала пришлось повозиться, копали-копали, сеяли-выдирали – но зато урожай собрали – обалдеть до чего огромный, за всю жизнь не съешь. Я его считал, считал, что даже устал... Потом дождик пошел...

– Выходит, ты был в мире, где полно плодов и влаги? – спросил один взрослый.

– Ну да, был... – Гониденек задумался, чтоб не сболтнуть чего лишнего. – Так, совсем чуть-чуть.

– Выходит, приятель, ты можешь свободно перемещаться в тот мир?

– Еще чего! – возмутился Гониденек. – Перемещаться... очень надо, в смысле... аппаратура для этого нужна! А у меня какая аппаратура? Идеи одни.

– Действительно, – рассуждает взрослый – аппаратуры нет... А у них, как я понял, хорошенькое местечко... Можно было б поднажиться... Сыграть в добренькое...

– А у них там было золото, серебро и прочие редкие элементы? – пристал другой взрослый, очень толстый.

– Ну, было! – с раздражением сказал Гониденек. – Ну и

что?— А чего же ты их не взял? Было золото, а ты не взял? Это ты маху дал, дурмалек.

Дурмалек означает «маленький дурачок».

Гониденек рассердился:

— Почему это я должен брать у Веди Взмокина? Ведя Взмокин совсем не плохой.

— А причем тут «плохой»? Бери себе, и все, и какое нам дело, плохой он или нет (толстый не мог перестать думать о легкой наживе),... золото, ты понимаешь, золото! — оно было, а ты не взял...

— Не взял ну и не взял! — крикнул Гониденек. Надо было отвязаться, но мысли в голове спотыкались. — Значит, не было, потому не взял... это вообще тебя не касается. От тебя воняет. Отойди, здышбовец, а то врежу!

— Как это ты мне врежешь?

— А вот так!

Гониденек стукнул толстяка по лбу.

Удар был несильный, но толстяк заскулил и пополз прочь.

Другие гониденеки молчали; они боялись лезть, если кто-то ударил первым.

Гониденек лишь на секунду испугался — что в пустой болтовне у него украдут быстросферы и ему уже нельзя будет вернуться. Но быстросферы тихо лежат на дне живота.

Поэтому Гониденек легко одолел того толстого болтуна, растолкал других и пошел прочь. Он даже не видел пути, по которому идет — в воздухе крутилась мелкая дребезга, рябь,

осколки света, глаза слепило, хвост вертелся... Внезапно его приобняли.

Рядом с Гониденеком стоял еще один взрослый, совсем незнакомый. И говорил вкрадчиво.

– Милый, ты очень интересно рассказывал про свои передраги и приключения... только зря. На таких лицах не зарабатываешь. Они же все нищие. Надо уметь торговать мудростью.

– Чем торговать? – не понял Гониденек.

– Мудростью. Ну, знаниями, информацией, которой ты располагаешь.

– Да как же ею торговать? – удивился Гониденек. – Информация – она же невещественная...

– Все можно овеществить, абсолютно все – взрослый вплотную придвинулся к Гониденеку. У него было обычное волосатое лицо, но очень странные глаза – неподвижные, словно стеклянные. В глазах мелькали искорки. – Овеществление возможно, только надо иметь талант... талант сохранять добро так, чтоб никто не видел.

– Погодите, вы что – умеете носить добро с собой?!

– А как же. Обязательно умеем. Все свое ношу с собой. Мы хвататели просвещенные.

– Гениально! А вы знаете, ведь я давно хотел разгадать секрет – затараторил Гониденек – такого подхода к материи... потому что это очень преспективно. Да, преспективно! Это же здорово – все свое иметь с собой! А мне говорили

наука, технологический минимум...

Гониденек говорил без остановки и шел, не разбирая дороги, за таинственным и потрясающим «взрослым».

Полями и заброшенными тропами они добрались до пустыря, где, сучая, сидели и выдергивали колючки из хвостов «просвещенные хвататели». Совсем не страшные.

«Тут определенно есть подвох – подумал Гониденек. – Но снаружи его как будто не видно...»

Биологически «хвататели» были те же гониденеки; но они имели сложные мысли – о том, как надо разбогатеть, каким образом повернуть это дело. Эти пушистенькие существа были по меркам гониденеков весьма умны. У них даже имена имелись.

Самый старший из них звался Спазгон; у него был непривычно короткий хвост, но в остальном он был настоящий гониденек. Спазгон прежде часто «играл в добренькое» (это значит утащить дорогую вещь, потом продать, потом снова утащить – у того, кому продал, и так без конца); но с годами понял, что к «делу строительства» (так он называл процесс самообогащения) нужно подходить с умом; надо придумывать более сложные и хитрые схемы. Спазгон долго учился мыслить и к настоящему времени он уже умел дельно использовать чужую мудрость. А своя ему была некстати.

– Для чего возиться со своей мудростью, если есть готовая чужая? Что, своя разве лучше? Или ее можно грызть? Глупость бесфилейная. Были в мире философы, да их тела

все высохли... их и есть никто б не стал.

Деловой Спазгон собрал компанию – таких же мыслящих Гониденеков, прозванных «хватателями». Они были все резкие, смелые, находчивые, но им не хватало знания. А учиться «хвататели» не желали.

Поэтому они искренне обрадовались Гониденеку.

– Братец, да у тебя мудрость есть? Вот здорово! И ты с нее ничего не имеешь? Безобразие! Слушай, что бы исправить сие упущение, говори вот сюда...

Гониденеку суют в нос какой-то плоский камень, но Гониденек начеку:

– Обождите... граждане. А что мне за это будет?

– Все зависит от тебя же. Чем больше носителей мудрости, тем наша прибыль выше... Если со ста носителей мы получим двадцать, то тебе – пять.

– Чего – пять?

– Сверкающих штуквин! – перед Гониденеком открывают мешочек, и он мгновенно зажмуривается. Алмазы! Бриллианты! Сапфиры! Драгоценные минералы, коих много он видел у Вор-Юн-Гака и прочих владык, но никогда не держал в руках. А здесь...

Гониденек завертелся вместе с хвостом.

– Куда говорить-то?! Давайте быстрее, а то вдруг они кончатся, драгоценности-то наши...

– Не волнуйсь! – пропищал один «хвататель» – Драгоценностей хватит.

Гониденек лихорадочно забубнил в камень, мало задумываясь о чем именно он говорит. Он рассказывал все подряд.

Свои дела, походы, приключения; он говорил свои и чужие мысли.

Камень все запомнил, а потом стал вслух воспроизводить, шипя и шепелявя:

– «Подъем-ш делался вше кр-шуче, кр-шуче, а пшотом и вовше штал вертикальным. Окашалошь, што гора шоштояла как бы иш двух чаштей. Внишу была шобштвенно горная половина-ш, а наверху, ша облаками-ш – гигантшкий пик иш металла и камня-ш, голый-ш, гладкий-ш...»

– У меня что, такой противный голос? – придиричиво спросил Гониденек.

– Нет, все в порядке, это просто прибор... шипит, что твой Змей... Скажи, ты соврал про Змея Гака этого?

– Соврал. – соврал Гониденек.

– Ясно. Самое главное, звук понятен, а что шипит... все равно те, кому это надо, не разбираются...

Диски с шипящими рассказами потащили в одно государство.

На всякий случай Гониденек встал чуть поодаль и со стороны глядел, как Спазгон и прочие «хвататели» предлагают «каменные сказки» одному парню. Парень, судя по виду, был очень богат (чего стоят одни ботинки, сшитые из инопланетной материи!); он был здоровый и говорил – словно в трубу дудел:

– Дую-дуб-дую-дуб, ду-ду, ду-ду, ду-ду-ду! Да?

Он говорит на другом языке, но его гониденеки знают.

– Дуб-дую! Дуб-дую! Виса иса ина киса? Киса вис! – пи-
щит в ответ хвататель.

И крутит перед парнем гониденековы записи.

Парень слушал шип и треск и говорил одобрительно:

– То ду виса! Да.

Это значит, он согласен купить, но незадорого.

А тем временем другие «хвататели» действуют. Они резво
облазили весь дом парня, залезли во все комнаты, чердаки и
подвалы. Добро блестело везде. Кто-то даже подавился.

– Что за дурость в рот совать, если оно не влезает? Разло-
мать же надо!

Хвататели кашляли и отплевывались, прыгали по дорого-
му убранству, кряхтели. Время от времени кто-нибудь ногой
или хвостом задевал мелкую вещь, она падала с противным
звоном – и тогда гониденеки в страхе замирали. Но парень
(«дуб-дую, киса виса») был очень увлечен рассказом

Гониденека в камне. Сам Гониденек бегал в стороне – то
к хватателю с записями, то к дому, куда он не желал лезть,
даже чтоб поднажиться. Гониденеку мерещился подвох; од-
нако все прошло на редкость гладко. Парню всучили груду
побитых железяк, воспроизводящих истории, а взамен взя-
ли кучу ценной мелочи. Не считая той, что вытащили за его
спиной.

– А чего он говорил-то? – спросил Гониденек, когда ком-

пания отбежала на безопасное расстояние.

– А не знаю. Я не запоминал. Разве это важно? Важно, что мы выкачали из него добра...

– Он похож на дурачка – заметил Гониденек.

– Так он и есть дурачок! – удивился хвататель. – Братан милый, ты же сам знаешь, как опасно связываться с умными! Умные всегда могут отомстить, даже лишённые власти. А дурачок не может. У него идей не хватает.

«Странно, думал Гониденек, а ведь сам-то я никогда не брал ничего у дурачков. Мне всегда казалось, что дурачки в принципе не могут быть богатыми. Откуда у них богатство? – ведь они же дурачки».

– Богатство добывают не только умом! – сказал Спазгон. – К нему есть разные пути. Например, наследство.

– Это как? Следы, что ли, подбирать? А где же в них добро?

– Нет, это совсем другое...

Спазгон стал объяснять; но Гониденек подумал, что его родственники – даже если они есть – вряд ли могут быть богатыми. А раз так, то и связываться с ними не стоит.

– Мистификация! Но брильянты, кажется, настоящие?

– А как же? Еще бы! Мы ж не дурачки.

Велико пространство мира, и много было мест, где побывали хвататели с Гониденеком.

Гониденек заметил, что все же не везде они действовали с умом; порой бывало, что хвататели» напрочь забывали

про ум и работали «по природе» – то есть просто тащили, как обычные гониденеки. Сам Гониденек тоже тащил. Тащил, бросал, терял, снова тащил. И вспоминал старинные строчки – из прежней жизни:

Смолкли вопли каракатиц,
Облака во тьме застыли,
Снова ходишь, юный братец,
По испорченной пустыне...

А почему ему вспомнились именно эти строчки, Гониденек не мог сказать.

– Сколько мыслей в голове – и все без толку! Не чувствуешь себя ни сытым, ни удовлетворенным... Для чего же возникают эти мысли, если у них нет явной цели?...

Гониденек не привык очень много анализировать; все же, он замечал, что постепенно размер компании меняется.

И вот уже добрую половину составляли вновь прибывшие гониденеки.

Они часто дрались и спорили, но их как-то быстро удавалось приструнить, словно по волшебству.

Новые «хвататели» ничуть не хуже старых, а вот куда деваются старые? Наверное, они вышли из игры или пошли создавать свои отряды. А потом? Они умирают? Или как-то переделываются, перевоплощаются, приобретают новый образ? Гониденек никогда ни о чем таком не слышал.

Но просто мертвых гониденеков он тоже ни разу не находил. Или не обращал внимания?

– Иногда мне кажется, что вся наша жизнь... в смысле, существование – это просто жалкая мистификация. Кому-то сильному кажется, что мы есть, вот мы и есть, а кончит думать – вот нас и нет. И привет!

Впрочем, это были не собственные мысли Гониденека, а подслушанные. Давным-давно он собирался обчистить одного мудреца и целых три часа сидел у него под дверью – ждал, когда мудрец уснет. А тот все болтал и болтал – и про небо, и про землю, и про то, зачем все нужно, и о бессмысленности всего. В тот раз Гониденек страшно измучился и вспотел. Ему, как и прочим гониденекам, трудно было сидеть на одном месте. Мудрец выдался такой вредный!

– Безобразие! Кошма-а-ар-р! Так долго языком ворочать, от пустых разговоров умом поехать можно... – бормотал Гониденек, вытаскивая из-под мудреца деньги. – Тьфу ты пропасть, из-за такой мелочи три часа ждать... свинство просто...

Тогда он так наслушался умных речей, что уже не мог их забыть. Правда, далеко не все было Гониденеку понятно в словах мудреца, он часто путал начала и концы мудрецовых высказываний, но достаточно точно мог их воспроизвести.

Этой мудростью тоже торговали.

Гониденеки и Гониденек шли, шли; занимались «серьезным делом», где-то тащили, причем не только у других но и у своих же. Собирали прибыль – тут же тратили на всякие мелочи, касавшиеся вкусной еды или развлечений; кое-что

из приобретенного волокни за собой и теряли. А другие гониденки находили потерянное. Но ведь если гониденек что-либо найдет – он ведь никому не скажет!

Гониденек всегда был настороже; впрочем, ему не привыкать, а кроме того, ему нравилось такая деятельность.

Нравилось обогащаться без страха быть побитым, нравилось быть в компании, где все тебя понимают, ибо думают точно также. Только вот карманов нет – это плохо.

Гониденек терпел это, терпел, да и начал приставать к Спазгону:

– Слушайте, почему мы не можем сохранить свое благополучие? Мы же все тратим... противно даже. Вы же говорили, все мое ношу во мне. Или как его там?

– Дело в том, милый, что для длительного сбережения нужна особая аппаратура – своего рода кошелек – который похож на энергию... в нем все и сохранится.

– Так вы же говорили, что он у вас был – напомнил Гониденек.

– Ничего я такого не говорил.

– А вот говорили! В самом начале, еще до пустыря!

– Ни в пустыре, ни в другом месте я такого не обозначал!

Это тебе в уши ветер попал.

– Нечего трогать мои уши! – Гониденек обиженно задергал головой, тем более что Спазгон действительно двинул его по ушам. – Это вы врете! Как не стыдно своим же врать...

Спазгон чем-то щелкнул и хвататели, не сговариваясь, на-

валились на Гониденека.

– Слушайте, я же не сказал ничего такого... – растерянно произнес Гониденек. Груда тел над ним вибрировала.

«Ой, как мне сейчас навешают... или распрендобят... интересно, бить меня будут сейчас или потом? Хорошо, если потом, можно успеть посмотреть...».

Спазгон вертел носом, не говоря ничего. Но тут вмешался еще один «хвататель» – Обтай.

– Пойдите, прекрасные – у Обтая глуховатый, но вместе с тем приятный голос – вы чего-то не то делаете. Зачем вы навалились на нашего приятеля? Разве ему нужна помятая шерсть?

Шустрые тела, как по команде, сползли с Гониденека.

Спазгон опять ничего не сказал, лишь сидел в стороне и придиричиво считал свою часть дохода.

– Легко управлять простыми умами, правда? – сказал Обтай.

– А как оно выходит?

– Волны. Волны действуют на разум. Вот из этого рожка – под мышкой Обтая был зажат мелкий, похожий на клык, предмет. – Ты даешь приказ ему, а он дает приказ чужим сознаниям. Если, конечно, они слабо развиты.

– А Спазгон?

– У Спазгона есть такой же. Думаете, легко набирать компанию?

– А вы...

– А у меня тоже.

– А на меня не действует! – гордо сообщил Гониденек.

– Да – удивленно согласился Обтай. Он погладил Гониденеку хвост. – Ты, приятель, какой-то особенный... Ты мне очень нравишься.

«Еще чего, – обиделся Гониденек – разбежались!».

Он не знал, хорошо это или плохо – нравиться гониденкам.

Поэтому насторожился.

«Вот подвох, так уж подвох! Или это еще не подвох?... А когда же он будет, будет же он когда-нибудь?»

Гониденек не верил в судьбу, поскольку вообще не привык верить; однако он допускал, что бывают события неотвратимые, которых нельзя избежать – вроде затмения или метеоритного дождя. Однако небо над головой было ясным, даже без облаков. Оно тянулось во все стороны, сходилось со степью на горизонте.

День-ночь-день-ночь-утро... Сквозь застывшее полотно воздуха порой проносится ревуший смерч – ракета или иной космический аппарат, созданный разумными существами, транспорт для умных, но не достаточно великих. Поистине велик тот, кто может перемещаться в разные концы Вселенной без особых устройств, движимый лишь собственной мудростью. Такая мудрость есть у Коша, есть у Вор-Юн-Гака, у любителя пустоты Ничтова, у кого-то еще... Неопытные умы будут считать их богами или, по крайней мере, сверхъ-

естественными созданиями; но Гониденек по опыту знал, что никто не лишен слабостей – из тех, кого он видел.

– Ой, как мне все надоело... все болит, что просто ужас... как бы эти типы, что кружат над головой, не полезли сюда вмешиваться... это их слабость – вмешиваться, да... а еще они любят организовывать... противно! Не люблю, когда приказывают или учат.

Несмотря на инцидент, наш герой продолжал идти вслед за «хватателями». Они теряли и тащили, тащили и теряли.

Желая сохранить хоть что-то, Гониденек проглотит пару мелких изумрудов – большие носить тяжело, и кроме того, он боялся ненароком разбить свои быстросферы. Гониденеку не хотелось остаться здесь навсегда.

После удачного набега хвататели хвастались друг перед другом. Они прыгали выше головы.

Вертится, вертится лохматый хвост, поднимаясь над пыльной землей. Так гониденеки показывают свое мастерство и ловкость.

Гониденек тоже любил прыгать, но с недавнего времени ему сделалось скучно. В компании единомышленников... он не чувствовал себя каким-то особенным, а ведь именно ощущение особенности помогало ему всегда, по крайней мере, в тех случаях, когда он был в сознательном состоянии. Бьют – потому что особенный, удача – потому что особенный, неудача – тоже особенный, но несчастный... Теперь было даже как-то неинтересно. Пропадал внутренний азарт.

Впрочем, если впереди богатство, можно и потерпеть.

...Из далекий миров прилетел зонд и сбросил аппарат – синтетическую бочку. Едва бочка ударилась оземь, как из нее полезли во все стороны ручки, ножки, тоненькие, словно иглы; бочка встала и зачирикала:

«Осмотр на местности... осмотр на местности... анализ»

Ножки затормошили пыль.

«Анализ в движении... анализ в движении...»

Бочка двигалась кругами, но не могла обнаружить никаких живых существ, даже микроскопических. Пока не наткнулась на гониденеков.

Гониденеки, прячась за камнями и песчаными насыпями, давно заприметили странную конструкцию.

– Посмотрите-ка, кастрюля с лапами! Подмигивает! Давайте ее возьмем.

– Да зачем она нам нужна, – отмахнулся Спазгон, – материал-то у ней дешевый...

– Ну так, вообще... на ней ездить можно, а то все ногами, ногами...эй, ты куда поехала, ехалка? Не уезжай, кастрюля!

Гониденеки облепили «кастрюлю» со всех сторон.

– Поезжай туда... ну поезжай, поезжай, ты же только что ездила... ездилка... ходилка... скажи ей, чтоб не дергалась... как я скажу, надо же секрет знать... а в ней нету ничего такого?... она не открывается...

Аппарат хотел сделать анализ биологической сущности, но при всем своем мастерстве не мог даже фотографировать.

Гониденеки вертелись стремительно.

«Примитивные существа... примитивные существа... анализ»

Аппарат изловчился и ухватил-таки один хвост за самый кончик.

Хвататель (рыже-серый, точно лис) подскочил от удивления.

– Ой, сиделка моя!!

Аппарат выдрал два крохотных волоска.

Гониденеки застыли. Это позволило аппарату выдрать волоски еще из двадцати хвостов.

Отлаженным движением он запустил биохимический анализ.

Но хозяева хвостов уже рассердились:

– Ах, кастрюля подлая... бить нас собралась?! наших бить! Драться?! С-е-ейчас мы тебя намажем!!

Кричащая и воющая толпа навалилась на аппарат. Гониденеки били по пластиковым бокам – руками, ногами, хвостами, плевались, кричали, пытались укусить. Аппарат не проявлял неудовольствия и лишь сосредоточенно пикал.

Пробить его было невозможно, в нем не было ни трещинки, ни лишней щели. Аппарат был целиком искусственный, лишь его разум включал немного биологического материала.

Связанного с передачей наследственности.

Как-то так случилось, что энергия, исходящая от гониденеков, перебрала часть их природной информации внутрь

аппарата, в его электронное сердце. Сердце отразило энергию в мышцы, мышцы – в ноги, а ноги – в разум. И разум стал наполняться всякими пустяками, сбоями, противоречиями. Гониденеки не были венцом природы; некоторая часть их наследственности, явно неразумная, проникла в логические цепи.

Произошел сбой. Разумное попало под неразумное.

Гониденеки принялись:

– Чем это так пахнет? Мертвой рыбой, что ли?

Аппарат пытался стереть неразумную информацию, но она лезла отовсюду – от всех гониденеков, от их рыжей, серой, желтой шерсти, от худеньких тел, из ушей и из умов. В искусственном мозгу рождались междометия.

«Иатро-бла-сло-да-стройка... вщ-щ-щ-щ.... сбой-сбой-сбой... абсолютный сбой...»

Аппарат затрясся, в нем запустилась внутренняя борьба, но борьба трагическая – из пластикового бока выбилось странное зеленое пламя. Гониденеков как ветром сдуло.

Пламя нехотя охватило всю поверхность аппарата, и стало голубым. А затем черным. Повалил дым.

– Прекрасные, кого скрючит, я не виват! – кричал Спазгон, изо всех сил сгибая ноги. Он был умный и начал отступать раньше остальных – Оно горит?

– Горит-горит! – отзывались гониденеки, бежавшие следом.

– Ну хорошо...

И аппарат сгорел, не оставив даже пятен. Гониденеки этого не видели, поскольку успели уже далеко удрать. Они возмутились:

– Ходят всякие и ходят, словно у себя по полю... чего он притащился к нам... ходил бы в другом месте... Ходилка несчастная!

Они шли, шли, шли вперед. Спазгон, словно в забытии, бормотал о великой тайне, открывающей дорогу к благу; или же ласковыми словами привлекал новых соратников, убеждал старых. Гониденеки слушали, верили. Только Обтай, судя по хвосту, не очень верил. Но тоже шел.

Земли, земли, новые земли... Царство каменных плит. Царство стеклянных исполинов. Земля сфер. Из чего только не делают дома разумные создания. У каждого своя фантазия.

Число «хватателей» продолжало расти; из разных краев прибегали гониденеки – побитые, взъерошенные, решительные. Толпа увеличивалась.

«Сколько народу, – думал Гониденек, – не слишком ли много? Никакого добра не хватит.»

Куда ты ведешь их, Спазгон?

Есть ли на лице мира место, где богатство делается бессмертным? Есть ли место, где материальное благо становится невещественным, невидимым, и наполняя тебя, может храниться вечно? Имеет ли Вселенная такую мудрость, или она – лишь плод дикого, необузданного воображения,

простенького ума? Экое дымное наваждение...

Спазгон вдруг велел всем курить – скрученные в трубку фрагменты корешков и листьев. При горении от них исходит сладкий дурман.

Гониденек не очень умел курить; самокрутка проваливалась между пальцами, а держать ее в кулаке было неудобно.

Наконец он исхитрился – изогнул голову как цапля.

– Ну и что тут такого...ой-ей-хр... апчхи... нос режет, смотреть... апчхи, смотреть нельзя.

Над толпой повисло облако. Стояла ночь.

Гониденек видел, как дым от самокруток поднимается выше, выше, к самому небу. Немного погодя, с неба опустилась звезда, потом еще одна, еще и еще; звезды сливались в блестящее облако. Из него плавно выросал город. Настоящий город, не придуманный. Его дома смыкались под крышами. Вместо улиц глядели лабиринты, покрытые чем-то искусственным.

– Прекрасные! – закричал Спазгон. – Наконец-то мы достигли желаемого! Наконец-то мы достигли цели! В этом чудном месте каждый отыщет что хочет...

«Превращение добра! – мелькнуло в Гониденеке. – Невещественные вещи! Чтоб золото носить в голове!»

Толпа, визжа от восторга, понеслась на город. Недолго думая, Гониденек тоже побежал.

«А то еще разберут мои... сокровенные идеи!»

Внутри городской лабиринт оказался гораздо сложнее,

чем выглядел издали; впрочем, никого это не смущало.

У каждого была цель. Гониденек мчался, сразу потеряв из виду остальных, летел шибче ветра; он попал в какую-то комнату, из нее в зал, а оттуда – опять в комнату. Внезапно он оказался в небольшом помещении, покрытом квадратными бугорками, похожими на клавиши. На каждом бугорке были символы, знакомые и не очень. Стояла полутьма, но дышалось бодро.

Гониденек с разгону чуть не врезался в клавишную стену.

И тут ему кто-то сказал:

– Для исполнения ваших мыслей изобразите фигуру, гармония которой отражена сама в себе, и каждая ее часть видит такую же дважды.

Гониденек насторожился, но голос больше не говорил.

Стало тихо-тихо.

– Что-то я ничего не понял... Это что, загадка, что ли? Надо ее решить? Как мне надоели эти загадки, просто ужас. Здесь загадки, там загадки... Вся жизнь из загадок... А что оно сказала?... фигура, гармония два раза... или три раза?... нет, вроде два... Слушайте, но я ведь не имею соответствующей подготовки!

Действительно, математику Гониденек не учил никогда. Но по опыту он знал, что если перебирать все подряд, то среди множества комбинаций найдется верная, которая и станет решением; правда, обычно комбинаций мало, вроде «влево-вправо», а здесь ему предлагалась огромная куча симво-

лов. Значит, надо действовать быстро.

Гониденек смело стал давить подряд все кнопки.

– Давай, давай! Эту, эту, эту, эту... устроили тут состязание по вычислениям... будто я об этом думал... ничего я не думал, я просто...

Гониденек нажимал, нажимал – вдруг комната озарилась непривычным светом.

«Ошибка! Ошибка» – произнес прежний голос.

– Ну и что... – начал было Гониденек, но Голос был повсюду. Он наполнял и эту комнату, и другую, и вообще весь город. Повсюду слышалось противное слово «ошибка». Наверное, все остальные гониденеки тоже нажимали кнопочки.

Комната дрогнула и стала вворачиваться в себя...

– Караул! – завопил Гониденек – Кошмар!!! Это западня! Это... нас... расплющат!! Мясорубка!!!

Он выскочил из комнаты. Бежать! Куда бежать? Прочь отсюда!

Под лучами утренней зари город таял и сжимался.

Гониденек, не видя и не слыша, стрелой летел по лабиринтам улиц, терялся, спотыкался; все же он очень быстро добежал до выхода.

Степь пылила, от камней шел холод. Гониденек лизал их яростно.

Кругом было полно других гониденеков – все они успели выскочить, решительно все; только Спазгон куда-то делся. Гониденеки – маленькие, дрожащие – с ужасом смотре-

ли, как громадная глыба города слилась с утренним светом, дернулась и пропала.

Что это было? Мираж? Сон? Ночной призрак? Но ведь гониденеки не спят.

Пушистые тела сбились в кучи.

– Что ж теперь-то нам делать, а-а-а?... – жалобно спросил один паренек.

– А откуда я знаю, – сказал Гониденек – думать надо было... Прямо бред какой-то, кошмар полный, вот подвох, так подвох... Дождик, что ли, будет?

«Спазгон – завел всех сюда, а сам смылся. С денежками! Стоило ожидать...»

Со стороны запада на них надвигалась серебристая туча. Гониденек подумал, что это очень кстати – попить дождевой влаги, а то рот полон песка; но из тучи пошел не дождь, а туман. Гониденеков заволочло.

Туман пролез повсюду, а потом он превратился в кольцо – и все «хвататели» оказались заперты в нем. Бежать наружу не хотели, думали, что кольцо ядовитое, хотя от него не чувствовалось ни запаха, ни других воздействий. Гониденеки решили переждать: кое-кто уже знал про подобные выкрутасы Мира. Такой туман пропадет сам собой, бормотал Гониденек. Бывают же в небе самые разные события, и на земле тоже... Туман должен рассеяться.

Пушистые тельца вжались в землю и старались не замечать ничего. И ни о чем не думать. Ведь неправильные мыс-

ли могут навредить – это Гониденек знал твердо.

Они ждали весь день и весь вечер; наконец, ночь пришла.

На короткий момент стало очень темно – ну просто глаз выколи, абсолютно ничего не видно; а потом вдруг посветлело, и можно было отчетливо разглядеть все в пределах пяти-сот шагов. Туман исчез. Гониденек – никуда не глядя – помчался вперед, преодолел, как ему казалось, область страшного «кольца», прыгнул – и застыл.

По степи бродили странные создания. Как будто вовсе без тел, одни лишь силуэты. И они были везде.

Тень – прозрачная, бесформенная тень подошла к Гониденеку, посмотрела и произнесла лишь одно слово:

– Жадный – в голосе слышалось удовлетворение. – Жадный.

Тень отползла.

– Ко-о-о-шм-а-а-а-р-р какой...

Тени – повсюду! Они подходят к гониденекам, смотрят, иногда щупают; потом каждого – подталкивают к черному шатру. Шатер был черный как пустота.

«Нас взяли в плен! – сообразил Гониденек. – Ой что будет...»

Он не читал книг о войне, но по опыту знал, что с пленными не церемонятся. С ними делают все что угодно. Пленных могут побить, продать и даже ликвидировать.

«А помирать-то мне рано – подумал Гониденек – я еще совсем не вредный... и не старый... я бы даже мог кого-ни-

будь произвести... лучше б я тогда играть пошел... со Возмокиными... нас продали, нас предали... нет, нас продали, нас предали...».

Он не заметил, как тени мягко тянули его к шатру.

Гониденек захотел вырваться, но не было сил. Ноги не слушались. Хвост тоже.

– Ребята!! Пускай все знают! Я всегда стремился к... хорошему! У меня были высокие цели, и то, что они не сбылись, в этом не моя вина! Была! Я хотел достичь...

Его втолкнули в шатер

– Победы разума... или не хотел я этого достичь, это вранье, неужели жизнь моя вранье... ужас просто...

С перекошенным ртом Гониденек замолк.

Внутри шатра стояла Тень – старшая из всех теней, что были рядом; рядом с ней стоял – Обтай!

Гониденек опешил. А потом как закричит:

– Ах ты хвост такой! Ты нас предал! Ты нас предал, чтоб тебя...

– Когда? – удивился Обтай. – Кого? Милый, не трясись! Я вас вовсе не предавал, ибо когда предают, делают нечто нехорошее, неприятное... А все наши будут целы!

– Рассказывай! – проворчал Гониденек. Но, действительно, всех гониденеков отпускали, лишь слегка пометив – чем-то невидимым.

Обтай посмотрел на Гониденека.

– Я лишь заключил небольшой договор с силой, которая

неизмеримо выше нас. Выше нашей природы, выше нашего ума. Эта сила бесконечна. Она даст нам возможность жить бесконечно долго, а возьмет...

– Сущие пустяки – сказала Тень. – В сущности, почти ничего. Я возьму с вас обещание быть такими, какими вы и так всегда были. Живите по своей природе, не меняясь с ходом времени.

«Где я слышал этот голос» – подумал Гониденек. И выдохнул:

– Сговорился с мертвецами! Все за нас решил!

– А я разве решал? – поразился Обтай. – Вы же, милые мои, добровольно сами решили... относительно своих мечтаний. Все хотели стать богатыми! Вот ты разве не хотел?

– Откуда ты знаешь, чего я хотел! – рассердился Гониденек. – Привязались: хотел, не хотел! Ну, допустим, хотел, но совсем по-другому, без этих вот грандиозных подвохов, совершенно не запланированных, от которых голова полна страданий, узурпаторы инопланетные нагляделся я на вас еще в царстве Вор-Юн-а-а-а...

– Какой говорливый птенчик – прошептала Тень.

«Сама ты птенчик» подумал Гониденек, но сказать уже не смог. Он замерз изнутри.

Он понял, что это за Тень, каковы ее истинные цели. Это не призрак ночи, не инопланетный захватчик земель; все гораздо хуже.

Гирза-Мара!

Опять она, эта Алчущая! Но как изменилась ее внешность! От прежнего демонского вида и следа не осталась; ничего не осталось и от дремовны, с красотой ослепительной и лживой. Облик Гирза-Мары походил на дым от костра, слабый, чахлый, с маловыраженной формой. Энергии в ней тоже было немного. Гирза-Мара сильно выдохлась после битвы с Зергером и Ведей Взмокиным. Ей требовалось подпитка чувством, жестоким, лукавым...

Гониденек, ничего не соображая, вдруг сказал:

– Гирза-Мара дура! (пропадать так пропадать...)

– Откуда взялся этот болтун? – спросила Тень Обтая.

«Хорошо, что она меня не помнит!» подумал Гониденек.

Обтай пожал плечами.

– А-ах – прошелестела Тень, – это же приятель Взмокина...
на...

«Какой я несчастный!»

– Не пугайся, маленький – говорила Тень шепотом, она не могла говорить громко – страхи неоправданны... Я вовсе не хочу тебе вредить. Наоборот, я хочу, чтоб ты жил долго-долго, делая все то, что привык делать... Это же так приятно.

Она приблизила к нему голову без лица. В этот момент Гониденек вспомнил все свое прошлое, и ощутил (против воли) острый приступ радости... Радость исходила от воспоминаний об успешно провернутых делишках. Радость ощущалась явно, и вместе с тем казалась горем. В животе заерзал.

...Жил, жил; как мог, так и жил, не задумываясь. Выходит, это очень полезно Гирза-Маре. Гирза-Мара довольна теми, кто живет лишь для себя.

С Гониденеком стряслось нечто странное. Он замер и стал кричать – не своим голосом:

– Ну да! Конечно тоже! Разбежались еще! Чтоб я стал дружить с такой... чтоб я жил... так как жил?! Приятное тебе делать?! Да ни за что!!! Чтоб ты, ведьма... Кош-ма-ар!!! Пустите, я хочу выйти!!!

Только сейчас Гониденек понял, что его никто не держит.

Что же – бежать? Да, пожалуй, бежать; он хотел еще сказать что-нибудь очень обидное Гирза-Маре и Обтаю, но ноги работали совсем в другом направлении. Бежать!

– Глупый, – прошелестела Гирза-Мара – разве от жадности убежишь? Жадность – она преследует повсюду.

Гониденек несся вдаль на двух ногах, на трех и на четырех. Тени медленно плыли следом – растягивали удовольствие, ведь простой природный зверь не уйдет от Гирза-Мары. Всюду она найдет несовершенство. Гониденек об этом не думал – он бежал, а быстросферы в животе бились и бились друг о друга.

– Не хочу быть с Гирза-Марой! Не хочу! Действовать хочу! Хочу, чтоб было интересно! Хочу чтоб что-то новое... даже хорошее производилось...

Быстросферы стучали друг о друга. Но они работали! В быстросфере сходятся нити прошлого, настоящего и бу-

дущего. Но сойдутся они лишь тогда, когда есть сильный стимул перемен. Прошлое? – Гониденек ругал сам себя; он страшно боялся Настоящего, а в Будущем хотелось чего-то нового...

Тени повисли над хвостом.

– Чтоб я жил! – прошептал Гониденек. – От добра все зло!

И пропал.

Тени сжались в кулак. Но под ними не было никого – лишь песок, глина, камни и россыпи алмазов. Никого живого. Быстросферы сработали!

– Ничего! – прошептала Гирза-Мара, Алчущая Зла. – Счет будет на моей стороне. В мире полно других гониденек. И существ, слабых духом. В каждом из них сидит такой – гониденек.

Ночь кончалась. Да что ночь – гониденеки ведь не спят.

Они бегают и тащат, следуя своей природе. Все они – неисправимые авантюристы. Или не все?

Гониденек стукнулся о землю.

Он был на том самом месте, откуда его утянуло в мир «исторического начала».

Ничего не изменилось, разве что тень на стволе слева поднялась от пятого пятна на шестое, и орнамент листвы казался еще причудливее в лучах раннего вечера. Над головой вились осы, но не жалили.

Гониденек так устал, что не мог даже разговаривать. Он еле-еле приподнялся на передних лапах, сморщил лицо, как

перед чиханием, поднатужился, поднатужился – и выплюнул.

Быстросферы – два матовых яйца – покатались по мягкой хвое, рядом зеленели два темных изумруда. Гониденек их тоже когда-то проглотил, но совсем забыл. Теперь они казались недостаточной платой за все пережитое.

– Ох, как меня... – он вдруг вспомнил всю длинную цепь приключений: дыня, старикашка, мертвый лес..., историческое начало, родственники несчастные... поход за «великой тайной», Гирза-Мара и разговоры, разговоры, разговоры...

Гониденек даже удивился тому, как долго и причудливо он разговаривал, ведь он совсем не привык говорить много текста сразу. Ему даже захотелось написать об этом историю.

Тут он опять вспомнил про быстросферы.

– Мудрость битая!... – Гониденек не глядя нащупал нечто твердое (это был изумруд) и изо всех сил врезал по матовому яйцу. Быстросфера рассыпалась в прах, словно сухой песок.

Другую он запустил в чашу.

Быстросфера полетела и тут же хлопнула во что-то.

– Охти мне! Это кто тут яйца сыплет!

Лесная чаша задвигалась, и на дорогу вылез Сокол Авужго – приятель Веди Взмокина. Большой и добродушный.

– А, здорово, Гониденек, а я тут думаю, кто тут трещит... Слышь, на меня тут круглое свалилось... словно будто драгоценное. Я думал, может тебе надо, ты же вроде собираешь.

Авужго разжал кулак, но треснутого яйца там уже не бы-

ло. Оно рассыпалось вслед за первым. Кончились быстро-сферы.

– Ты смотри, лопнуло! А я думал, оно искусственное...

– Да ну его! – произнес Гониденек. Его шатало. – Ну его, все это, золото, богатство... то есть оно, конечно, необходимо, но порой слишком тяжело дается... и не стоит затраченных усилий.

– Золотые слова – сказал Авужго.

Гониденек подскочил:

– Как ты говоришь? Слова? Но слова не могут быть золотые, они же просто колебания воздуха... или могут?! Слушай, тогда выходит я открыл секрет невещественности вещественного! Ну чтобы золото носить в себе... хотя, я не понимаю, как это слова могут быть добром...

– Золото не в словах, а в делах! – сказал Авужго и постучал по животу. – Вот когда есть в тебе что-то хорошее, хорошие качества – ну там ум, доброта, смелость, и когда ты их пускаешь на хорошее дело – это и есть настоящее добро. А когда добро просто вещи, это что же... это не добро, это так... Да. Я и сам, признаться, не очень все это понимаю, но так говорил Ведя Взмокин, и дядя Взмокин, и дядя Зергер. Да.

– Неохота мне с Зергером связываться – признался Гониденек, – потому что он Отец Смерти и слишком любит грандиозное... но, видно, без него нельзя. И без Веди Взмокина тоже. Внутреннее золото... Сокол, а ты учиться любишь?

– Не, не очень.

– Я тоже. А они знаешь какие подлецы, учить меня вздумали. Учить, значит, всему плохому, чтоб им от этого приятно было... такая наглость... я тогда думал как жить, а тут родственники поналезли и как начнется...

По вечерней тропе шли Сокол Авужго, толстенький, здоровый и добродушный парень, покрытый шерстью, а рядом прыгал Гониденек, тоже покрытый шерстью, прыгал, крутил, хвостом, рассказывал... Он с плачем говорил про все те ужасы, что довелось ему пережить, негодовал по поводу всеобщего лицемерия и с гордостью показывал, как он побеждал врагов. Сокол Авужго все слушал (ему было интересно), вздыхал и вытирал пот с мохнатых щек. Все рукава были мокрые.

– Да, – говорил он – бывает же такое... Прямо история настоящая.

Эту историю потом записал Ведя Взмокин. Он же разрешил ту страшную задачку:

– По всей видимости, они имели в виду равносторонний треугольник, где каждая сторона «видит» две такие же стороны. Хотя, конечно, там мог быть некий подвох.

– Конечно – согласился Гониденек. – Обязательно. Именно что подвох, и не только в городе, но и везде... Там сплошная гониденековщина. Своих грабят! Не нравятся мне эти гониденеки, кого ни возьми – все обманщики, все, кроме меня...

И остался Гониденек в мире Взмокиных; а когда Взмокины разработали двигатель для космических перелетов, он стал путешествовать между мирами. Гониденек побывал во многих местах, и повсюду его природа оставляла о себе память. И нельзя сказать, что эта память, сугубо биологическая в основе, была только плохой; от нее в природе порой прибавлялось разнообразия, возникало что-то необычное, новое.

Гониденеку нравится новое.

Он проникает туда, где его еще не было. А вам он не встречался?

КЛАДЕЗЬ ПРЕМУДРОСТИ

Однажды у Коша спросили:

– Отчего у вас имя такое странное? И что оно означает?

– Каждый может думать о нем что хочет, – сказал Кош,

Кладезь Премудрости

Тот, кто спрашивал, был похож на стержень и вертелся постоянно – вверх, вниз и в стороны.

– Не мое дело думать... Ну, вроде бы «Кош» созвучно со словом «кошель» или «кошелек»... кошелек нужен для денег... так вы деньги сберегаете? Очень похвально, что ж вы раньше-то молчали? Небось уж много накопили!

– Нет, я коплю не деньги – сказал Кош, – я собираю мудрость. Если вы привыкли мерить все деньгами, знайте, что мудрость – самый надежный капитал.

Юркий стержень засмеялся и запрыгал:

– Что же – мудрость позволяет стать богатым?

– Не только богатым, но и великим. Мудрость позволяет стать Великим. Впрочем, величие мне неинтересно; мне интересно понимать.

– Очень надо что-то понимать! – сказал стержень, затрясся, но, увидев чью-то тень, юркнул вниз – на всякий случай, подальше от угрозы. Но Кошу нечего бояться.

Кош, Кладезь Премудрости, не всегда имел ее в достаточ-

ном количестве. Ему пришлось изрядно побродить по Вселенной, извести кучу сил и времени, по крупицам выискивая смысл из завалов пустых сведений. В разных мирах он совершил много дел, порой очень важных; но везде его считали чуждым, несвоим, потому что Кош имел привычку появляться внезапно, словно ниоткуда. Из-за этого не нашлось такого мира, где признались бы в родстве с Кошем. Если где-нибудь возникал его силуэт, все смеялись – у Коша вечно заплетались ноги, он казался длинным и нескладным. Все смеялись над голосом Коша, глубоким и пронзительным, и над его речью, полной трудных оборотов. Из-за этого Кош часто дрался – и руками, и другими вещами. Ой как дрался!

Тогда у него еще не было сумки знаний.

...

Довелось как-то Кошу быть помощником одного воеводы – в дальней области, в дальнем царстве. Воевода не любил спокойной жизни и всегда старался сделать что-нибудь этакое, во благо народу, царю во славу и наоборот. Удавалось это непросто, поскольку область была технологически отсталой, а ее жители прославились своей великой ленью. Тяжелая выдалась область.

Но воевода любил бороться с трудностями. Не очень доверяя местным, он старался брать в помощники иноземцев, представителей других регионов. Он считал, что иноземцы и усерднее, и не связаны с населением порочными узами родства и корысти.

Однажды приходит к нему Кош и докладывает:

– Так мол и так, в плане обороноспособности положение ваше отчаянное. Сапоги-то у ваших солдат вконец износились!

– Здрасьте пожалуйста! – говорит воевода. – Да когда же они успели? Мы же целых 30 лет ни смотров, ни походов не учиняли.

– Походов не организовывали, это правда; да только сапоги вы последний раз меняли еще до сближения с В-ской кометой, бороздящей небосвод один раз в 10 лет. Так следует из ваших же записей, пожелтевших на свету. И с тех пор не было никакого обновления материальных средств.

– Да, – говорит воевода – дела. Надо, что ли, к царю писать, что вот, мол, сапоги закончились... А то найдется еще заноза, напишет еще, что мы их разворовали. Да еще в печати пропечатает. Нет, надо, надо, безо всяких сомнений.

Кликнул воевода секретаря, говорит:

– Пиши, мой друг, царю.

Секретарь написал. Кош прочел и говорит:

– Все верно, только необходимо подчеркнуть, что сапоги не просто важная вещь, а их необходимо получить.

Секретарь написал. Ждут – день, другой, неделю; месяц ждут, а ответа все нет.

– Никак обоз в лесу застрял – говорит воевода. – А кстати, ты чего написал, секретарь? Может, неясно?

– Я написал: «Всем выдали сапоги, а нам не выдали. Про-

шу выдать нам сапоги». Куда уж яснее?

– Э-э-э... Так только пеньки в деревнях сочиняют. Надо чтоб было современно. Пиши: «в рамках выполнения взятых нами пацифистических обязательств...»

– Чего-чего? – спрашивает секретарь.

– Ты, префикс, не болтай, а пиши. Я дело говорю. «... Пацифистических обязательств перед мировым сообществом необходимо» э-э-э... «объективизировать распределение кожано-обувной продукции для нижних ног»... «для нижних ног, в скобках – сапоги». Вот так! Это по-современному.

Отправили современную депешу. Ждут – месяц, другой, третий – никто не отвечает.

Кош говорит воеводе:

– Очевидно, вы допустили промашку с формой. Не учли психологический фактор. Вы просите дать, а кто же любит просто так давать? Надо обращаться в серьезном, деловом стиле.

Воевода говорит:

– Правда! Пиши, секретарь, что вот мол, за сапоги наша область готова расплатиться... натуральными продуктами.

– Это какие ж еще продукты? – спрашивает секретарь. – Ведь у нас ни нефти, ни газа и в помине нет. Золота тоже нет. Ничего же вообще нет!

– Ты пиши, а продукт мы потом найдем. Сходим в лес и найдем. Лес-то у нас еще есть? Вот, а в лесу точно что-нибудь есть. Грибы, например.

Отправили деловое письмо. Опять сидят ждут – опять нет ответа.

Воевода говорит:

– Слушай, а может у них там переворот? И царя давно сместили, и столицу перенесли? Мы тут пишем по старому адресу, а там и нет никого.

Секретарь отвечает:

– Кабы был переворот, так мы бы узнали из зарубежных газет.

– А почему из зарубежных? У нас разве своих нет?

– Да вроде есть, но не в нашей области. А из соседних областей они к нам не доходят, потому как почта не работает.

– Ах вот оно что! – воскликнул воевода. – Теперь все понятно, почему письма не идут. А я-то думаю, куда они там все провалились... И как же быть теперь?

– Можно отправить волновую депешу – говорит Кош – Я как раз изучаю устройство волн, и почти близок к тому, чтоб раскрыть их полезную сущность... Во всяком случае, волна быстрее, чем телега.

Воевода одобрил.

Кошу долго пришлось укрощать волны, строптивные оттого, что энергия в их основе была нестабильная; волны эти извивались как змеи, кололись как ежи, обжигали. Овладеть энергией, даже самой слабенькой, очень непросто, если нет технологий.

Волны не поддавались. Тогда Кош пошел на хитрость; сде-

лал вид, как будто он мастерит не ловушку для волн, а простой металлический короб. Волны летали вокруг, в неведении. Кош совершенствовал свой прибор, совершенствовал – коробка наполнялась содержимым изнутри, очень затейливым, как в богатом дворце. Кош никому ничего не показывал. Волнам стало интересно поглядеть, что же там внутри находится. Забрались они в прибор Коша да и попались.

– Посидите, милые, подумайте – сказал Кош. – А то уж очень вы независимые.

Волны сперва метались, злились, потом затихли, стали служить Кошу.

Он научил их обрабатывать информацию. Но оказалось, что ее никто не умел принимать – приборов-то таких еще не знали. Кошу пришлось самому делать приборы, рассылать их по разным частям царства, да еще объяснять их действие.

Это было непросто, поскольку жители имели на редкость тугодумные головы.

Кое-как Кош все же наладил связь.

Написал воевода волновое письмо царю о солдатских сапогах, и отправил его. Полетели, поскакали волны с этой вестью, добрались до дворца царского. И ответ пришел: дескать, не беспокойтесь.

...Через год посылку прислали. Точно, с сапогами. Стал их секретарь считать и говорит:

– Все правильно – сапоги как заказывали. Но вот что странно – сапогов сто тринадцать штук и все с левой ноги.

Воевода говорит:

– Действительно странно. Я же заказывал не с левой, а с правой. И не сто тринадцать, а сто семнадцать. Видать, четыре сапога на накладные расходы пошли. А теперь и не знаю что делать – ведь вторичное ускорение движется вправо, а не влево, стало быть правые сапоги быстрее стаптываются... Соображать же надо!

Кош подумал, что нескоро тут добьются порядка. И ему сделалось скучно.

В других царствах настоящий порядок был – правители заботились о подданных, и жизнь у них была намного лучше той, что в царстве храброго воеводы. Поля цвели, дома строились. Население росло, но время от времени случались бури, ураганы, землетрясения; из невидимых омутов выползали болезни и наступал мор. Накатывали волны бедствий.

От всех потрясений народы страдали и плакали, некоторые даже исчезали – безвозвратно. Другие находили силы к борьбе и возрождению. Но во всем этом Кош не видел никакой особой мудрости, кроме природной. Как в живой природе есть неукротимое стремление жить, так и у тех народов была страсть к самосохранению. Но только страсть.

– Страсть не может быть мудростью, – сказал Кош, – это лишь простое свойство жизни. А мне интересно узнать что похитрее!

Он решил учиться у подлинных знатоков, у мастеров науки; и отправился к одному ученому. Тот знаток жить не мог

без науки – дни и ночи напролет он пропадал в лаборатории, ставя бесконечные опыты. Он экспериментировал и экспериментировал, придумывал новые модели и усовершенствовал старые. И на работе, и дома, и во всех других местах он говорил только о своих экспериментах. Впрочем, он особенно и не бывал нигде, кроме своей лаборатории. В ней постоянно стоял туман от истлевшего мусора.

– Уберитесь пока, – сказал он рассеянно Кошу, – а я пойду... опыт проделаю.

Кош принялся убирать – таскать, вытирать, разворачивать. Мусор пестрел везде, на всех стульях и дырявых полках, на столах и под столами, и даже странно было, что во всем этом беспорядке ученый отыскивает смысл. С потолка свисали лохматые гроздья пыли. Мелкие, многоногие существа съезжали с мусорных горок, наслаждаясь беспорядком.

Кош ловил их, но существа только множились. Мусор тоже множился. Кош не мог понять в чем дело. Он даже устал немного.

– Убрались? – спросил рассеянно ученый.

– Отчасти – ответил Кош, – ведь ваш беспорядок имеет удивительное свойство проникать везде.

– Эх вы! С простым хламом не можете справиться! Как же вы учиться пришли? И зачем надо было руки пачкать? Пачкун! Надо же вот как!

Он выбежал на улицу, Кош – за ним. Ученый застыл на месте и при помощи губ состроил презрительную гримасу.

Потом еще одну, с помощью щек и носа. Наверное, он насмеялся над Кошем; но Кош не обращал на это внимания, потому что интересно было, как ученому удастся навести порядок на расстоянии. Ученый задумчиво рыскал по карманам, теряя мелкие предметы, потом нащупал один приборчик. Нажал на кнопку и весь мусор сторел. Вместе с домом для исследований.

– Я не знал, что в вашем доме такие способности! – сказал Кош.

– Как не знали? Как же вы учиться будете?

– Но вы же мне ничего не сказали, что у вас есть кнопка.

– А я и не должен ничего говорить, вы сами должны были догадаться... Вы ж учиться пришли.

– Извините, – сказал Кош с поклоном – я не знал, как учиться правильно. А каков секрет той кнопки, что за сила ею движет?

Ученый посмотрел бледными глазами.

– Понятия не имею.

– Но вы же знаток, ученый, и умеете ум, способный все постичь!

– Да, я знаток. Но зачем мне знать эти мелочи? Зачем забивать голову этой ерундой, коя никак не касается драгоценной моей науки? Глупо это, просто глупо – интересоваться посторонними вещами...

Тот знаток презирал всех за глупость, а коллег своих он считал либо завистниками, либо бездарностями. Он был ве-

личайшим знатоком в своем предмете. Но когда надо было забить гвоздь или привернуть шуруп, он морщился и предлагал вызвать слесаря.

Кош не стал никого звать, а сам все прибил. И гвозди, и шурупы. Кое-где вышло косо, но весьма прочно.

– Вы занимаетесь пустяками – говорил ученый недовольно, – только зря возитесь... Зачем возиться самому, если есть специальные мастера? Мастер на то и существует, чтоб выполнять работу. Только так он убережет свою глупую голову от полного распада. Ученый должен познавать...

– Зачем же тогда познавать, если не применять знания в деле? – спросил Кош.

Знаток изумился:

– Да как же... вы можете... самых основ-то не знать! Познавать надо, чтобы познавать! Истина – вот моя цель! Все другое неинтересно.

«Забавно – подумал Кош. – Он предлагает делать дело ради самого дела. Приятно знать, что знаешь. Но мне этого мало. Ибо знание таит в себе не просто информацию, а нечто более глубокое, сокровенное. То, на чем держится весь Космос».

Кош поработал еще немного, а потом ушел от знатока.

А знаток, наверное, еще долго пылился в погоне за истиной.

Шел Кош, шел; забрался в такие дали, где простые существа не выдержат и мгновения. Перед Кошем растянулись

мрачные просторы, не заселенные никем, полные опасностей; но Кош так задумался, что не замечал даже астероидов.

Кош шел и размышлял.

– Кажется, я немного ошибся... Здесь же нет ничего интересного. Про распад я уже слышан, а ничем другим тут, похоже, не интересуются. Скучно. Даже поговорить не с кем...

Наверху горели звезды. Одна из них подмигнула Кошу, обернулась невидимкой и села чуть поодаль. А потом превратилась в Обитателя Вечности.

– Доброй вам дороги, – сказал Обитатель Вечности, – вы не против, если я пойду рядом?

– Пожалуйста, – сказал Кош – тем более что дорога не моя.

– Кажется, вы ищете что-то?

– Да, я ищу мудрость.

– И зачем вам мудрость? Вы хотите править Космосом?

– Да нет, – удивленно сказал Кош. – У меня и в мыслях не было кем-то править. Править неинтересно, хотя бы потому, что это всегда было и во многих местах. Меня интересует тот сокровенный смысл, что несет в себе мудрость, позволяя ей быть выше всего на свете...

– Мудрость великая вещь – согласился Обитатель Вечности. – Но ведь есть и другие великие вещи. Жизнь, например. Движение.

– А чем запускает жизнь и движение со всеми ее бесконечными оборотами? Мудростью и запускается. И познавать

ее – самое прекрасное, самое интересное дело из всего, что есть на свете!

– Ну что ж – сказал Обитатель Вечности – ваш путь ясен. Он бесконечно труден, и бесконечно долог, но идти вперед намного лучше, чем подниматься наверх. Не бывает бесконечных гор и, поднявшись, будешь обречен либо спуститься, либо упасть. Многим хочется застыть на вершине, застыть навеки, пребывая выше всех, но это невозможно. Ибо все меняется, движется вперед. Счастливого вам пути!

Сказав так, посланец Вечности исчез. А Кош пошел за новой мудростью.

Он считал, что познание – не просто цель, но великая сила, укрепляющая Вселенную.

...

Ничтов, повелитель Пустоты, всегда мечтал о равновесии. Лучшей формой равновесия он считал Пустоту. Пустоту, управляемую великим Хозяином, которым, как считал Ничтов, может быть только он, Ничтов. Для величия Пустоты Ничтову пришлось покорить тысячи Миров; половину он заставил подчиниться, а другую обратил в энергетическую мощь. Велика власть Ничтова, но никто из покоренных не мог сказать, в чем она заключается. Ибо Ничтов очень скрытен. Ему не хочется, чтоб на него смотрели – облик Ничтова видели только Вор-Юн-Гак (Хитрый Подлый Змей) да несколько слуг, самых верных. Ничтов был невидим. Никто не знал, где расположен его дворец, покрытый мраком, мра-

ком, что зовется Неизвестность.

Кош – Кладезь премудрости – после некоторых вычислений разогнал тьму. Он обнаружил и Дворец во мраке Неизвестности, и самого Ничтова, очень недовольного.

Ничтов появился, потом исчез, снова появился, прошел, глядя головой без лица на Коша, а потом произнес:

– Ничего не могу поделать с вашей мудростью! Она неисребимая. И к тому же придает вам известной мощи... до-садно.

– Что же вас во мне пугает? – спросил Кош.

– Ничего; в вас – ничего, но ведь вы начнете болтать... Давайте решим, Кош: я не стану чинить тебе препятствий нигде – даже в моих пределах! – а ты не станешь никому рассказывать, как нашел сие место, скрытое от жалких глаз...

Кош, Кладезь премудрости, согласился.

Прошло 100 взмокинских лет. Из космической глуши примчался камень и рухнул на двор Ничтова. Камень был миллион шагов в охвате.

Редкий мир уцелеет после этого, но ведь у Ничтова всем правила Пустота, осмысленная Пустота. Она быстро восстановила свой порядок.

Ничтов опять был недоволен.

– Упал прямо на дворец? Вот удача! – сказал Кош. – Но послушай, Ничтов, неужели ты решил, что камнем двигало мое знание? Разве глупый камень способен слушать разговоры? Смешно. Камень летит, подчиняясь законами приро-

ды, на которые порой сам космос не способен повлиять. Это, если угодно, непредсказанное совпадение.

– Да, – согласился Ничтов, внутренне морщась. – Космос неисповедим.

Прошло 10 000 взмокинских лет. Прыгая и дрожа, прилетел берестон – гибкий аппарат, собранный из дерева и хитрых веществ, а на нем были Ведя Взмокин, бодрый, негнибаемый, Зергер (Отец Смерти) и Сокол Авужго. Да еще Гониденек с хвостом.

Ничтов вообразил, что Гониденек направлен сюда Змеем Вор-Юн-Гаком ради непонятных целей. Он отправился к Змею выяснять, а Змей, Хитрый Подлый Змей, скрутил всю компанию. Туда ей и дорога, думалось тогда Ничтову. От Веди и Зергера исходила пряма угроза Пустоте, тем более что они собирались добыть Цветок Гармонии, великую тайну, а ее Ничтов не хотел давать никому. Но случилось неожиданное – Ведя, Зергер и Авужго, в охапку с плачущим Гониденеком вырвались, завладели Цветком, и в конце концов смогли победить!

Вор-Юн-Гака победили! Или, точнее сказать, обыграли. Вор-Юн-Гак в том деле проиграл; но вместе с Вор-Юн-Гаком обыграли и самого Ничтова.

– Ты знал, – говорил Ничтов, зло уставившись на Коша, – ты знал где я нахожусь, и что они прилетят сперва ко мне! Ты знал! Иначе б ты не отправлял им сигнала...

– Я всего лишь подумал. Я подумал и сигнал родился сам.

Он вылетел стремительно, и разве знал я, кому он достанется? И достанется ли вообще? Звезды светят, но они вообще светят. С мыслями то же самое. Отряд Взмокина поймал сигнал о тебе случайно; но разве это означало, что они придут к тебе и победят? Зачем же ты позволил им себя победить? Или ты веришь в судьбу?

– Нет, не верю – проворчал Ничтов и отвернулся.

Прошло еще сколько-то лет. Ничтов покорял Миры; надо всем висела его мертвая пустота. Но где-то вдали существовал Зергер.

Вор-Юн-Гак, полный жажды мести, нашептывал Ничтову: «Не будет нам спокойной власти, пока где-то бродит Зергер! Этот фантазер еще наплодит своих порождений! Его стоит устранить. Это необходимо.»

А потом возникло необъяснимое. В космосе объявились новые формы энергии, они росли и множились, становились сильнее. Они были гармоничные словно песни, и распространялись повсюду. И от этих песен многим стало лучше.

Но только не Повелителю Пустоты. От новых песен Пустота слабела. Она портилась. Разрушалась!

Ничтов тараторил как заведенный:

– Это все из-за Зергера! Это все он! Да! Его проклятая мощь проникает даже в мой дворец! Это хамство! Безобразие!

И ни слова не говорил о Коше, кладезе премудрости. Хотя именно с Коша начались его страдания.

...

В одном краю Кош разбил сад из растений семейства розоцветных и позволил всем его посещать. Кошу хотелось узнать, чем определяется ценность таких плодов. Каждый год его сад расцветал по весне, а потом давал богатые урожаи. На всю округу прославились вишня, груша, яблоня, слива, клубника, ежевика, малина. Их все знали и хвалили.

И только рябину никто не хвалил.

– Ах, какая я несчастная! – говорила рябина. – На меня совершенно не обращают внимания. Или я слишком высока и недосягаема?

Она нарочно склоняла ветви с ягодами вниз, прямо в руки посетителей – но они оставались равнодушны к рябиновым гроздьям. Разве что изредка кто-нибудь из молодых срывал одну-две ягодки и тут же морщился:

– Какая горькая!

– Не огорчайтесь, – утешал рябину боярышник, росший по соседству. – В конце концов, не все же должны быть сладкими. Например, у меня тоже ягоды так себе...

– Вам хорошо, – с грустью отвечала рябина, – ваши плоды пользуются большим спросом в фармакологии, и вы достигнете славы по медицинской части. А вот я так и останусь простым статистом.

Наслушавшись разговоров о фотосинтезе, рябина целыми днями держала свои гроздья на солнце – чтоб запастись в них побольше сахаров (так делала опытная клубника). Плоды на-

ливались краской; из желтых они становились ярко-оранжевыми, из ярко-оранжевых – почти красными с розовым отливом. Но горечь не исчезала.

«Никому не нравится горькое – подумал Кош, – это не ново».

Он продолжал наблюдать.

Ежедневно из яблок, слив и других плодов готовили варенья, соки, компоты; их сушили и консервировали, запасали на зиму. Яблоня, слива и прочие очень гордились важностью своей продукции.

Рябиновые плоды никто не запасал.

– Ну хоть бы одну коробочку – причитала рябина, – ну хоть одну коробочку могли бы собрать. Хотя бы из приличия. Пусть не для еды, не для медицинских целей, не для производства... а еще для чего-нибудь. Ведь готовили же раньше эти самые... наливки, настойки...

– Эх куда хватили! – отозвался боярышник – Какие уж там настойки! Их в старину делали. А теперь принято покупать готовые бутылки. Все отказываются от натуральной продукции. Прогресс!

От досады рябине хотелось сломаться пополам – смерти она не боялась, ведь она, как и все розовоцветные, имела дар вегетативной репродукции.

Миновало лето и сентябрь, закончилась пора урожая, и уже не было плодов ни у сливы, ни у малины. Осенний ветер угонял листья прочь, а приходящий по утру заморозок

серебрил последние морщинистые яблоки. К ноябрю все деревья стояли без плодов и листьев; и лишь на рябине продолжали висеть гроздья – алые как монисто.

В декабре прилетел снегирь – толстенький, веселый. Сел на рябину, клюнул ягодку и раздулся от удовольствия:

– Какое прелестное блюдо!

– Вы думаете? – изумилась рябина.

– Конечно! – воскликнул снегирь и надулся еще больше.

Он всегда надувался, когда был чем-то доволен. – Ничего замечательнее я в жизни не пробовал! Вы чудо!

– Но... разве мои ягоды не горькие?

– Горькие! И очень вкусные! У меня не хватает слов, чтоб выразить свое восхищение... это нечто уникальное, потрясающее! Вы дико прославитесь!

Тот снегирь был великий птичий дегустатор. Узнав от него о рябиновых чудо-ягодах, каждый день к рябине слетались толпы снегирей, синиц и воробышков; все наперебой хвалили рябину и называли ее благодетельницей.

Рябина ничего не понимала. Хотя ей и было очень приятно.

– Каждый понимает сладость по-своему – подумал Кош. – Но все же сладкое любят больше.

Сам Кош так и не попробовал никаких плодов – ни сладких, ни горьких – потому что обычная еда ему давно была не нужна.

Кошу достаточно одной мудрости!

...

В одном из Миров, полном чудес, Кош увидел рыбаков.

Рыбаки, бедные, оборванные, на старой мешковине тащили кучу драгоценностей. Эти драгоценности они очень долго копили.

– Кажется, богатство не дало вам благополучия? – спросил Кош.

– Мы хотим задобрить ужасное, страшное чудище, что живет в морской пучине! – заговорили рыбаки, утирая пот. – Оно великое и бесконечно мощное, но оно позволяет нам существовать! Что мы были бы без его благосклонности! Мы бы просто исчезли с лица земли. А драгоценности – в сущности, пустяк.

– Да, богатство не всегда полезно – сказал Кош. – А в чем заключается мощь вашего чудища?

– Не знаем, ибо нам и без того страшно!

– А есть ли у чудища покровители или сообщники?

– Не знаем, нам и без того жутко!

– А на что оно похоже?

– Не знаем, не знаем – ворчали рыбаки, – ничего не знаем, ибо мы не господа, и зачем нам знать что-то? Знание пугает еще больше.

Кош усмехнулся, и пошел за рыбаками.

Рыбаки шли на берег, где кроме клыкастых скал и камней не было ничего. Это был мертвый берег, даже лишайник нигде не рос.

Возле самой воды крестьяне бросили все добро с такой злостью, будто оно им навредило. После чего, крича перепутанные фразы, поспешили прочь.

Они боялись чудища.

А Кош стал ждать.

Океан смотрел на Коша зеленовато-белесым лицом, и то ли хмурился, то ли вздыхал. Он бросал на ряды скал гроздь влаги. Кош стоял неподалеку, наблюдая за игрою волн, и ему казалось, что эта картина не лишена красоты. Кош ожидал. Соленые брызги долетали до его сапог и весело съезжали вниз как по горке.

...Закипело море. Из бурлящих волн выползло скользкое существо и посмотрело по сторонам.

«Студень, подумал Кош. Размазня.»

У существа было множество лап, выростов, углублений; в одном месте его тело постоянно пульсировало, в других же было твердым. Существо забулькало (в нем перемешивалась морская вода) и говорит:

– Что-то мало мне принесли нынче. Кажется, стали забывать кто я. А тебе что надо здесь?

– Я жду чудовища, чтоб посмотреть – ответил Кош. – Ты не знаешь, когда оно появится, а то я что-то заскучал.

– Не знаю я никаких чудовищ – пробулькало существо, – а ведь мне все море известно. Каждая морская тварь – и маленькая, и большая, – у меня на учете.

– Ты что же, повелитель здешний?

– Я – Спесь! Это мое имя. Ему подвластно все!

– А, понятно, – сказал Кош равнодушно – теперь я знаю, кого тут так боятся. По-видимому, напрасно.

– А тебе разве не страшно? – спросила Спесь.

– Знание не может быть страшно. Оно способно напугать лишь слабые умы.

– А не хочешь ли помереть? Моя сила способна уничтожать! Разорвет в клочья и все знания твои пропали.

– Умирает лишь материя. Мудрость не уничтожается – с сожалением сказал Кош.

– А вот сейчас сам увидишь! – Спесь мигом превратилась в чудище.

– Выразительно, – признал Кош. – Но убить меня тяжело.

Началась схватка. Сжимаясь и разжимаясь, Спесь выбрасывала длинные потоки ярости, желая уничтожить огнем, металлом и страхом. Но огонь, металл и страх не действовали на Коша. Спесь ругалась, била себя по бокам; она призвала пучину морскую и громадный водяной вал обрушился на то место, где был Кош. Качались и стонали мертвые скалы, камни рассыпались в прах. Спесь хохотала. Когда вода схлынула, стало видно, что Кош стоит на прежнем месте и даже не промок.

– Откуда ты приполз?! – вскричала Спесь. В ее голосе слышалась ненависть вперемешку со страхом. – Ты что, Вечный?!

– К сожалению, нет – ответил Кош. – Но я люблю муд-

рость.

Тайным знанием Кош создал себе острый клинок. Тем клинком он рубил Спесь, но ее не убывало. Тело Спеси состояло из диковинного материала, обладавшего способностью воспроизводить себя почти мгновенно. Вместо одной лапы вырастала другая, вместо когтя – два; а головы у Спеси не было.

Кош рубил, рубил и вымотался вконец. А чудовище лишь увеличивалось.

– Что за бестолочь такая, все растет и растет! Не кончается!

Спесь опять захохотала.

Кош подумал и говорит:

– Мне надоело с тобой возиться! К счастью, помимо тебя, я имею множество других дел, о которых стоит поразмыслить.

Он стал думать.

Спесь глядела на Коша.

– Слушай, а ведь ты проиграл!

Кош не ответил и продолжал думать.

Спесь немного поубавилась в размере.

– Знание твое слабо!

Кош думал. Спесь немного съежилась и закричала:

– Ты пустой, презренный порожденец жалких мест Вселенной! Мысль твоя ничтожно сгинет, обратившись пустотой! И никто тебя не вспомнит...

Спесь слабела. Ее тело уменьшалось и уменьшалось.

Кош думал долго. А потом говорит:

– Что-то зря я здесь стою. Никого же нет!

Спесь забулькала, задрожала и уползла крошечным червем в море.

Кош подумал, подумал и пошел обратно.

– Ну как, видел чудище? – спросили его рыбаки – По имени Спесь?

– Видел – сказал Кош. – Весьма внушительное. Но для меня оно не существует.

...

Однажды к Кошу подбежал один старичок, с бородой обернутой вокруг пояса. Старичок был солидного сословия, в мантии, но очень бойкий. Мантия постоянно путалась.

– Кош! – воскликнул он и спрятал руки в бороду. – Кош! Мастерство твое непостижимо. Я помню, я был очень молод, когда ты впервые пришел в наш мир. Я тогда был вместе с приятелями, мы гуляли, весело было, и едва не подрались. Ты тогда казался очень странным. Но, по счастью, была ночь и мы куда-то провалились...

– Так это для вас я так ловко выбрал яму? – сказал Кош. – Извините. Вы не слишком ли ушиблись?

– Нет, совсем чуть-чуть – ответил старичок и почесал спину. Спина была узкая, неровная, вся в буграх и впадинах, потому что в молодости хозяин ее часто дрался и болел, а еще он любил вкушать запретные плоды. Но старичок вспо-

минал не об этом. Он говорит:

– Я тогда был молод, и конечно же, глуп. Однако старшие мудро наставили меня, что не стоит драться с тем, кто мудрее, а надо следить за ним. Следить, подмечать полезное.

Я следил за вами, очень следил, да и увлекся жгучими лучами – о которых вы проповедовали. Те лучи позволяли превращать плоть в пепел. Я познал тайну истребительных лучей; знание это дало мне возможность попасть в наши доблестные войска и в благородном блеске выиграть две войны...

– Да, в тот раз я действительно рассказывал здесь о лучах – ответил Кош. – Но что касается войны, не могу припомнить, чтоб я это проповедовал. Войну вы придумали сами. Ну так что же?

– Воодушевленный ярким примером, – продолжил старик, – я решил продолжить обучение. Я посещал лучшие просветительские залы, и слушал наших мудрецов, говоривших о mnogой мудрости. Я, правда, понимал не все, но понял, что мудрость должна быть деятельной. Мудрость должна работать. Поэтому-то я не бросил занятий военным делом, а наоборот, усилил их, и еще занимался учением о правах. Вы тогда говорили, что у не каждого есть право к существованию...

– Нет, я говорил не так, – возразил Кош, – я говорил, что у каждого существующего объекта есть причина, по которой он существует, но понять ее можно не всегда. Кое-что знать

действительно трудно, а кое-что – и вовсе невозможно. Но едва ли я советовал убивать всех подряд.

– Стало быть, я неверно толковал ваши мысли... Впрочем, страсть к рассуждению и практические занятия, позволили мне – довольно скоро – занять важный пост. Этот пост дает возможность повелевать. Я тут же начал действовать, и признаться, был разочарован подданными...

– Они строили против вас заговоры?

– Да, пришлось казнить; но самое скверное – никто не видел во мне благородства мудрости. Мне отдавали почести, в огромном количестве, и богатство меня не оставляло, и прочие утехи... но я чувствовал, что сие торжество не есть торжество мудрости, а торжество силы. Вероятно, я все же неверно правил... А как верно?

– Не знаю, – сказал Кош – я никогда не правил никем.

– Но вы же Кош!

– Да, я по имени Кош. А другой, положим, по имени Бревно. Ну так что же?

– Но раз вы Кош и собираете мудрость, то... должны все знать! Сумка-то у вас какая...

Сумка из неведомого материала, в которой Кош хранил много знаний, болталась чуть выше колен. Ее лямки оттягивал великий груз мудрости, тянул вниз. Кош постоянно укорачивал их, чтоб сумка была не ниже пояса, но она все равно сползала.

– В этой сумке даже половины нет тех знаний, – сказал

Кош, – что хранятся во Вселенной, в видимой ее части. А что касается невидимой части, так там вообще одни секреты. Вероятно, там и спрятан вопрос о том, как надо правильно управлять. Видите ли, лично мне эти знания были неинтересны, поскольку я не собирался владычествовать. И потом, все зависит от каждого, и зачем мне знать о каждом?

Например, мне совсем неинтересно, что вы кушаете за обедом. А вам?

Старичок заерзал на месте.

– Ох, как бы мне хотелось знать что думают другие, проникать в чужие мысли полезно... Впрочем, наличие власти возмещает незнание... Хотя теперь повелевать самому мне нет нужды. За меня повелевают другие, а я лишь советую. Согласитесь, так спокойнее.

– Ну да, – согласился Кош. – Так вы чего хотели, собственно?

Старик заерзал еще больше.

– Мудрый, о премудрый Кош, меня интересует один вопрос... Скажи, как жить без конца. С некоторого времени во мне поселилась ядовитая ветхость, и чем дальше, тем сильнее эта болезнь...

– Как жить вечно я не знаю, – сказал Кош – но я знаю как не умереть.

– Не умереть?! – вскричал старичок. От возбуждения и радости он подпрыгнул, но, запутавшись в мантии, приземлился очень неловко. Щеки его горели. – Не умереть – это

же то, что мне нужно!! О милый, несравненный, великий, славный Кош, приоткрой завесу тайны, хочешь, я дам тебе за это...

– Нет, мне не нужны ваши вещи – сказал Кош. – Мне от вас вообще ничего не нужно. В сущности, здесь и тайны-то нет никакой. Чтоб не умереть, надо просто себя поддерживать. Поддерживать изнутри.

– А чем именно поддерживать?

– Это зависит от индивидуальных свойств. Одни способны поддерживать себя чисто биологически. Так делает природа. Другим необходима великая мощь, энергия. Но лучше не связываться с ними. Лично меня поддерживает стремление к знанию.

– Но ведь я же всю жизнь собирал мудрость! – воскликнул старичок – я всю жизнь учился воевать, повелевать, оболыщать... Это порой было трудно и даже опасно. Но отчего же – он потрогал свои морщины – вы молоды, а я не молод? Отчего с каждым годом конец все настойчивей стучится в дверь, презирая все накопленные мною знания?! Почему вы – он поглядел на Коша – сохранили тот же вид, что и прежде, а я нет? Может у меня мудрость не та?...

– Дело не в мудрости, – ответил Кош – а во внутреннем состоянии. Это состояние я развил в себе благодаря долгим тренировкам, и теперь оно наполняет меня всего. Оно велит мне стремиться к мудрости, сохранять и преумножать ее... Это состояние выше всех биологических и физических яв-

лений.

– А вот мне... можно не умирать?... – спросил старичок.

– Все зависит от вас – сказал Кош.

– А можно это... купить? Купить внутреннее совершенство? Или средство для него?

– Не знаю, – сказал Кош. – Вероятно, можно. Только знайте, что эликсирами бессмертия торгуют одни лишь шарлатаны.

...

Кош умел видеть то, что не видно было другим; он способен одним лишь взглядом проникать внутрь вещи и рассматривать мельчайшие ее частицы. Про такое говорят «глядит насквозь». Кош действительно мог видеть материю, а вот мысли, их бег и превращение он разглядеть не в состоянии.

Из-за этого он имел множество вопросов.

– И все-таки, если зло существует – а оно, безусловно, существует, – то откуда оно берется? Где запрятан тот тайник, что рождает злые чувства самых разных проявлений? В любом случае, это интересно.

Он анализировал материю слой за слоем, на всех ее уровнях.

На первом, самом простом уровне прыгали мельчайшие частицы материи, а также энергетические волны. Энергия постоянно превращалась в материю и наоборот, и причиной тому были простейшие законы космоса. Кош посмотрел на

первый уровень и не нашел там никаких признаков зла; разве что голова немного закружилась. Частицы бились об затылок.

Кош потерял голову и перенесся на второй уровень материи, молекулярный.

В мире молекул движение было посложней; молекулы не только перемещались, но и конкурировали друг с другом. Там, где гибла одна, сразу же возникала другая, третья; сотни живых цепочек перепутывались, тряслись и умирали от внешних сил; а потом вновь возникали. Вещества, призванные действовать, действовали – пилили все подряд.

Яды встали в боевой порядок и, дрожа, поползли в лицо Кошу. Кош облил их кислотой.

– Зерна зла я уже вижу здесь, но они все неоформленные, бессознательные. Что ж, стоит посмотреть на целые части живого.

Клеточный мир бурлил. Клетки передавали сигналы, донесения, жалобы. Кош стал их расшифровывать, но запутался; сигналов оказалось слишком много, и почти все были очень возбужденного характера. Клетки кричали и ругались, он понимали лишь фрагменты фраз:

– За активную борьбу за нормальные права! Даешь несотрудничество!

– Отвяжитесь от меня!!

– Не будем делиться! Саботаж борьбы с пророчеством! Прекратить специфический синтез!

– Не бу-у-де-ем!

– Разве можно им нам мешать жить?!

– Не позво-о-о-лю!

– А не вспениться ли вам, такая сякая?!

– Все рецепторы с мембран съехали.

– Я тебе покажу, пустожуй!

Кош почувствовали, как его обливают едкой массой, и вовремя выдернул себя из клеточного мира. Так он оказался в Мире обычных существ.

Тамошний властелин имел вредный, недовольный, вечно мнительный характер; он страшно подозревал всех подданных, считал их поголовно убийцами, ворами и предателями. Властелину мерещились страшные цепи заговоров, вырастающие из подземелий, корни, которые ползут далеко и питают неподчинение. Он стал теревить Коша.

– Вот вы – умеете покорять умы других?! Да?! Продайте-ка мне немного этой мудрости! Хочу знать, что про меня всякая чернь рассказывает!

– Мудрость не продается – говорит Кош, – она закреплена внутри. Но вот записки продать можно.

– Так давайте, давайте, давайте!!!

За клубок странной материи властелин получил от Коша грудку запыленных записей. Прочитал их, кое-что понял и стал проникать в сознание подданных.

– Погодите, умы дерзкие, я пойму все ваши планы! Узнаю,

что за ковы вы куете.

Только как властелин ни старался, ничего не мог узнать, ни строчки, ни слова единого не мог он выдернуть из чужого ума. К примеру, видит камергера – чурбан чурбаном, а вид-то надутый – стало быть, знает что-то, прохвост. Что-то замышляет слуга, подлость, хитрость или еще что-то. А что именно – не ясно.

Вызывает властелин Коша.

– Что же это, говорит, такое? Мудрость-то твоя не действует? Не работает?

– Работает, – ответил Кош, – только надо уметь ею пользоваться. Как и любым инструментом.

– Ну, научи меня!

– Не могу, – говорит Кош – я еще и сам полон тяги к учебе.

– Ладно, – проворчал властелин – раз в тебе такая тяга... посиди-ка ты в темнице! Думаешь, ты один такой мудрый? И другие сыщутся.

Согнали властелину на двор множество мудрецов, из разных краев Вселенной; мудрецы и вправду были очень умны, у некоторых были даже вычислительные машины, тоже очень умные. За вознаграждение властелин велел им растолковать секрет Коша. Мудрецы и машины толковали, толковали целых девять дней, а на десятый говорят, что никаких зацепок нет, и для понимания тех записей необходим особый ключ.

А он – у Коша в голове.

Властелин поморщился и велел всех мудрецов взашей прогнать – без награды. Машины он себе оставил.

– Болтуны, болтуны, и ничего больше, могут только языком работать. Бездари. Таких обдалбливать сама судьба велит...

Властелин обожал ложь и всю жизнь всех обманывал. Даже самого себя. Но обманываясь, не добудешь смысл из записей, принесенных Кошем.

Вытолкали Коша снова:

– Ключ покажешь или нет?!

– Зачем показывать, – говорит Кош, – он и так есть у всех. Этот ключ запрятан в сердце. Это, в зависимости от личных свойств, добро или зло, движущее поступками.

– Ну, добра, мне никогда не требовалось – пробормотал властелин, – ибо оно лишь для глупцов и неудачников, а что касается зла... посиди-ка ты опять в темнице.

Коша потащили, а он и говорит:

– Ну что ж, хоть будет время поразмыслить.

– Стой, стой – кричит властелин вдогонку, – а это не вредно –

таким ключом пользоваться?

– Не знаю, – говорит Кош. – Вероятно, нет. Только учти, правитель: добро и зло обладают обратной связью. И порой возвращаются.

– А к бунту это не приведет?

– Нет, не приведет.

Используя свое внутреннее зло, властелин активировал поле, особое поле, которое вдруг возникло, невидимое и плоское, словно полотно, а потом накрыло всю округу. Тайные энергетические нити стали проникать в тела и головы, не повреждая их, но собирая информацию. Властелин узнал все мысли своих подданных, все их чувства и страхи.

– Ну, думает властелин, теперь я развернусь. Довольно я тратился на шпионов, и изнурял себя чтением доносов! Теперь я всех сомну. Закачу такую власть – сами небеса затрясутся!

Властелин стал в спешке ковать цепи нового порядка, чтоб опутать ими мировое пространство. Только не успел.

Не зря Кош говорил, что зло и добро обладают свойством отражаться в сознании, будто в зеркале. Проникающий в умы оставляет в них часть себя, и от этого хозяева умов узнают нечто новое. Властелин проникал и проникал в чужие мысли, и они наполнились злом. А поскольку он имел желание знать все обо всех подданных, то зло во всех и засело. И стало всех терзать, черной невидимой пеленой, цепкой, непонятной.

Каждый испытывал острое чувство недовольства, и никто не мог понять его причины. Наконец один паренек сказал:

– А ведь власть-то у нас плохая...

Все вскочили:

– Власть-власть-власть! Вот что плохо! Злая власть! Оттого покоя нет! Власть-власть-власть! Скинем ее и тогда при-

ятно станет...

И народ забунтовал. Стражи и войска не действовали – ведь владыке очень хотелось знать, что они там про него думают, все эти мастера рубить и резать, и от этого их мысли тоже пропитались злом. Чувством острого недовольства.

– Да какой же он подлец! Да как же мы не разглядели! И зачем еще терпеть! Вперед!

«Вперед! Вперед! Вперед!» гремело по всему свету.

Вышел Кош из темницы (на самом деле, он мог выйти когда угодно, просто ему хотелось подумать в неподвижной обстановке) и увидел, как волокли сброшенного властелина, жалкого, почти раздавленного. Властелин увидел Коша и кричит.

– Да как же это?! Ты ж сказал, что зло невредно!!

– Выходит, я ошибся, – ответил Кош.

– Ты меня обманул!!

– Ну и что? Все равно счет в твою пользу. Ты обманывал всю жизнь, а тебя самого обманули лишь однажды. По-моему, это вовсе необходимо.

Освободившись от властелина, жители принялись решать как жить дальше. Но про Коша они боялись даже заикнуться.

– Он есть нечто сверхъестественное, ниоткуда снизошедшее! И его нельзя тревожить! Нельзя, дабы не произошло новых бед и потрясений...

«Но я же не делаю зла другим! – думал Кош. – Другие сами творят свое зло, а потом страдают. А зачем – не ясно...»

Кош летел между мирами. Скопления пыли и мелких камней бились, терлись друг о друга, попадали в газовые облака. Появлялись спутники, планеты, звезды; они порой мешали друг другу и в борьбе за место в космосе постоянно происходили разрушения. Рушились целые миры и даже скопления миров.

И здесь было зло. И опять – бессознательное. Кош поднялся над мирами и попал на уровень Вселенной.

– Воображаю масштабы здешней драки!

Но к изумлению Коша, на уровне Вселенных было тихо.

Галактики казались просто атомами, которые движутся и дают энергию, и возникают новые галактики – точно так же, как и на первом уровне. И никакого зла не наблюдалось – только превращение.

– Что же получается? Из простейших форм сложилось зло, накопилось, выросло, а потом опять исчезло? Неужели оно просто растеклось по Вселенным, действуя как смазка, как источник превращения? Но этого не может быть! – зло не может быть в основе всего! Так куда оно девалось, а?

Это действительно был вопрос, потому что выше Вселенского уровня Кош не мог подняться. Запрещено было.

...

Мудрость – ее материальное воплощение – Кош хранил в сумке. Эту сумку он соорудил из видимой и невидимой материи, из простых и сложных волокон, и все скрепил энергией.

Сумка получилась крепкая. Но из-за груза информации постоянно сползала вниз, ее ляжки оттягивались и оттягивались. Из-за это она вечно путалась под ногами. Кош даже спотыкался иногда:

– Ах ты мудрость растяжелая! Куда же ты сползаешь!

Кош подтягивал ляжки, укорачивал их, а они все растягивались, снова сумка съезжала ниже пояса. И стучала по ногам.

Однажды Кош попал в бурю – страшный ветер скомкал море, и оно проглотило корабль, где у Коша были какие-то дела. И как назло, опять сумка вокруг ног навертелась, а пока Кош ее раскручивал, его утащило на самое дно, вслед за кораблем. А матросы уцелели.

Опустился Кош на дно, нащупал скользкую почву. Вода опутывала его со всех сторон и давила нещадно, но ведь Кош-то был Кладезь Премудрости. Его не утопишь. Но всплыть ему трудновато.

– Ничего, я сперва пройдусь, посмотрю на здешние правила.

Смотрит Кош – вокруг чудища морские, малые и огромные, ходят, что-то делают, едят друг друга. Все как на простой земле.

Морскими чудищами правили странные создания, похожие на насекомых, только металлические; у них было очень мало ума и крайне много суеверий. Они верили в мистику и колдовство.

Кош тут же стал над этим насмехаться. А ему говорят:

– Смотри, пожалеешь! Или ты не знаешь, что у нас везде проклятие? В каждой капле, в каждой губке. Всю оно проникает. И если выйдешь отсюда – всегда оно с тобой останется. Не видать тебе счастья!

– А что такое счастье? – спросил Кош.

– Когда весело и хорошо!

– Какая жалость, я не помню, когда я веселился в последний раз, – признался Кош, – а хорошо мне бывает лишь от мудрости, которая и так всегда со мною. В чем же тогда ужас вашего проклятия?

Вместо ответа насекомые схватили Коша, зажали – не пошевелишься – и с морским течением перенесли в морской улей. Там было ужасно тесно, грязно, и, несмотря на все это, пахло жженым сахаром.

Кош увидел, что все насекомые облепляют гору с множеством гибких колец. Кольца вздрагивали и выбрасывали желтую муть. Подводный рудник, подумал Кош. Но оказалось, что это не гора, а самое большое насекомое, размеров поистине исполинских, невозможных на воздухе.

Коша стали жалить иглами, а потом говорят:

– Хозяин, вот этот смутьян не верит в проклятие!!

Насекомое-хозяин прошипело:

– Зря. Очень зря-а-а. Проклятие сделает тебе плохо, плохо-о-о...

– А что значит плохо? – спросил Кош.

– Плохо когда нечего есть, е-е-есть...

– Но я давным-давно уже ничего не ем. Очень надо пачкать рот.

– Плохо – когда негде жить, жи-и-ить...

– Так я и так нигде не живу. Зачем мне дом со внутренними пустяками?

– Плохо – когда знаешь, что неизбежно умрешь!

– Ну, я до сих пор не помер, – сказал Кош, – а вы, пищальки, меня вряд ли уничтожите.

Огромная стая бросилась на Коша, а он всех их победил. Всех рассек на части.

– Слушай – говорит насекомое-хозяин. – А где ты держишь свои сведения?

Кош спрятал сумку за спину.

– Мудрость у меня во всем существе.

– Неужто? А говорят, что она лишь в голове. А ни в ногах, ни в прочих местах ее нет! Поглядим.

Кош и моргнуть не успел, как ему голову сорвали. Но она тут же встала обратно. И Кошу – хоть бы что!

– Может, и верно – не в голове мудрость – прошипело насекомое-хозяин. – А ну, порождение мое, проверь. Потревожь-ка мою голову.

Выскочил огромный таракан, с клинком алмазным. Он был ужасного вида и ужасно трусил.

Насекомое-хозяин говорит:

– Ну – чего ждешь? Или хочешь на своей голове прове-

ритель?

Таракан, дрожа всем телом, пополз по вздыхающему брюху, по его твердым и гибким сегментам; между ними были складки, настолько огромные, что скрывали тараканье туловище целиком. Охая, кое-как таракан добрался до головы, поднял клинок – и квэрк!

Голова отлетела. А назад уже не вернулась.

Улей застыл в страхе. Все были уверены, что проклятие вот-вот произойдет.

Насекомое-хозяин остолбенело. Оно было живо, но не могло ничего сказать.

Слуги зашептали:

– Сердится хозяин! Ох как сердится! Нельзя ли голову на место поставить?

Стали они просить Коша, а Кош говорит:

– Ишь вы быстрые какие! Думаете, мне легко дается мудрость? Думаете, легко носить ее в себе? Дайте-ка мне чего-нибудь ценного, и если оно меня удивит, то, возможно, я отыщу способ привертеть вашему повелителю головешку.

Насекомые притащили морской жемчуг – белые горошины на подносе из морской травы.

От жемчуга пахло серой.

Кош говорит:

– Да, такие запахи и впрямь встречаются нечасто. Не нужны мне ваши россыпи жемчужные, оставьте вы их себе, да используйте в хорошем деле.

Но часть жемчужных горошин он положил в карман.

Потом подошел к хозяину насекомых и говорит:

– Живешь? – Так живи!

– А как же голова? – спрашивают его.

– Такая голова назад не приставляется – ответил Кош, – она слишком несовершенна. Все равно ваш хозяин способен лишь на всякие пакости – проклятие сеять, да рождать вас, уродин...

Насекомые затрещали от гнева. Но Кош был уже далеко.

Сумка все тянула Коша вниз, и ему приходилось идти по дну. Это было не очень интересно, но Кош развлекал себя тем, что вспоминал разные курьезы и математические парадоксы.

Идет Кош, идет. А навстречу ему – каракатица. Плышет животом вперед и смотрит вредными глазами.

Кош хотел обойти стороной; но каракатица – нарочно – двинула щупальцами, и наткнулась прямо на него.

– Куда идешь, Ноги?

Всех неводных созданий каракатица называла «ноги».

– Я иду вперед.

– Ты утоп?

– Утопают безголовые. Сама будто не знаешь.

Каракатица цеплялась к нему.

– Коли ты не утоп, так чего идешь по дну?

– Мудрость у меня очень тяжелая.

– А я думала, самое тяжелое – не мудрость, а глупость!

– Да, по всей видимости, раз ты ползешь так низко!

– Злой ты.

– А ты что, добрая?

– Я – великая!

– Дрянь желеобразная! – пробормотал Кош, отплеываясь от морского сора. Кругом было очень мутно, и он не мог многого видеть.

Каракатица плыла не одна – на ней, прицепившись, ехали морские жучки-точки, мелкие, проворные. Едва Кош остановился, как они сразу наползли на его штаны, стали их дрыгать. Жучки-точки имели слабые челюсти и вообще они – ничтожные создания; но все же они прогрызли в кармане Коша дырку, да весь жемчуг из него и вытянули. Горошина за горошиной.

Кош понял: западня! – и хотел каракатицу прикончить; но она выпустила в него черное пятно – ядовитое, и настолько плотное, что совершенно ничего не было видно. Кош махнул рукой, но чернота не уходила; он споткнулся и попал в какую-то яму. Вылезти удалось лишь на четвереньках.

– Желепuzая злит меня напрасно. Нет такой темноты, которую бы не преодолела мудрость...

Тут Кош почувствовал непривычную легкость за спиной. Он посмотрел и увидел – сумки с мудростью нет!

Каракатица стащила, пока он ничего не видел.

Впрочем, вся мудрость осталась вместе с Кошем; но терять ее материальную основу он не собирался:

– Ах ты ведьма морская! Сумка наша дорогая! Целиком исчезла! Я не могу допустить, чтоб такая замечательная вещь досталось подлой твари.

Кош помчался вдогонку. Он прыгал по камням, по острым скалам, попадал внутрь морских течений. Кругом были преграды, не говоря уже о злых чудовищах, которые и существовали лишь ради того, чтоб навредить. Все хотели съесть Коша.

Но Кош был Кош – Кладезь Премудрости! Его не остановят силы природы. Кош бежал вперед. Наконец он увидел огромную впадину; вдоль нее ползали тысячи, миллионы каракатиц, а в самом центре сидела та самая, с его сумкой. И насмеялась.

Кош заметил, что сумка лежит рядом с дырой, из которой выходит подземный газ. Газ струился из недр мира, из подземных залежей, и если сумка упадет туда, то энергия ее смешается с газом и произойдет страшный взрыв. Ищи тогда свою мудрость.

Кош обернулся черным пятном – таким же, как у каракатиц. Он прыгнул внутрь впадины, и каракатицы не заметили ничего странного. Они были очень заняты – обсуждали, как использовать то, что в сумке.

– Накачаюсь мудростью – говорит одна, – отращу щупальца мощные, хлесткие, и начну есть! Все ракушки мои будут!

– Разолью вокруг мудрость – говорит другая, – создам поток, мощный, управляемый, и он принесет мне тьму богат-

ства!

– Когда у меня будет мудрость – пропищала самая мелкая из каракатиц, – я создам великое войско, великое оружие, и покорю весь свет. Все мне будут подчиняться, абсолютно все, даже вы, старые и заслуженные!

Ну, тут все захохотали, запрыгали, зашипели. Каракатица, что украла сумку, вдруг задергалась, задрожала. Наклонилась к сумке, послушала и говорит:

– Чувствую тревогу. Мудрость сердиться. Она не хочет служить всем. Она хочет, чтоб ее отдали самому достойному. Что ж – пусть так будет. А что всего достойнее?

«Ну, сейчас она скажет нечто нелепое» – подумал Кош

– А достойнее всего творчество!

«Умно сказала, странно. Или она уже лазила в сумку?»

– Кто нарисует круг ровный – тот и мудростью овладеет.

Каракатицы стали тучами выпускать из себя чернила, двигать брюхами, чтобы создать изображение круга.

«Каракатицы бездарны, у них не выйдет ничего. Сумка наша. И откуда она только узнала про круг? Образованная бабка. Впрочем, ладно» .

Кош создал немного чернил, обмакнул в нее палец, провел... Но странное дело – палец болтался как вывихнутый; он сгибался и трясся, либо вообще не гнулся. Кош не мог ничего понять. Он совершенно точно представил себе форму идеального круга, но вместо этого изобразил какую-то кляксу. Даже линию замкнуть не удалось.

К счастью, каракатицы тоже не смогли ничего нарисовать. А гигантское облако ядовитых чернил отравило треть океана.

Каракатица наклонилась к сумке, потом произносит:

– Ладно. Круг – это для великих. Для нормальных созданий это слишком много. Сумка просит изобразить квадрат. Кто нарисует, то и получит...

«Ну, ведьма, подумал Кош, уж квадрат-то я точно сделаю».

Стал писать квадрат и опять вышла клякса. Что за напасть!

Другие тоже зря старались. Ползет, ползет чернильная туча, и уже два трети волн испорчены ею. Все живое гибнет.

Каракатица говорит.

– Бедные вы бедные, совсем убогие; впрочем, таких же большинство. Нарисуйте-ка отрезок прямой. А то я мудрость проглочу...

Все зашипели стремительно. Кош хотел уж было рисовать, но тут понял: все равно не удастся. Эта вредная каракатица специально создала наваждение, туман, препятствующий действию. Наваждение проникло в головы и разбило связь идей, запрещая создавать. А раз так, нельзя медлить.

Кош подлетел к каракатице, сшиб ее, схватил сумку:

– В пропасть ваше творчество!

И исчез. Мудрость перебросила его на поверхность воды.

Кош вынырнул и очень долго отплевывался. Потом он ду-

мал, почему не вырвал сумку сразу, а пошел на то глупое состязание, выиграть в котором нельзя было никак. Кош, мудрый Кош не мог этого понять. Он знал, что бывают всякие наваждения, но не привык становиться их жертвой.

– Я все понял – больше всего зла творят способные творить. Творение есть высшая форма действия, и дает наивысшее зло. Понятно. Что за мерзость!

Кош почувствовал, как его сквозь сумку колют. Острые, жгучие иголки.

Каракатица, залезавшая в сумку, конечно же, ничего не поняла в мудрости, но в награду оставила россыпи мелких яиц. Из тех яиц вылупились личинки, и хотя они не могли вырасти, они стали грызть материю. Они кололи Коша сзади. И нельзя было их вытряхнуть, поскольку вместе с ними улетели бы и собрания космических знаний.

– Ничего, – решил Кош – теплый воздух их присмирит.

Он мигнул и оказался в пустыне. Но личинки, острые, злые, продолжали грызть сумку изнутри, совсем не страдая от жара.

– Если жар вас не берет, так поможет холод. В Космос!

Кош полетел вверх – прямо на осколок ледяной кометы.

Мороз был велик. Кош глянул в сумку:

– Как, вы и здесь живы?! Поразительно. Возмутительно!

Даже не знаю что подумать...

Рядом возникло светило. Спалить червей вместе с сумкой? – но это слишком расточительно, и вообще недостойны

эти твари такой чести. Кош думал-думал-думал... Мудрость не давала ответа. Он решил привлечь глупость.

– Ах как жаль, у меня совсем нет глупости! Впрочем, она же есть у других.

Кош ринулся вниз, на первый же населенный мир; увидел первого попавшегося простофилю и говорит строго:

– А ну, милый, скажи что-нибудь!

Тот от удивления заэкал:

– А? э? А что говорить-то?...

– Да что хочешь.

Но тот забыл все слова и мог выдать только:

– Э-э-э-э... трудно что сказать без подготовки, э-э-э...

Кошу это надоело.

– Ну хорошо – скажи, для чего на небе звезды!

– Чтоб их было можно считать – проямлил дурачок.

Кош поймал глупость в сумку и стал трясти; из глупости возникла масса, она ловила личинок, проникала в их тела, становясь чем-то вязким и тягучим. Чем-то таким, отчего им жить нельзя было.

Так Кош, Великий Кладезь Премудрости, победил внутренний вред. Правда, ему потом пришлось долго залатывать сумку. Она совсем износилась.

А дурачка в награду он одарил знаниями. Тот был очень горд, но поскольку не привык соображать, то так и прожил дурачком. Но просвещенным.

Трудно просвещать других, говорит Кош. Ох как трудно.

Бесконечно жить гораздо легче.

...

Последнюю фразу Кош произнес уже в мире Взмокиных.

Взмокины тогда только-только появились, а их будущий руководитель, Взмокин-Делай, был еще совсем молоденький.

У него была куча вопросов, в том числе – существует ли вечность в реальном мире?

Кош говорил:

«Безусловно, Жизнь бесконечна – но только на уровне больших групп, классов или целых систем. Сама система жизни бессмертна, ибо самообновляется, тогда как отдельные ее частицы, миллиарды живых существ, проживут, проживут и исчезнут. Вместо них будут другие, новые.

Так как же сохранить индивидуальность? Мне лично известны три способа. Первый – это биотехногенный путь, совмещение живого и неживого, искусственного. Неживые элементы, встраиваясь в части живого, придают им новые свойства; правда, предмет может быть и целиком искусственным, но если он умеет воспроизводить сам себя, то его можно считать отчасти живущим – с точки зрения сохранения своего образа.

Вероятно, через некоторое время – скажем, спустя миллионы лет – такие существа будут считаться вполне живыми, и никто не вспомнит их «неестественное происхождение»

Это самый простой путь, ибо основан он на удовлетворе-

нии чьих-то потребностей. Природа потребностей различна.

Это может быть и желание развлечений, и желание не умереть. Но это не меняет ее биологической основы.

Второй путь – это биоэнергетический путь, совмещение материального и нематериального. Энергия, наполняющая Космос, до того разнообразна, до того пластична, что с ее помощью можно добиться самых грандиозных успехов – в плане усиления мощи. Многие так и поступают – например, Ничтов, – но в основе своей такой подход дает все же мощь, а не бессмертие. Тут разница принципиальна: мощь может быть безгранично велика, ее замечательные свойства служат обладателю очень долго; но еще не было такого силача, чтоб не имел соперника сильнее. Опыт показывает, что силачей часто побеждают не более сильные, но более... ловкие и изобретательные. Более находчивые, что ли.

Направление, связанное с накоплением мощи, имеет известные пределы – нельзя увеличиваться бесконечно. Никакой объект – будь то дерево или вселенная, не растет бесконечно. Существуют известные пределы роста, но большинство тех, кто выбрал биоэнергетический путь, останавливаются далеко до этого края. Край опасен хотя бы тем, что уже не оставляет пространства для развития. Гигантизм всегда ведет к ограничению. Так, знаменитый Зой (Огненный Скакун) при своих планетарных размерах не умеет даже говорить, хотя, с другой стороны, это не снижает его ценности.

Среди известных мне созданий в области биоэнергетиче-

ского пути наибольшего личного успеха достигли Ничтов и Вор-Юн-Гак; однако вред их деятельности очевиден. Им не достичь той высоты, которую дает третий путь.

Это – путь творчества, идейного созидания. Не являясь Вечным, я все же с полной уверенностью могу сообщить, что истинные произведения творчества (литература, живопись, музыка и т.д.) сохраняются навеки благодаря Красоте, которые они несут, а также Смыслу, который она рождает. Увы, здесь я становлюсь беспомощен и не могу объяснить ничего. Сущность смысла мне ясна, но вот как создавать Красоту, как отличать ее от некрасоты и прочего, что такое надо иметь в голове – это сокрыто тайной. Эта великая тайна будоражит умы многих; в разных мирах «красоту» изобретают ради выгоды, славы и других целей, которыми тешит себя живой ум.

Именно живой – не мертвый. Ум исчезает, но Смысл остается. Парадокс заключается в том, что в процессе творчества конечное производит бесконечное, укрепляя тем самым и свой мир, и потомков своих, и все Сущее, что есть во Вселенных. А, может и вне Вселенных, но здесь я могу только строить догадки.

– Развитие идет без конца, – сказал еще Кош. – Просвещение бессмертно. А из моего рассказа вышла бы неплохая история! Даже книгу можно написать. И вам, и другим она была бы полезна!

– Напишем, обязательно напишем! – обещал Взмокин-Де-лай. – Если только не помрем. А можно ли хранить плоды

растений так, чтоб они вечно не повреждались?

– Этого я, признаться, еще не изучал; впрочем, один храбрец так объелся старых яблок, что с ним стали происходить вещи – совершенно удивительные...

Кош рассказал Взмокин-Делаю множество историй, но Взмокины тогда еще не умели печатать книг. Потом они научились, но из-за всяких приключений многое забыли и на-чисто растеряли записи. Их пришлось воссоздавать по памяти – уже потомкам тех Взмокиных, и потомкам их потомков. Так что Кошу пришлось подождать, пока книга о нем наконец-то вышла. Впрочем, Кош совершенно не обижается – он же Кладезь Премудрости.

ЗЕЛЕНЬКИЙ ВЕТЕР

В нашем (Взмокинском) крае весна наступает не сразу. Сперва она медленно и осторожно проходит там, где снег потоньше, скользит весело по льду, кое-где ломает его или делает узоры из сосулук. Она еще не хочет цвести по-настоящему, она лишь играет с зимой, с морозом. Но приходит час, когда весне надоедает мороз и она принимается бить по его цепям, пока те вконец не обветшают; впрочем, бураны – верные прихвостни стужи, еще долго бродят по округе.

Зимний ветер делает вид что улетел, а на самом деле сидит где-нибудь неподалеку в низине – и ждет. Выскочит, ущипнет за нос, и снова спрячется. Иногда такого нахала приходится чуть ли не взашей выталкивать.

Настоящая весна начинается где-то в середине весны календарной – когда земля уже достаточно оттаяла и способна запустить свое внутреннее движение. Вскоре вся она покрывается юной зеленью. Воздух тоже зеленеет – в нем собрались миллионы крошечных травинок, семян, спор; дыхание весны их разносит во все стороны, отчего даже в пустынях появляются новые краски. Местные обитатели – любители сухой жизни – весьма удивляются зеленой массе. Или не удивляются, а просто едят ее.

Зелень бежит по земле. Но порой ее семена и споры под-

нимаются высоко вверх, до самой границы с космосом. Их толкают скрытые силы Мира, механизм которых никто так до конца и не раскрыл. Вблизи космоса семена пропадают и разрушаются, сгорают, становятся пылью – или их ловит ЗВ. ЗВ – стабильный полевой поток, «зеленый космический ветер».

В спектре этого потока преобладают желтовато-зеленые цвета, поэтому его и называют зеленым. Зеленый Ветер – явление периодическое, но редкое – иногда чуть ли не тысячу лет надо ждать, чтоб увидеть его снова. ЗВ любит жизнь – он собирает частицы будущих растений и несет их за собой в космос, в сторону других миров.

Зеленый Ветер сыпет семена вниз, на известные и неизвестные территории, сыпет все подряд. Что-нибудь да прорастет. Кто-нибудь пробьется. А не прорастет – ЗВ вернется с чем-нибудь еще более новым и опять рассыпет семена живого.

Никогда не угадаешь, что получится из того, что принес зеленый ветер. Горсть ростков упадет в лужу, где нет даже бактерий – и спустя время на ее месте появится густой лес, яркий, душистый. В другом месте – такая же горсть – упадет в искусственный пруд, и на нем вырастет – нет, не лес, а мор – ядовитый мор в форме плесени и или чего-то похожего.

А ведь горсти были одинаковые, и ЗВ никак их не изменял.

Он просто сыпет, сыпет вниз ростки зелени.

Из них появляются новые деревья, кустарники травы. Нередко их называют сорняками.

Не слишком просвещенные существа дергают «сорняки» отовсюду и бранятся.

– Дрянец! Кэшмарнец! Ужасность полнейшая!

– Опять все заросло! Только дергали, и вот – опять! Это нам вредит кто-то!

– Да, вредит. – соглашаются все.

Одна старая старуха предлагает:

– Его надо из пушки расстрелять!

– Кого расстрелять?

– Того, кто эту гадость носит! Это ж горе-то какое – столько палок нам принести! Были б хоть сухие палки, а ведь тут зеленые! Сухие на дрова пустить можно, а эти на что пустишь! Расстройство одно!

– Как ты его расстреляешь? Коли сделать в небе дырку, так и мир развалится!

– Все равно расстрелять – бормочет старуха, рыжая как песок.

Но никто ее уже не слышит.

Кое-что из «сорняков» показалось интересным и не исключено, что в дальнейшем из «сорняка» выйдет нечто потрясающее.

Ругать Зеленый Ветер за вредность – это все равно что ругать звезды за излишний свет.

Однажды ЗВ нашел тропу к миру, полному красных гор,

фиолетовых недр и пурпурных океанов. Там правила могучая сила – Пурпура. Основными ее качествами были чванливость и мстительность. Пурпура не терпела никаких цветов, кроме своего собственного; она еще могла терпеть сходные оттенки, но зеленый или голубой Пурпура уничтожала бесследно. Она крайне берегла себя и свою неприкосновенность, и поэтому каждый день пристально смотрела во все стороны.

Ее взгляд простирался далеко за орбиту пурпурного мира, и мог достигать средне-удаленных галактик. Это нужно было, чтоб атаковать заранее.

Едва увидев ЗВ, Пурпура взбесилась – образующие ее волны затряслись со страшной частотой, так что горы рухнули местами. От убытков она рассердилась еще больше.

Взмахнув крыльями, Пурпура полетела наперерез Ветру.

ЗВ шел, разнося споры над холодными астероидами.

Пурпура едва не сшиблась с ним. Потом заговорила:

– Зачем идешь?!

ЗВ не ответил и продолжал сыпать споры.

– Смотри – только посмей ко мне сунуться! – Пурпура заиграла злобой. – Вмиг разнесу! В момент изничтожу! Или твоя жалкая зелень хочет насладиться страхом? Я предоставлю тебе страх – такой устраю ужас – вмиг развалишься!

Зеленый Ветер, не отвечая, двигался по заданному пути и не похоже было, чтоб он боялся Пурпуры. Обескураженная, Пурпура устраивала в космосе взрывы – такие, что ни одна

планета не устоит. Внезапно она решила, будто Зеленый Ветер надо обмануть или перехитрить. И пустилась на длинные разговоры.

Пурпура говорила всякие разные вещи, а ЗВ шел вперед. Он приблизился к пурпурному миру и обошел его – стороной (вероятно, все же испугался); ни одним пучком не задел пурпурных гор. Но Пурпура была в ярости – «зеленуха грязная ко мне пришла!!», схватила огромный ком энергии – но ЗВ уже пропал. Он шел вперед, не останавливаясь.

В ярости Пурпура гналась за Ветром, теряла, настигала, и теряла вновь. У одной далекой звезды она все-таки догнала его и трясла, трясла, трясла... Ветру-то ничего, но вот семена, что были в нем – все пропали. Рассыпались от колебаний.

Пурпура, торжествуя, сказала:

– Ну, что, взял? Где теперь твоя зелень?

ЗВ не ответил – да и что мог ответить ветер, который никогда не произнес ни слова? Он лишь вздрогнул и улетел.

Довольная, Пурпура поползла обратно. По дороге она вернула к одному знакомому мыслителю – похвастать. Пурпуре необходимо хвастать для усиления собственной значимости.

Мыслитель сидел в управляемом снаряде и наблюдал. У него имелась аппаратура, чтобы обозревать события далеких галактик, видеть все мельчайшие подробности. Он видел почти все, в том числе – многочисленные беспорядки и катастрофы, но предпочитал не вмешиваться.

Пурпура щелкнула мыслительский нос:

– Видал, как я ему дала?

– Ко-му?

– Тому жалкому типу, перемазанному флуоресценцией!

Она зеленого света, на основе примитивнейших молекул, бесконечно жалкая и пустая. И такая нахальная. Я ее всю сожгла.

– За-чем?

– А чтоб ко мне не лезла.

Мыслитель задумался. К нему в голову пришла мысль – очень длинная и сложная, которую он даже не знал как выразить до конца.

– Ну что – достойны мои действия восхищения?

– А? – вздрогнул мыслитель. – а, да... видал, конечно.

Вполне достойны.

– Думаешь, он еще приползет ко мне с претензиями? Стоит ли вообще его опасаться?

– Вот это я не знаю – ибо не могу читать чужих мыслей.

Вероятно, стоит.

Из пурпуры вылетел кулак – прямо мыслителю в затылок.

– Глупец! Да со мной вообще ничто не сравнится! Нет такой вещи, способной меня перестоять! Нет такой силы, способной меня победить! Понял? Вот и не болтай ерунды.

Приползла Пурпура к себе – и остолбенела: ее мир почему-то резко изменился. Все вещи, что были в нем, лежали на прежнем месте – но из пурпурных сделались зелеными. В ле-

сах шумела листва – тоже зеленая. И все было точно так же, как в тех необжитых местах, куда заходил Зеленый Ветер.

Пурпура с горя развалилась.

А мыслитель подумал:

«Как же получается – он ушел, а идеи его остались? Может ли такое быть? Есть ли у ветра идеи? Нет, у ветра нет идей – значит, того, что я видел, быть не может, и значит, и не было его. Все очень просто».

Но еще долго он глядел на пурпурный мир, вмиг позеленевший.

Зеленый Ветер мчится вдаль. Он не знает, что за великая тайная сила движет его полями, он не помнит, не чувствует, не размышляет – он летит, летит вперед, разнося по Вселенной семена новой жизни.

ДОБРЕГОЛЯД УСТОИТ

– Милый, уже десять часов! Пора спать.

– Мам, но я же совершенно не устал! И потом, папа разрешил мне поглядеть кино по девятому каналу. Оно начнется как раз в десять ноль пять.

– Ну, мне кажется, детям вредно смотреть такие вещи.

– Мам, ну что ты выдумываешь все? Там нет ничего такого. Только рыцари и всякие приключения. И еще чуть-чуть убийства.

– Это прелестно! На ночь смотреть про убийства... Нет, милый, это незачем. Это очень вредно.

– Мам, ну какой вред от убийств... в кино? Они же ненастоящие. Наоборот, как раз полезно знать про гадости, чтобы избегать их на самом деле,... да! Мам, я хочу тебе сказать...

Он привел множество доводов, причем очень разумных, но как-то незаметно оказался в постели.

– Спи, мой милый.

«Не буду спать! – подумал сын. – Нарочно не буду!».

Он надулся, но тут же вспомнил нечто интересное и стал фантазировать. Он фантазировал, фантазировал, и не заметил, как из фантазий выросло удивительное, причудливое царство сна...

В кино можно показать многое. А во сне может случиться

все!

Однако начиналась эта история не во сне, а на самом деле, только очень далеко от Земли; далеко настолько, что, пожалуй, это был уже не «наш» Космос, а совсем «чужая» Вселенная. Но в чем-то очень знакомая.

В той Вселенной тоже были планеты, звезды, гигантские скопления пыли и газов; там было много обитаемых миров, и существа, населявшие эти миры, отличались большим разнообразием форм. Почти каждый из этих существ чего-нибудь да боялся, даже владыки – окруженные горой богатств, имевшие огромные армии, – даже они затрясутся в страхе, если рядом с их миром пролетит вихрь, страшный, сокрушительный вихрь. Он идет обычно мимо, но горе, вечное горе тем, на кого он обратит свое внимание! Этот вихрь наполнен огнем, пред которым ничто не устоит, даже зависть.

Вихрей было несколько. Один из них – Вор-Юн-Гак, Подлый, Хитрый Змей. Вот он ползет сквозь Космос – непривычно медленно. И ругается почему зря.

...Вор-Юн-Гак был тогда в очень жалком состоянии. Он едва дотащился до своего царства – мира, где остановилось время, и упал отвесно вниз, прямо на застроенные кварталы. Его сверкающее алмазно-огненное тело превращало металл и камень в пыль; города рушились градом, а их жители застыли в позе раблепной покорности. На все это Вор-Юн-Гак произнес несколько странных слов, что-то вроде «зойто-

мара», а потом медленно-медленно поплыл по воздуху. Очевидно, лететь высоко и быстро он не мог. Хитрый Подлый Змей полз к себе во дворец, натываясь на препятствия в виде домов и скал и сокрушая их со злобой. В сущности, он сам портил свое же имущество. Однако эти мелочи не могли отвлечь Змея от одной, одной-единственной мысли, казавшейся исключительно важной. Важнее даже, чем власть над Вселенной.

Важное – это то, что его победили, победили в первый раз. И не сотрясатель Космоса одолел Вор-Юн-Гака, а два мелких фантазера – Зергер и «ничтожный Взмокин с балалайкой без хвоста». Или не с балалайкой, а с чем-то другим? – Вор-Юн-Гаку все равно; его самолюбие оскорблено и он не может думать ни о чем другом. Как смели эти два слабых, никчемных создания победить его, Великого Вор-Юн-Гака, как они вообще умудрились сотворить такое? Хитрый Подлый Змей не мог поверить, что его громадная, поистине космическая мощь оказалась посрамленной.

– Зойтомара!! Что за гнусная, тягучая, невыносимая мерзость меня окружает!! Меня – с такими – замечательными – возможностями!! Барахло, барахло кругом одно; ничего кроме барахла, и за каким... (Змей выдохнул огонь) вообще тогда стараться?! Если есть такая (огонь), имеющая наглость (огонь, много огня)...вообще!!! Н-е-е-ет, это точно мерзость.

Вор-Юн-Гак валялся на троне, покрытый тьмою меланхо-

лии. Вскоре из пустоты посыпались слуги – разноликие создания; они забегали, запрыгали, завертелись, так что через пять секунд уже нельзя было разобрать ничего, кроме слуг. Змей ругал их разными словами:

– Сборище трепачей! Возникли! Смеете мне говорить! будто я сам не знаю!... Я – великий! А вынужден терпеть такую низость и оскорбление. Что делать? И никто не скажет.

Толпа бурлила и дрожала. Это был длинный-длинный хоровод советников, льстецов, прихвостней, которые изо всех сил старались потешить своего господина. Вор-Юн-Гак, не глядя, бил по ним страшным хвостом, бил наотмашь, с космической силой – слуги разлетались в стороны, а потом прибегали снова – помятые, но целые.

Они давали советы.

– Ваша милость, а вот если мир какой сжечь...

– «Сжечь», «сжечь»!! Скатиться с плеч!!! Вы помешались на костре, советник. К вашему сведению, я уже спалил два десятка никому не нужных миров – и никакого удовольствия. А жечь миры с живыми тварями, с теми, кем можно воспользоваться – я не такой идиот, как Ничтов.

– Ваше великолепие, тише!! Господин Ничтов...

– А что?! – в ярости Вор-Юн-Гак дернулся вверх, едва не врезавшись в потолок. – Что Ничтов?! Что он еще может мне сказать?! Разве он хозяин моей воли?! А раз нет, то не поминайте это филистера...

Хитрый Подлый Змей ядовито глянул на застывшую вмиг

толпу, а потом упал на трон и опять покрылся меланхолией.

Слуги – старые, опытные дельцы – совершенно растерялись.

Змей лежал, вздыхая так, что от вздохов дрожали стены.

Советники молчали понуро. Наконец кто-то произнес:

– Ваша милость, а вот если Гирза-Мара...

– Что – Гирза-Мара?!

– Ну... может, Гирза-Мара их потреплет...

– Думаю, что после тех событий это вредное создание ускользнуло из-под моей власти. Досадно. Тем более что лица с такими способностями попадаются очень редко – даже в течение вечности. Вечность... да, эта физиономия может существовать вечно, если только Космос не перевернется. Зло будет всегда. Думаю, она начнет мстить Зергеру... и его приятелю Взмокину, она создаст им изрядную гадость... через некоторое время. Но я не могу ждать!!! – вскричал Вор-Юн-Гак – Не могу миллион лет ждать того момента, когда идеи Зергера рухнут! Мне нужно победить его сейчас, сейчас, а он недоступен.

К Змею подлетела злая муха-уколь:

– Посмотрите записи, господин, может, в них вы найдете ответ.

– Я уже сто раз глядел! – отмахнулся Вор-Юн-Гак. Однако перед ним тут же возник экран, где видно почти все.

На экране был показан мир из ледяного стекла, запутавший Зергера, его фантазии, потом катастрофа, разрушение

скал и берестон Веди Взмокина.

Вор-Юн-Гак велел подать увеличительный диск – прибор, позволявший видеть не только мельчайшие частицы, но даже некоторые фрагменты энергии. Диск взмыл к экрану и стал медленно-медленно скользить вдоль.

– Это я все видел. Стекла, не убившие Зергера. Жаль. Вор-Юн-Гак уставился на изображение крошечного осколка, в котором играли и переливались голубые волны.

Причудливая игра этих волн рисовала сложные, удивительные композиции.

– Это что за колебания?

От вопроса у Хранителя оптики чуть крышка не свалилась: до того он взволновался. Хранитель был похож на толстый короб с ветками и на шариках; он имел очень мнительный характер и ужас до чего не любил всяких осечек.

– Неизвестно, г-господин; очевидно, ш-шум из К-Космоса.

– Шум не бывает такой частоты! Или бывает?

– Так точно! Не бывает! То есть – бывает! То есть... как вам угодно, о великий...

Хитрый Змей посмотрел на Хранителя желтым пристальным взглядом.

Хранитель тихо булькал – от страха. Но Вор-Юн-Гак смотрел так от не гнева, а от задумчивости. В нем засела едкая мысль.

Вор-Юн-Гак приказал как можно аккуратней извлечь кар-

тины тех причудливых волн и расшифровать.

Расшифровывали очень долго, поскольку оказалось, что те крошечные картинки были закодированы; никто в царстве Вор-Юн-Гака не знал такого языка. Пришлось запускать мощные агрегаты мысли и памяти.

Из них Вор-Юн-Гак узнал, как в стремлении создать великий народ Зергер сотворил новегов, как поругался с ними и как часть новегов успела сбежать от Зергера на межпланетных кораблях.

– Зергер облапошился – с удовлетворением произнес Вор-Юн-Гак. – Этот фантазер придумывает гораздо лучше, чем создает. Впрочем, мне от этого не легче. И потом, это фантазии... да, это одни лишь фантазии. Но – ведь – фантазии – тоже – существуют.

В абсолютной тишине было слышно, как Вор-Юн-Гак выговаривает каждое слово.

– Фантазии. А что, если я их воплощу? Претворю эти жалкие идейки в нечто реальное? В то, что станет бороться с Зергером, если они так его не любят? Заманчиво, очень заманчиво. Думаю, мне стоит этим заняться. Как вы считаете, советник?

Советник номер три закачался палковидным телом:

– Безусловно, можно, о Великий, но ведь фантазии существуют исключительно в Другой Вселенной... А проход туда – это же жутко дорогостоящая вещь, требующая энергии в миллион звезд и даже больше...

– Да, миллион или около того. Хотя, для такого дела можно и раскошелиться. Можно было бы потратить миллион звезд... если бы мы были просто богатенькие дурачки. Но ведь мы не дурачки!

Советник изобразил недоумение.

– Обойти законы Космоса? Но это нереально... мои расчеты показывают, что...

– Я знаю. Ваши расчеты верны для простых летателей. Только это ненужно дорого.

– Не понимаю Вас, Великий.

– Есть пути гораздо более дешевые. Например, сон...

....

Во сне может случиться все, ведь сон – это пространство, где не действуют никакие правила; здесь фантазия пользуется совершеннейшей свободой, свободой придумывать, творить. Чаще всего она придумывает вещи странные и даже глупые – всякие пустяки, над которыми смеются; но порой ее сила позволяет создать сложные композиции – непротиворечивые с точки зрения смысла. И во сне порой случается то, что бывает на самом деле.

Вор-Юн-Гак захотел без разрешения проникнуть в чужие сны. Но сам в каждый сон он, конечно же, не ползет.

Для этого у Вор-Юн-Гака есть много слуг, живых и автоматических. Например, кешеры – разведчики, внешне похожие на птиц. Скорее всего, это и есть птицы, просто способные к дальним перелетам. Изнутри кешеру наполняют ред-

кие материалы искусственного происхождения, передатчики, микросхемы. Но кешера не автомат, поскольку кроме сознания в ней также есть и ощущения.

Когда нет дела, кешеры сидят на своей площадке (это огромное поле, покрытое низенькими неживыми кустиками) и время от времени орут:

– Хочу-хочу-хочу!

– Не хочу! Не хочу!

– Не люблю!

– Ненавижу!

– Выключю-выключю-выключю! (голос у кешер тонкий, трескуче-металлический).

Каждая кешера хочет перекричать всех и от этого стоит треск на весь мир; в домах на окраинах лопаются стекла, стены трещат. Кешерам нечем заняться.

– Хочу! – Не хочу! – Не буду!

– Кончайте орать! – сказал Вор-Юн-Гак. – Есть хорошее занятие. Отправляйтесь-ка вы куда подальше и развесьте уловители смысла. Пусть они ловят энергию снов, пусть они мне проложат – вход – в Другую Вселенную.

Кешеры вновь застрекотали, но Вор-Юн-Гак оборвал их:

– Потом общаться будете.

Слуги Вор-Юн-Гака уже вкачивали в кешер маршруты и направления, огромные наборы информации.

Вор-Юн-Гак подождал, подождал, а потом как гаркнет:

– Дзонг-дарм!!!

Это сигнал запуска.

Стая кешер, переполненных и недополненных информацией, взмыла к небу; через минуту они уже мчались во все стороны космоса, разнося с собой тот самый ветер, от которого на полюсах планет пишутся страшные узоры, а в некрепких умах играет и переливается скорбь.

Так Вор-Юн-Гак, помимо основной цели, развлекает свое самолюбие.

Вслед за кешерами поползли сверкающие автоматы – ретрансляторы, сборщики информации, гибкие, ловкие, но безоружные, и потому способные лишь на вспомогательные функции. Хитрый Подлый Змей нарочно не велел ретрансляторам выполнять активных действий; он вообще не любил особо полагаться на аппаратуру, поскольку она не имеет чувств; а бесчувственных легче переманить на чужую сторону.

В отличие от ретрансляторов, кешерам доступны разные ощущения, в том числе и неприятные. За пределами атмосферы они испытывают некоторую незащищенность, страх и даже слабость. В глазах рябит от ядовитого света; из песчинок звезды становятся шарами, огромными, страшными, потом опять превращаются в песчинки, из которых сложен космос. Красная туманность, синяя туманность, фиолетовая туманность... Бездна. Вселенная тянется без конца. Камни.

Космический огонь. Космический пепел. Но кешера летит; она помнит, что у Вор-Юн-Гака есть особая кнопочка,

активация которой приведет к концу кешерской жизни, а это неприятно.

Изнывая и увертываясь, кешера долетит до дальних звезд, до далеких миров. Там она начнет разведывать. Иногда она опустится на какой-нибудь материк, где ее, быть может, подстрелят; или ее разорвет сдуру какой-нибудь хищник. Разорвет, а потом, наглотавшись странных тканей, сам будет страдать, поскольку материалы кешер очень ядовитые. Кешеры вполне уязвимы, но элементы принуждения (вложенные Вор-Юн-Гаком) предохраняют их стаи от чрезмерных потерь. Хитрый Змей бережет свое добро.

... Кешера по прозвищу Эге повисла над одним миром и висела очень-очень долго, даже соскучилась. Для развлечения она строила рожи и портила мелкие искусственные объекты, проходившие мимо. Один раз ее даже попытались сфотографировать – юрким приборчиком – но кешера вдруг пропала, а потом очень ловко проткнула приборчик сзади, и он распался. Снабжать других сведениями не в интересах Вор-Юн-Гака. Кешера это знала, поэтому оберегала себя в тайне.

Она ждала. Наконец, она заметила, как от мира отделилась маленькая точка, замигала пунктирной линией – то прямой, то искривленной. У точки тоже были крылья, только они не очень слушались. Точка подскочила к кешере.

Кешера говорит:

– Ну – что?

– Вроде есть. Хотя меня там что-то вдарило.

– Балда! – сказала кешера с чувством нескрываемого превосходства. – Не надо клювом щелкать! Полетели?

– Полетели.

Кешера Эге медленно махнула крыльями и полетела от орбиты мира. Рядом мигала та самая точка; вблизи видно было, что она тоже похожа на птицу. Но это уже не кешера, а кешка. Основное отличие кешки от кешеры в том, что кешка не очень хорошо соображает, зато очень ловко трансформируется. Внутреннее устройство кешкиного тела позволяет превращаться в самые разные предметы, соразмерные ей.

Она может быть птицей – а также мышью, яблоком, большим пауком. Превращение это управляется либо самой кешкой, либо внешней средой.

Она может быть даже очень симпатичной, и ни за что не догадаешься о ее вредном деле. Кто заподозрит милую пичужку в связях с Подлым Вор-Юн-Гаком? – никто, если даже ее раскроют, Хитрый Подлый Змей останется скрытым во мраке, насмехаясь; и мало кто угадает его хитрую-хитрую схему.

Эта схема заключается в следующем: например, кто-нибудь спит и во сне видит лес. Снится, будто маленькая птичка, вроде воробушка, прыгает по ветвям и клюет синие плоды. Но пройдет немного времени, посмотришь вновь – а воробушек уже не воробушек, исчез, испарился; вместо него зимородок чешет длинным клювом перья. Все образы

слегка размыты, но можно заметить, что в глазах зимородка мелькают искры.

Мелькают и исчезают; появляются вновь в виде странных орнаментов.

Это смыслоуловительные точки. С этих точек начинается длинный путь, по которому информация, добытая в снах, поступает сперва из Другой Вселенной в Эту Вселенную, ловится ретранслятором, передается в другой ретранслятор, и так далее. Пока информация попадет в логово Вор-Юн-Гаку, она успевает перепутаться с посторонними сведениями, с космическим шумом, искажается, иногда очень сильно.

От этого у Вор-Юн-Гаковых переводчиков сильно гудят слуховые органы. Шум велик. Но и без шума им достаются горы шарад.

Стрдщев-джэвзанг-сеган! – как определить, есть ли тут смысл вообще, и является ли он нужным смыслом? Переводчики страдают. Горы, горы смысловых головоломок сыплются на них из океана сна.

Летающие чашки. Летающие чайники.

Говорящие стены.

Артефакты, возникающие из ниоткуда, ради ничего и используемые никем.

Фантастическая битва – рой космических кораблей, похожих на фрактальные кривые, атакует дома в виде гигантских вешалок, а те отстреливаются. Ужас.

Переводчики, сами похожие на вешалки, тихо ныли и ру-

гались:

– Что за в слабые мозги забираются эти кешки! Это же сплошной дилетантизм! Как вообще можно так думать, и вообще... даже оскорбительно работать с такой ничтожной ерундой!

От обилия невозможного у переводчиков порой сознание отключалось.

– Господин наш велик и бесконечен, но мы уже переработали горы мусора! Смысл отсутствует!

– Так можно искать его вечно! Господин велик, но он заблуждается!

– Сон покрытый ежевикой... бред какой!

– Никакого бреда нет! – заявил Вор-Юн-Гак. Он незримо находился сзади и все слышал. – Вы зря ропщите, премудрые. Это не бред – это поиск. Бред есть только в том, что вы воспринимаете. Но само занятие – полезно, оно отыщет мне – Вор-Юн-Гак оскалил рот, зевая – отыщет мне... голову, сквозь которую возможно добраться до новегов.

– Великий, мы уже осмотрели половину миров Вселенной. Расходы огромны.

– Смотрите дальше. Ищите новегов в снах.

– Но Великий, пока нам попадались только чайники и...

– Смотрите. Поиск долгов, ну и что? Все равно, это дешевле чем энергия миллиона звезд.

Вор-Юн-Гака нельзя переубедить и поэтому кешеры, с кешками под крыльями, продолжали проникать в сны, где

порой мелькали образы Другой Вселенной.

...

Образов было очень много – простых, сложных, рукотворных. Среди них есть и межзвездные аппараты, но разве разберешь их внутреннее строение, и поймешь ли цели тех, кто выбирает курс? Корабли разные; некоторые действительно похожи на столовые приборы, другие – на шары или даже лабиринты.

Кешки много чего насмотрелись. Но никто еще не видел кораблей в виде двух сверкающих конусов – удлиненного спереди и укороченного сзади; корабли излучали голубой огонь, рожденный от аннигиляции, пронзающий ткань пространства.

...Корабли летели вдаль. Внутри находились существа, внешне похожие немного на Отца Смерти Зергера, и очень страдавшие от этого. Хотя именно благодаря Зергеру они возникли впервые.

Новеги – так назвал их Зергер – не любили своего создателя. Зергера ругали изо всех сил, со всех сторон, без остановки, главным образом за то, что Зергер уничтожил всех остальных новегов, забывая при этом, что они сами захотели его уничтожить. Но с Зергером это не так-то просто,

ведь он – Отец Смерти, и потом, он же не создал новегов по-настоящему (ему лишь казалось, что он их создал), Зергер только придумал новегов со всей их жизнью. Это была лишь игра разума, фантазия. Или не только фантазия?

Новеги существовали в Другой Вселенной, по структуре аналогичной той, где были и Зергер, и Вор-Юн-Гак, но отстоящей от нее более чем на бесконечность. Эти Вселенные связаны между собой очень слабой нитью, часто вовсе не материальной, поэтому попасть из одной Вселенной в другую крайне затруднительно. Как подсчитал Советник номер три, для этого нужно потратить миллион звезд. Или два миллиона.

Новеги хотели организовать свой мир, свой собственный, но для этого его нужно сперва обнаружить. Под ними мелькали разные планеты, иногда пригодные, или даже очень пригодные для жизни, но новегам они не нравились. Они хотели отыскать такой мир, что был бы похож на тот, Зергеровский, но действующий не по правилам Зергера. Присутствие Отца Смерти мерещилось им повсюду – они считали, что именно Зергер (!) придумал такое явление, как биологическая смерть, а она встречалась повсеместно.

– Вижу планету, полную зелени; на ней есть и реки, и моря, да и воздух ее не то чтобы очень ядовит...

– «Ядовит»! Вы посмотрите на те скалы! Это вылитое изображение проклятого ведьмара!

Новеги, не зная Зергера по имени, называли его ведьмар – «страшный творец»

– Но они не кажутся рукотворными. Просто горы на ветру.

– Независимо от того, кажутся они или нет, этот мир недостойн нас! Мы должны отыскать нечто совершенно незави-

симое, свободное от злых ведьмарских мыслей, и на нем создать...

– Где же вы найдете такой мир?

– Лучше объездить всю Вселенную, чем связаться с нечистью!

Корабли новегов продолжали идти сквозь невидимую ткань Другой Вселенной.

Путь их был бесконечен, а в основе новегов лежала все же биологическая материя, а не какая-то иная (так задумал Зергер). Новеги старели и даже умирали, но на их месте появлялись новые новеги, второго поколения. Они тоже ненавидели Зергера, но уже не могли явно помнить его действий.

– Что там за мир? Голая скала, покрытая золотом. Изпод золота пробивается газ, драгоценный газ, способный породить волоконные структуры... Но так было в мире, где царствовал ведьмар, и потому неприемлемо для нас. Почему неприемлемо? Потому что так было у ведьмара, а ведьмар привел нас к катастрофе. Будем бдительны, товарищи.

Корабли летели, старея; вот уже третье поколение новегов бродит по борту. И четвертое подрастает. Уже нет никого, кто был в том Мире (что придумал Зергер), и ненависть к нему значительно поутихла. Про него даже перестали вспоминать. Новеги летели, летели вперед, а потом вдруг к ним всем пришла одна мысль:

– Слушайте, а зачем мы так долго движемся? Неужели нельзя остановиться и начать действовать? Давайте же нако-

нец сядем!

– Сядем! – согласились все.

Корабль – ослепительный конусовидный факел – вошел в атмосферу неизвестной планеты. Вслед за ним летел другой, третий. Все они были внушительные, но по спонтанным, неуправляемым вспышкам света можно было заметить, что их ресурс исчерпан. Обшивка изнашивалась, двигатели теряли энергию.

Ландшафт внизу казался гомогенным. Первый корабль подошел к земле почти вплотную, завис над ней; но приземляющие элементы за тысячи лет разучились работать.

Корабль сел прямо на дно.

Дверь, запечатанная вакуумом, не поддавалась и ее пришлось ломать.

– Бедная дверца... столько лет нам помогала, и мы так грубо с ней обошлись – произнес молоденький-молоденький новег. – А место тут не слишком вдохновляющее.

Действительно, вокруг простирались лишь пустыри да степи, ровные, как математические плоскости, или покрытые мелкой рябью холмов и впадин. Но нигде нельзя было обнаружить даже чахлого листочка – только кучи серой пыли, липкой, грязной, покрытой длинными узкими бороздками. Их оставил ветер, или, быть может, живые существа, приспособившиеся обитать в такой среде. Наверное, им приходилось часто чихать. Воздух – и у поверхности земли, и выше – был не слишком чист и малопригоден для вдыхания;

впрочем, новегам вовсе не обязательно дышать. Достаточно просто думать.

Новеги поглядели по сторонам и пришли к выводу, что это мир – не самый удачный.

– Ну да что просто разговаривать? Давайте действовать. Давайте строить, что ли.

– Из чего же тут строить? Даже камня толком нет.

– Ну давайте корабль разберем...

Из кораблей стали выдергивать подходящие детали, и на сохранившихся станках выделять из них нужные элементы.

Тех элементов было очень мало. Новеги говорили:

– Начинаем жить с разрушения... Какое грустное начало! Остается надеяться, что продолжение будет веселее. Если только ведьмар не нагрянет.

Все это – путешествие и приземление новегов – видел мальчик-любитель страшных фильмов. Но никто из кешер не нашел его снов.

...

Кешера Эге с кешкой, похожие на малую и крошечную точки, искали свой ретранслятор, но все безрезультатно; по неясным причинам он как будто растворился в космосе. По дальней связи кешера получила приказ везти информацию своим ходом.

Лететь было очень далеко, и к тому же точка с точкой давно забыли точный маршрут и плелись по самой трудной траектории. Точка-кешка то и дело отставала, и кешере прихо-

дилось ее подгонять:

– Давай, давай! Двигателем работай! Я говорю – двигателем, а не глядельником! У тебя целых два глядельника (глаза) и все без толку! Балда!

– Я устал! – бормотала кешка. – У меня внутри пусто. И потом, по моей голове что-то стучит...

– Не надо было клювом... – начала кешера, но тут и ее сильно стукнуло. Кешка с кешерой попали в космический град, невидимый для их глаз. Град набирал обороты, отчего в кешере все перемешивалось. Она и сама была теперь не прочь «проветриться».

– Ладно. Проветримся в каком-нибудь мире... в мелком, несерьезном мире, недостойном даже мысли нашего Господина. Главное, чтоб давление там не превышало нужной дозы.

Кешка Эге повертела глазом.

– Вон в той стороне... я вижу нечто зеленое. Или голубое. Наверное, там хорошее давление.

Кешка и кешера медленно кружили над планетой – судя по всему, заселенной.

– Что это там внизу? – спросила кешка.

– Я думаю, это заводы по производству огня. Видишь, сколько в них светящихся дырок.

– А вон те погнутые железяки чего на нас пялятся? Они не опасные?

– Не знаю, может, опасные. Я хочу пожрать. Есть тут у них

что?

Кешера села на верхушку высокого цилиндрического изделия, стоящего вертикально. Она стукнула клювом и материал раскрошился – прямо кешере в рот.

– Хорошие кости. Нетвердые.

– А почему они кости?

– В них кальция и фосфора много. А если их много, то значит, это кости.

– А почему они стоят?

– Не знаю; может, кто-то окочурился стоя. Они же тут все, судя по всему, примитивные создания.

Кешка потыкала клювом в костных прах, потом говорит:

– Знаешь, я, кажется, информацию растерял... Меня очень сильно стукнуло. И что теперь будет?

– Ну ты – даешь!! Ищи новую.

– Где?

– Где хочешь; видишь, сколько домов? Подлетай к каждому и слушай. Авось там кто-то спит. Только смотри, не раскрывайся.

– Л-я-я-а-одно... – протянула кешка. – Чего нам раскрываться.

Она полетела, мигая смыслоуловителями.

– Тише ты! Раскроют! – крикнула кешера по связи.

Кешка в ответ:

– Да я тихо... я не умею не мигать.

Кешера продолжила долбить столб:

– Ой, какой кешка дурак. Я с ним пропаду.

Однако опасения были напрасны. Мир запутался во тьме; никто не видел, как мимо кварталов ползет крошечная искра; кешка, вертя ушибленной головой, не особо разбирала, что в нее попадает, и глядела, глядела, глядела.

– Не могу ничто понять, что они тут думают... впрочем, это дело не мое. Пускай мыслители Господина ломают свои головы, а я не хочу!

Кешка сослепу воткнулась в какие-то ветки, в нее заполз жук, который ночи напролет пел серенады возле желтого окошка.

Кешка стала отплевываться и трястись.

– Чего ты в меня лезешь! Уйди, а то я нажалуюся Господину!

Но жук ничего не слышал про Вор-Юн-Гака. Кешке пришлось резко взлететь вверх – шагов на тысячу – чтоб тот наконец успокоился.

Тем временем, кешера уже основательно подточила свою «кость» – столб с проводами и коммуникациями. У кешер клюв жесткий, даже можно сказать, жестокий. Столб не выдержал и повалился набок, увлекая за собой часть аппаратуры. Кешеру вмиг сдуло; с высоты она видела, как стремительно погасли огоньки в окнах – штук сто по крайней мере.

Поняв, что ждать продолжения вредно, кешера скомандовала кешке:

– Кончай глядельником вертеть! Нашел?

– Нашел!

– А что нашел?

– Не знаю; но что-то нашел.

– Ладно, не наше дело разбираться. Слушай, у них тут все гаснет... пора уходить. Уходим!

– Уходим.

Две вредные точки – мелкая и крошечная – взмыли за облака, далеко за их пределы, туда, где уже достать нельзя.

– Я у них что-то сломал. – сказала кешера Эге. – Хоть какое-то развлечение.

– А оне мстить не бу-у-дут? – протянула кешка.

– А как они догадаются? Они ж не знают что это мы; а если даже узнают – то не долетят до Господина; а если долетят – Господин моргнет и они развалятся.

Кешера Эге, как и все кешеры, считала, что ответственность за все несут не исполнители, а их хозяева.

– Мы-то что? Нам сказали, вот мы и летим. Полная определенность.

– Да, это так, – согласилась кешка и блестящими глазенками уставилась вдаль, где среди черноты сверкали огни звезд и далеких миров. В ее глазах тоже сияли огоньки – собиратели ночных фантазий.

...

– Великий, Великий Господин, мы уже истратили кучу энергии... энергии, сопоставимой с тем, что выделяется при взрыве трех-четырех Сверхновых...

– Не вижу проблемы – сказал Вор-Юн-Гак и перевернулся. – Мало ли что приходится тратить в этой пошлой Вселенной – даже по пустякам. А в таком серьезном деле жалеть каких-то три-четыре звезды – просто смешно.

– Да, но не простых, а Сверхновых... Они как сто простых каждая... И это за одну двадцатую одного цикла! При таком чудовищном потреблении уже через 3 двадцатых мы исчерпаем не только текущие доходы, но уже залезем в резервы! А их хватит циклов на пять, не более. Безусловно, это очень много, но следуя Вашему приказу искать вечно, мы...

Дальше говорить было нельзя, потому что страшно стало.

– Слушайте – Вор-Юн-Гак поглядел на своего экономиста, дрожащего стручка – вы так трясетесь над энергией, будто она – ваша, а не моя. Странно. Энергия – МОЯ, расходую ее – Я – по своему разумению. И потом, разве я приказывал искать вечно? Я приказал искать не вечно, а везде, это совсем разные вещи. Ну, что там нашли?

– Все по-прежнему, Господин; никто нигде не видел новеги. Просто беда.

– А вы думали, новеги сами к вам в мозги залезут? Не такие это лица. Тем более что их изобрел бездарный фантазер Зергер. Новеги надо искать, искать долго, пока – не объявятся. Объявятся же они хоть когда-то? Это что там за вой?

– Прибыли кешеры с дальних рубежей. Они хотят употреблять.

– Надавайте им по шее. Пусть сперва кешеры и кешки пе-

рекачают из себя все сведения – без помех, а потом употребляют. Ни слова потерять нельзя. Иногда и одного слова – достаточно.

Кешер – истертых в долгой дороге, злых, – вместе с кешками загоняли по комнатам Анализа, где ловкие автоматы вынимали из них нити приключений, увиденных во сне. Если сведений казалось мало, автоматы, повинувшись приказам операторов, принимались тормошить птиц с ног до головы.

Эге и ее кешку едва не вывернули насквозь.

– Несправедливо! – ворчала Эге – Никакого послабления... А ведь мы дальше всех тащились! Забрались в такую глушь, что... Эй! Что ты там клюешь?

Кешка ответила набитым ртом:

– Я клюю жука, что заполз ко мне внутрь в том мире. Кажется, его можно кушать.

– Балда! – произнесла Эге. – Какая бездарность, эта жучья физиономия! Какая она мелкая! Впрочем, подвинься.

Эге и кешка наполняли свои пустоты.

Между тем, программистам Вор-Юн-Гака, предоставили новый здоровенный ворох информации, информации глупой, странной, невозможной; внутренне вздыхая и жалуясь, они стали ее расшифровывать.

Тени. Тени. Силуэты. Белый свиток без конца.

Вихрь, бегущий по планетам. Треск разбитого кольца.

Ничего, кроме глупых фантазий, не попадало в чужие сны.

Программисты и переводчики смотрели, искали, искали, смотрели, ругались. Ничего. Ничего. Ничего.

Внезапно они обнаружили нечто. Нечто необычное и как будто осмысленное.

...

– Нет, это не дерево. Это пластик!

Молодой парень спрыгнул с белой кучи. Куча была высокая, шагов десять в высоту, и словно покрытая снегом; она состояла из множества переломанных, перекрученных фрагментов и деталей, обветшалых настолько, что нельзя было понять их происхождение. Ясно только, что они не из живой природы. Таких куч вокруг было немало: эти непрочные исполины стоят как памятники угасших народов. С «памятников» слетает «краска» – пыль, похожая на порошок или сухой снег. Но в том снеге нет воды – только шершавые крошки.

– Маловероятно, чтоб растения устояли на таком чахлам субстрате – сказал его товарищ, тоже молодой. – Эта груда ненужных вещей... да, это всего лишь груда мусора. Ты немного ошибся, Юрий.

– Да, моя модель поиска опять дала сбой... Но ведь мы явно наблюдали миграции! – миграции мелких насекомых, направленные именно в этот район, и я решил, что они-то точно отыщут что-нибудь живое. Не станут же насекомые есть песок.

– Конечно не станут. Они же кое-что соображают.

К ним приближался третий товарищ – Аней.

– Онег! Юра! – Я обнаружила нечто извилистое, с овальными выступами...

– Остатки речных камешков?

– Нет, эти штуки слишком неправильной формы. И к тому же, их прицепило к лаве.

– А какой они имели цвет?

Аней подняла к небу глаза – большие, красивые.

– Серые. Серые, слегка зеленеющие по краям... а местами почти черные. Цвета меркнувшего экрана.

– Грибы! – сказал Юрий. – Да это грибы... или плесень. Но это все равно. Анешка, ты молодчина. Надо сходить поближе посмотреть те объекты, вдруг они еще пригодны для использования и в них есть нечто активное, способное к химическим реакциям.

– Химические реакции! – мечтательно произнес Онег – Как я много о них прочел в то незабываемое время, когда мы отважно тряслись в нашем дорогом корабле, который давал нам и дом, и спасение, а теперь пошел на болты. Братцы мои, какие у меня были книги! Впрочем, они и сейчас есть. Какой смысл и блеск содержали их великие строчки... которые теперь кажутся лишь бумагой. Да, мы имеем знания, и в области синтеза тоже. Но где их применить, если ничего нет, ничего, кроме скучного песка? Скучно. Скучно.

Онег продолжал вслух рассуждать, говоря скорее с собой, нежели со своими спутниками; втроем они подошли к ста-

рой плите, на которой сидели крохотные пятнышки – зеленовато-серого цвета.

Их аккуратно сняли световым ножом и поместили в колбу. Всего пять или шесть кусочков, но в них чувствуются свойства, характерные для живого.

На поверхности грибов были разводы, местами напоминавшие буквы или математические символы. Аней сосредоточенно поглядела на них, и на какое-то время символы отразились в ее глазах. Потом они исчезли. Но Юрий все равно продолжал смотреть на Аней, любуясь. Ему нравится глядеть на нее, поскольку она вообще ему нравится – как товарищ.

И всем она нравится, и не только из-за глаз. Хотя, они тоже интересные.

У Аней глаза имеют синий цвет, с мягкими переливами; если приглядеться, в них можно увидеть разные узоры. При взгляде Аней внутри все как-то успокаивается, становится гармоничней. Вероятно, у нее есть некий дар – но его природой пока никто не интересуется.

– Выходит, Юра все-таки верно выбрал район!

– Да, верно, – согласился Онег. – Хотя... если оценить суммарный выход нашей операции – пять суток пути на четыре грамма материала – то полезный эффект представляется немножко слабым.

– Онег, ты слишком придираешься. Важно то, что мы нашли. И не пропали.

– А еще важнее, – подхватил Юрий – не пропасть, пока

будем двигаться назад! Тут такие вредные бури... и еще ты говорил, что транспорт задыхается от пыли. Или уже задохнулся?

– Нет, наш приборчик еще дышит.

Они сели на силлог – аппарат, способный двигаться в шаге от поверхности земли, за счет действия мускульной тяги. Онег проверил передачу, надавил на педали. Педали завертелись,

Юра и Аней тоже принялись давить – двигатель ожил и силлог, кашляя на каждом шаге, понес товарищей вдоль пустынного края.

Новеги – частично от рождения, а частично в ходе обучения – приобретали удивительную возможность преумножать живые субстанции. Чаще всего, это были простые вещества – белки или углеводы. У новегов была передовая технология выделения рабочих белков (ферментов) и их дальнейшего использования. Кроме того, они умели из отдельных элементов создавать целые организмы – по меньшей мере, растительные.

Но для производства нужны материалы, а вот их-то как раз новеги почти не имели. Планета, на которую они сели, была настолько бедна органическим материалом, что даже бактерии здесь редкость. Многих металлов здесь тоже нет – кругом песок, один лишь песок, и мусор, им занесенный.

Новеги создавали разкомы – разведывательные команды, которые должны были изыскивать материал, пригодный для

производства. Одновременно разком проводит научно-исследовательские работы, а еще он имеет воспитательные цели. Молодежь учится взаимодействию, взаимопониманию, приобретает деловые навыки.

Пыль. Туман из пыли. Из-под пневмоколес силлога камешки сыпятся и тоже превращаются в туман, очень щеко-чущий.

– В следующий раз – сказал Юрий, чихая – обязательно захватим очки. Смотреть нельзя.

– Обязательно захватим, – согласился Онег, – ибо это даст нам явные преимущества перед пылью. С какой стати мы должны ею дышать? Это наглость с ее стороны – залезать нам в рот и ... Ну вот, опять.

Онег привык говорить долгими фразами, и поэтому пыль вечно попадала ему в горло, образуя там комочки – мелкие, но противные. Онег то и дело залезал в рот пальцами, чтобы изгнать их. Но комочки были на редкость юркие.

– Безобразие! Отчего вы не вынимаетесь?

Онег боролся с пылью в горле, вертел педали, и кроме того он управлял силлогом, держал курс; поэтому он был слишком увлечен, чтобы смотреть на своих товарищей.

Аней между тем достала из кармана сверток.

– Юр, возьми. Эта оптическая повязка, сквозь нее проходят лучи видимой части спектра. И еще она обладает лечащим действием.

– Спасибо, Аня, да я потерплю.

– Возьми, у тебя уже в глазах дрожание.

– Ты лучше себе оставь. Сама надень.

– Я уже насмотрелась.

Юрий все отнекивался, но Аней сама надела ему повязку.

– Ну как? Удобно?

– Потрясающе! Легко, прохладно, и совсем не щиплет!

И все видно! Анешк, ты молоток! Как это получается?

– Свойства волоконный систем. Приятная вещь, правда? жаль, что ее нельзя раздать товарищам, поскольку нет распоряжения о производстве. И производства тоже нет. Это только опытный образец.

– Ничего, Анешка, не дрейфь! С такими идеями мы... – Юрий вертел головой во все стороны. Повязка защищает от пыли, и сквозь нее все видно. – мы еще далеко уедем. Онег! Не хочешь поносить?

Но Онег, яростно крутя педали, говорил сам с собой.

– Развитие производительных сил основано на труде и умственном подходе. Труд есть преобразование сил и возможностей природы в нечто, что имеет хозяйственную ценность... в соответствие с поставленной задачей. Преобразование природы к лучшему – а равно создание на ее основе нового – есть созидательный акт, от которого порядочным лицам становятся хорошо. Но вокруг нас нет природы! – вернее, она есть, но в настолько жалком состоянии, что работать нельзя. Что же нам, не работать? Нет, что-то здесь нет так. Надо подработать. Надо подумать...

И он продолжал думать, и не замечал того, что зади.

Время от времени Юрий с Аней то зажимали рот ладонью, чтоб не расхохотаться (почему-то Онег казался им слегка смешным, но они не хотели его обидеть), то шепотом переговаривались – о вещах серьезных.

Какие построить дома. Где развести сады и рощи. Какой тип энергии стоит использовать, чтобы действие пошло наилучшим образом.

Как создать новый МИР – если создавать почти что неиз чего. Песок, песок, горы песка кругом, содержащие десятка два элементов. Из них можно создать стекла, полимеры и даже топливо, но из чего создать жизнь?

Экспедиции разкомов уже обследовали большую часть планеты, но мало чего нашли, не считая песка, пустых скал и мусора, очень плохого мусора, наполненного ядом. Мусор покрывала плесень, но и ей, похоже, он не нравился. Неудачный мир попался.

Конечно, новеги имеют особые данные. Большую часть энергии они берут прямо из космоса; сложным образом она превращается в микро-материю и поэтому новеги могут обходиться вообще безо всякой пищи – не вечно, но весьма долго. Простые животные так не умеют, им что-то реальное требуется.

По шуршащей степи Аней, Онег и Юрий ехали почти три дня. Наконец они достигли пункта своего отправления. Это был не город и не деревня, а скорее группа различных стро-

ений посреди пустыря. Все строения сходились в центре, где стояло самое высокое здание, в десять этажей, с неким подобием колонн по фасаду и арочными сводами. Над самым верхним сводом была надпись «Добреголяд».

«Добреголяд» – название одного из кораблей, тех, что доставили новегов сюда. Никто достоверно не знал точный смысл этого слова; наверное, это было очень древнее слово, известное новегам еще до отлета. Теперь же, после многих сотен лет пути, новеги могли лишь догадываться о его значении.

– Добреголяд – значит «побеждающий вечность» – утверждал Асторм, главный специалист в области металлургии. – В этом слове 2 корня, и один из них, несомненно, происходит от слова «голядовь», т.е. вечность.

Но математики и программисты, склонные к анализу, замечали:

– Как это возможно «победить вечность»? Вечность непобедима, ибо она была, есть и будет всегда, и она есть все; вы немного заблуждаетесь. Добреголяд должен означать «проходящий через вечность»

– Еще лучше – проходить сквозь вечность! Как вы себе это представляете... технически?

– Технически это не представляется. Это просто литературный оборот.

Специалисты спорили друг с другом, но это не мешало им заниматься делом. Новеги создавали, только материала было

крайне мало, совершенно недостаточно даже для постройки одного квартала.

А ведь новеги мечтали преобразовать весь мир, наполнить его содержанием.

Аней, которая еще на корабле очень любила читать сказки, сделала предположение, что в деле работы с миром может помочь нечто сверхъестественное. Или, лучше сказать, выходящее за рамки привычного понимания. Что-то вроде творческого вдохновения.

Об этом она говорила, когда ее вместе с другими молодыми новегами отравили просеивать железо- и медь-содержащие породы. Они образуют целую долину, верст триста в диаметре. Металл там был, но в очень малых количествах; чтобы не запускать зря машины, в каждом районе проводили химический анализ пород, выбирать которые приходилось с помощью ручных методов.

Новеги разделяются на мужчин и женщин, между которыми установлено полное равенство. Даже в одежде разницы практически нет – хотя тела внутри имеют гендерные особенности. Но это не мешает женщинам выполнять абсолютно все работы, наряду с мужчинами.

Мужчины перетаскивают большие глыбы, а Аней с подругами – средние. Порода сыпется и выпадает из рук, все приборы, клавиши – тоже в песке.

К концу смены волосы Аней из золотистых стали светло-серыми. Но она этого не заметила, поскольку сразу пошла

на производство оптической аппаратуры, где сейчас работает много старших и руководителей. Там параллельно велась дискуссия о том, что может стать толчком к развитию. С какой области начинать?

Говорили, что надо наладить синтез и супер-синтез, с целью накопления строительных материалов, которые нужны не только для строительства, но и для производства вообще. С другой стороны, надо повсеместно воссоздать нормальную природу. Но для этого нужна грандиозная аппаратура – кста-ти, как и для супер-синтеза, а ее нет даже в проектах.

Аней стала говорить про вдохновение. Надо сперва создать внутри себя способность придумывать, а затем... превратить одни структуры в другие, более сложные.

– Как Вы считаете?

– Ну – так... – сказали руководители.

О том же Аней говорила и со своими товарищами.

– Ты предлагаешь научиться колдовать? Или ты полагаешь, что в основе всех идей должны быть детские сказки?

– Нет, зачем же? Просто надо иначе взглянуть на мир...

– Мы уже столько перепробовали сторон – даже вверх ногами становились, а идей все нет и нет! Начинается же все с идеи. Ну или со знания, но когда его получишь? Полвечности пройдет, пока научишься.

– Да я же говорю вовсе не о колдовстве! Почему меня вечно искажают? Даже обидно.

На самом деле Аней не обижалась на товарищей. Более

того, ей даже неловко было, словно это она кого-то обидела.

Некоторые это любят – когда кто-то очень хороший вынужден перед ними оправдываться.

Над Аней посмеялись – главным образом, подруги. Но потом пришел мастер и велел заняться делом.

– Колдовство оно, не колдовство – все равно ведь у нас нет сейчас таких возможностей. Если б были, тогда да... можно было б развернуться. Давайте стекла шлифовать.

Стекла шлифовали полуавтоматическим путем.

– Мы не станем строить стеклянных миров – говорили новеги, – способных лишь отражать. Мы все прочное сделаем...когда-нибудь.

Дело двигалось небыстро. Однако новеги были уверены, что им удастся воссоздать то величие и сложность, что когда-то украшало их предков и которое разрушил жестокий Зергер. Новегам очень хотелось восстановить утраченное, восстановить в полной мере и даже превзойти. Правда, никто из них не верил, что доживет до этого момента.

У новегов нет выраженных систем власти и управления, нет наследных правителей и постоянных начальников. Организацию деятельности, и трудовой, и общественной, осуществляют советы с выборным руководством. Все советы объединяются в общий народный совет (ОНС).

Чаще всего ОНС обсуждает стратегические вопросы.

Если они связаны с организацией труда, то все решается весьма быстро и разумно. Но по поводу «общих» (т.е. некон-

кретных) вопросов ОНС может заседать подолгу.

– Вчера в ОнеэСе полдня обсуждали проблему внешних врагов. Полдня вели длинные разговоры о том, есть ли внешние враги, нет ли внешних врагов, и как им противостоять.

– Кого они подразумевают под внешними врагами? Метеориты?

– Нет, враждебные цивилизации.

– Но, насколько мне известно, пока наш народ так ни разу и не вступил в контакт ни с одной цивилизацией. Ни во время земного периода, ни во время поиска; надо полагать, никто и не знает о нашем существовании.

– Едва ли не знает; есть же у кого-нибудь из них подходящая аппаратура. С ее помощью они нас обнаружат и могут начать...

– Что начать?

– Предъявлять претензии.

– Но какие у них к нам могут быть претензии? Обижаться можно, если, допустим, обокрали или убили; но ведь мы-то даже ни с кем не общались.

– К сожалению, привязаться можно ко всему. Трудно заподозрить всех обитателей космоса в благородстве!

– Да, трудно; так о чем же ОНС решил?

– В общем-то, ни о чем: сказали, что если на нас нападут, мы будем защищаться. Защищаться героически. Любопытно было бы знать, чем именно? Засыпать их глаза пылью? А если они без глаз, да еще на чем-нибудь таком? Как бороть-

ся-то? У нашего народа была реальная мощь, тогда, на земле, да не пригодилась... Все равно всех разнесли, и даже не ясно как. Говорят, Зергер,... но мне кажется, это все фантазии, и Зергер – не более чем эпический персонаж.

– Так зачем же ОНС заседал, если защищаться нечем?

В любом случае, надо действовать, а не заседать.

– Не знаю. Это все Взор, повелитель аналоговых схем, выдвинул свои соображения. Ему все мерещиться. Нет, конечно, Взор большой специалист, но его разговоры о внешних силах, о новых способностях... сплошные фантазии. Хорошо, что юношество его не очень слушает.

– Да, хорошо; слишком мечтать вредно. Но мне, кажется, Взор... а вот он, кстати.

Навстречу шел новег, среднего роста, худой-худой, но внутри очень крепкий. За плечами болтался рюкзак.

– Взор! Вы опять идете в поход?

– Да, в область 3/6 в районе южного полюса. Нужно отобрать образцы камней для прибора интегрирования – Взор говорил глубоко, словно выдыхал каждое слово. – Есть одна идея...

– А что прибор? Плохо работает?

– Нет, совсем не плохо; он исправно создает длинные полимерные цепи, только это все неинтересно. Надо ведь получить элементы жизни, а они не получаются.

– Так, может, надо вместе пойти? За новыми элементами?

– Боюсь, в значительном количестве их мы там не обна-

ружим – сказа Взор – поэтому я и иду один. Вероятно, там отыщется нечто иное...

– Что?

– Идея.

– А, идея! Это понятно. Ну, успехов Вам.

– Спасибо, и вам также.

По сухой ложбине Взор пошел в сторону южного горизонта.

– Я же говорю – Взор законченный фантазер! Идеи ищет.

Считается, что понятие не существует само по себе в реальном мире – реален только сам объект, или процесс, или явление, которое то понятие отражает. Наука использует цифры и прочие символы для описания всего происходящего, с их помощью создается инструментарий. Без него мыслить о вещах серьезных, тем более – космических. Понятия есть продукт разума, которые... могут стать реальными, если поработать. Любое изобретение начинается с макета, с чертежа, а они в свою очередь есть изображение мысли. Изображение... Т.е. понятие все же можно материализовать. Наверное, да. Ага. Слушайте, да ведь в природе всегда так и происходит, и без всякого разума: в ходе исторического развития постоянно возникают новые объекты и системы, которых раньше не было – не было! – причем возникают они лишь под действием общих законов – которые теоретически тоже могут быть продуктом разума. Что, если все Мироздание появилось благодаря разуму? Это не ис-

ключено; другой вопрос, что одним разумом Мироздание не управляется, это просто очевидно, и кроме того, сколько же надо было думать... миллиарды лет, если не меньше. Наверное, придумать – т.е. нафантазировать – можно все. Мироздание бесконечно, и в нем – тоже возможно все. Любопытно. Неужели можно создать любую логическую схему, которая будет непротиворечивой и правильной... – Взор согнулся, взял с земли причудливую кривую, уж очень причудливую, воткнул в песочную горку и пошел дальше.

Мы приписываем Вселенной свойства собственного ума. Впрочем, а хоть бы и так. Если предположить наличие в Космосе ума, то он будет не пример грандиознее нашего, раз он столько всего произвел. Но разве мы – не можем действовать подобно Космосу?

Вселенная постоянно создает объекты, в том числе – почти из ничего. У нас уже материал есть. Мы могли бы... преобразовывать одни виды материи в другие. Сотворить океан из песка. Сотворить реку, озеро, любой водоем, что там еще бывает. Жизнь создать сложнее. Но едва ли невозможно.

Взор был очень умен, а свои идеи он держал в голове, никогда их не записывал, не печатал, но и не забывал. Он был убежден, что все то, что можно описать логически – все это может существовать. Где-нибудь.

Но он и представить не мог, что все то, что происходит в его мире, может увидеть во все обычный мальчик – любитель страшных фильмов. И что в этот сон влезет светлячок,

посмотрит его, а потом, обратившись в кешку, подгоняемый кешерой, понесет эти картину информацию Вор-Юн-Гаку – который ждет неимоверно.

Нет, мудрый Взор не мог ничего этого представить. Это было бы слишком странно.

Но именно так и произошло.

... кешка Эге валялась на крыше. Здесь огромное помещение, где хранятся бомбы, управляемые огни, молнии и прочие вещи, которые Вор-Юн-Гак любит разбрасывать над не очень нужными мирами. Кешка лежала и охала, переворачивалась то на одно крыло, то на другое, то на спину, изо всех сил стараясь переварить скушанного жука. Обычно она употребляет нечто жидкое или энергообразное. Жук оказался слишком твердым и никак не расщеплялся.

– Противный тип. Изгоню-ка я его, а то плохо.

Кешка уже сделала отчаянную гримасу, когда к ней подскочила кешера.

– Слушай! Там кавардак! Полный штукер! До нас докапываются! Говорят, такое говорят... – кешера зажмурилась – я не понял что говорят, но очень сильно говорят.

– А я что? Я вообще только смотрел...

– А бзик их знает, непонятно; то ли ругаются, то ли не ругаются... Ладно, в случае чего, у нас железное прикрытие – мы ретранслятор не нашли, потому что он накрылся. Ретранслятор помер. Или его сперли. Так что если станут раз-

говаривать, говори, что действовал лишь по схеме.

– Так там что про ретранслятор?...

– Ой, дурак! Я тебе говорю – докапываются, а ты все про ретранслятор! Думать надо! Короче, пошли.

Кешка вздохнула и сползла с крыши вниз. Две точки помчались вверх.

В отделе расшифровки Вор-Юн-Гак, забыв уменьшиться, во все глаза глядел на экраны, пульсировал, замирал, потом резко дергался и громадным хвостом сшибал всех подряд. Переводчики разлетались в стороны, а потом приползали.

– Та-а-а-к – говорит Хитрый Подлый Змей, растягивая каждый звук невообразимо. – Та-а-а-а-ак.

Больше он ничего не говорил.

С потолка на него упал перепуганный Отец Кешер:

– Господин, вот эти... отыскиали.

Кешку и кешеру Эге втиснули прямо в нос Змею.

– Так значит это – вы – принесли эту запись? Замечательно. Просто прекрасно. Место показать можете?

Кешера с кешкой онемели от неожиданности.

– К-к-к-а-а-к-кое место, г-господин? – пролепетал Отец Кешер.

– Ну как? Место, где была сделана запись, именно там есть вход... впрочем, не ваше дело куда... хотя, тут же все мое... вход в одно место. Это место очень важно.

– Господин, встроенная аппаратура автоматически фиксирует район и динамику его перемещения в пространстве –

сказал автомат – предводитель автоматов.

– Замечательно. Замечательно. Я не зря сжег пару сотен звезд, не зря, а? А вы еще спорили, советник.

Хитрый змей в восторге крутанулся, и Советника номер три жестоко примяло.

– Советник! Я говорю, получилось. А вы говорили, что...

Из-под алмазного хвоста раздалось:

– Я всегда говорил, что все идеи ваши гениальны, Господин!

– Да, было б странно, если б вы говорили иначе. Впрочем, – Вор-Юн-Гак застыл – еще рано ликовать. В сущности, мы не то что не победили, мы даже не начали побеждать. Но нашли. Нашли. Нашли. Уже. Это. Хорошо.

Предводитель автоматов прогудел:

– Точные координаты готовы, Господин. Эта область 3/1000/999/86.

– Кажется, мы там еще ни разу не имели дел? – спросил Вор-Юн-Гак.

– Так точно, – сказал Советник номер три, вставая, – еще не имели.

Вор-Юн-Гак изогнулся и опять сшиб советника.

– Ну так поймеем! Приказываю всем кешерам... отправиться в тот район с преобразователями материи. Это нужно чтоб проникнуть в сон. Наполним сперва тот далекий нове-говский мир своими связями, а потом... будем решать. Да. Дайте им (он посмотрел на обоих Эге) чего-нибудь. В награ-

ду.

От восторга кешка уже второй раз подавилась жуком.

...

Хотя Взор и пошел в экспедицию один, он имел контакт с остальными новегами. Более того, он держал связь и с собственной экспериментальной аппаратурой, которая могла вылавливать мысли хозяина своего, Взора, находясь даже на большом расстоянии от него. Это была сложная система, настолько сложная, что даже сам Взор не мог до конца объяснить всех ее принципов; ею двигало не только логика вычислений, но и вдохновение.

На южном полюсе горы песка глядели на впадины, полные застывшей лавы. Словно иглы, из-под земли выступают призматические кристаллы с высоким содержанием кремнезема. Вокруг плещется мусор – противный белый мелкий мусор.

Взор сел и защитись от мусора стеной невидимого поля, стал рассуждать.

Из ничего не происходит ничего. Это понятно. У нас есть кое-что – что не годится для дела. Как превратить ненужное и вредное в полезное?

Энергия! Ключевой вопрос заключается в том, как обуздать хранящуюся в каждом теле энергию, как заставить ее изменять прежние черты и свойства.

Мысль. Нужно представлять то, что мы поистине хотим, и именно это и сотворить. Мы, собственно, представляем. У

нас есть идеи, к счастью, они великие. Их даже можно назвать благородными. У нас есть исходный материал. Из любого предмета, даже ничтожной величины, можно получить большую мощь.

Что же нас останавливает? Ах. У нас нет схемы.

Нужна схема. Схему можно придумать... или позаимствовать. Схему можно украсть, но это не наш метод, и к тому же, рассуждая прагматически, красть сейчас не у кого.

Говорят, в детских сказках представитель могучих сил дарит герою нечто сверхъестественное, помогающее достичь победы. Но кто поверит, что мы герои? И где они, сверхъестественные лица? За сотни лет скитаний мы так и не узнали ни о ком. К тому же, сказки авторы сочиняли...

Зергер. Зергер. Один лишь Зергер, тайный, непонятный образ которого уцелел в нашей памяти, только Зергер что-то мог – очевидно, он мог многое. Те, кто были до нас, его ненавидели. Говорили, что он во всем виноват. Но ведь Зергер создал наш народ?

Взор стоял неподвижно, окруженный невидимым полем, и старался изо всех сил вспомнить Зергера – вспомнить то, чего он никогда не знал.

Зергер что-то мог. Да, он мог многое. Зергер мог бы нас поучить...

Сознание Взора порождало огромные, грандиозные картины, сложные орнаменты красок, событий и смыслов, а мысли бойкие, живые, летели далеко за пределы поля и улав-

ливались аппаратурой. Аппаратура выдавала различные схемы, формулы, изображения.

К ней периодически подходили новеги (хотя бы для того, чтобы не потерять Взора), анализировали его идеи.

– Какие причудливые закорючки он придумывает! Хоть на стенку вешай. Жалко, нет подходящих стен.

Внимательнее всех присматривался математик Альдег.

– Взору удастся создавать вещи совершенно поразительные. Впрочем, они не более чем изображения. А вот эта была бы полезна. Вставить только в мою формулу и тогда...

– Что тогда?

– Помните про управляемый распад? Когда одни элементы превращаются в более простые, и так пока материал не кончится. Мне кажется, закорючка Взора позволит нам управлять этим процессом, и затем уже, энергию распада использовать для синтеза... чего-нибудь.

– Сказки! Ты же знаешь, какая при распаде выделяется энергия. Она всех сожжет. Хотя, в промышленных условиях... Надо подумать.

– Товарищи, зачем думать долго? Надо подать заявку в научно-технологическую часть ОНСа, что ее рассмотрели и определили значимость.

– Да, так и надо сделать.

Новеги, хотя и не очень верили фантазерству Взора, не шутя ухватились за его закорючку (идею). Когда Взор вернулся, технологический корпус (где так или иначе был за-

действован весь народ новегов) уже создал огромный аппарат по управляемому преобразованию материи.

– Дядя Взор! Где вы ходите... – Аней, запыхавшись, забыла про повязку от пыли и терла свои изумительные глаза. – У нас... ой... мероприятие по запуску преобразователя с учетом вашей штуки.

– Это какой именно?

– Того символа, или закорючки... извините, что так ее называю, у нас все ее так называют... В общем, вашу идею.

– А запускали?

– Нет, еще не запускали. Дожидаются Вас.

– Это справедливо – сказал Взор, и полез внутрь прибора. Облазив весь Преобразователь, он потер лицо, потом глаз, потом затылок и сказал:

– Да, в целом, все грамотно. Только в программе управления одна неточность, надо бы ее подправить. Моя идея в изобразительном виде лежит не так.

– Да-а-а? – удивился Альдег и все прочие новеги. – Она же вроде бы симметричная... нет, оказывается не совсем симметричная... Как же ее тогда устанавливать? Всю программу переписывать?

– Нет, ничего переписывать не надо, надо просто мой символ – Взор показал на «закорючку» – переставить вверх ногами.

Закорючку переставили. Преобразователь заработал.

– А когда что-то будет? – спросили новеговские малыши.

– Когда, когда – пробормотал Альдег. Он и сам не знал этого. – Когда программа... раскошегарится.

– И что тогда произойдет?

– По программе часть песка – заложенного внутрь – должна превратиться в воду, а другая – в углерод, или что-то в этом роде. В общем, это будет такая перестройка.

Преобразователь страшно фыркнул. Из его чрева повалил черный дым.

– Горим, что ли? – спросил Юрий. – Так давайте тушить.

– Что-то не совсем горим, скорее, плавимся – Взор принюхался. – Исходящий запах напоминает жженный мусор, но это не мусор. Посмотрите-ка!

Из огромного преобразователя в Юрия вылетело несколько комков величиной с четверть кулака. Комки были черные и липкие.

– Зола! Братцы мои товарищи, это зола! Честное слово, именно так ее и описывают в книгах! Зола от сгоревшего живого, сделанного из... А вокруг нее – вода!

– Потерпи орать, товарищ – сказал Альдег, страшно волнуясь. – Может, это и не вода еще, а еще другая жидкость...

– Какая же еще? Не жжет, не пахнет, не убивает.

– Ну, разные бывают на свете жидкости.

– На анализ их всех!

Новеги всем народом полетели делать химический анализ новой субстанции. Оказалось, там действительно вода.

Восторгу новегов не было предела; ОНС заседал неделю

– без перерыва, ставя одну задачу за другой.

– Преобразование природы... создание водных и земных угодий, работа над ландшафтом... создание растительных форм... сельское хозяйство, промышленность, транспорт, искусство, просвещение...

– А ведь это Взор придумал! – сказал кто-то. – Без его закорючки мы бы, товарищи, сели! А благодаря его фантастике мы... товарищи, правда, товарищ Взор... оказал неоценимую услугу всему... вклад в народное дело бессмертен... все труды признать правильными! Закорючку использовать как символ!

Как Взор не пытался объяснить, что это не закорючка вообще, а «идея», его уже не слушали. Впрочем, Взору и неважно было, как называют идею, однако он спрашивал себя: сам или не сам он ее придумал. Возможно, конечно, что аппарат случайно исказил его исходную мысль и она приобрела вид той самой «закорючки». Но ведь аппарат-то сконструировал он, Взор. Получается, что он автор. А вдруг эта идея возникла, подобно призраку, фантому, дивному образу, летящему извне?

Может, ее создал Зергер? Или те, кто имеет такие же способности? Может, это чистый продукт вдохновения, а оно всегда иррационально? Взор не мог припомнить, как именно он создал свою идею, ставшую основой для той грандиозной и всесторонней деятельности, которая сейчас разворачивалась.

...

Вор-Юн-Гак великий организатор. Он умеет ставить масштабные задачи и умеет – почти всегда – добиваться их исполнения, чего бы это ни стоило тем, кто исполняет. Для войны Хитрый Змей часто привлекает сторонние силы, чтобы сберечь свои собственные; но и им нередко приходится попотеть, всем этим Змеевым прихвостням. Прихвостней у Вор-Юн-Гака много. Эти существа мелких, средних и гигантских размеров изрядно погуляли по Космосу и у них большой опыт. Но им порой не хватает гибкости мышления.

Стая кешер, не встречая препятствий, долетела до мира, где кешка Эге подавилась жуком, и где мальчик видел удивительные сны о новегах, и зависла, попутно увертываясь от пролетающих объектов. Отец Кешер велел всем проникать в сны – с помощью Вор-Юн-Гаковых мыслеуловителей. Но сразу же возникли затруднения.

Первые кешеры пролезли в сон, да так там и остались. Они, конечно, похулиганили немного, но особо развернуться им не дали.

– Мельтешит вредная мелочь. Кажется, их прежде не было. – говорили новеги.

Кешер-неудачников, по всей видимости, перебили. Или переделали. Или они сами стремительно распались. Но их явно распознали в том Мире. В связи с этим Отец Кешер объявил:

– Действуем только скрытно. Чтоб нас не видели. В об-

щем, как и всегда. Проникаем, прячемся... и ждем, когда Господин даст задание.

– Какое задание?

– Это уже не наше дело. Наше дело – выполнять, а не спрашивать.

Оказалось, что проникнуть совсем скрытно не удастся. Тем более что мальчик видел и другие сны, не только о новегах. Вообще тех созданий, придуманных Отцом Смерти, он видел не более пяти раз, и довольно короткое время. Но это неважно. Аппаратам Вор-Юн-Гак достаточно одного мига, одного быстрого, как вспышка мгновения, чтобы установить связь с Другой Вселенной, создать ведущий туда постоянный портал. Это требует затрат, ну так что же. Хитрый Змей не мелочится.

Его прихвосты могут теперь легко проникнуть к новегам. Но им почему-то не удается там удержаться. Кроме того, из-за неумелого управления они стали создавать сбои в самом портале – он не разрушается, но порой забрасывает их не туда.

Кешеры путаются в снах.

– Ой, моя голова шумит! Сейчас лопнет...

– Мой приборец отказал... может даже насовсем. Он не взорвется?

– Взорвется.

– Ой, какой кошмар.

– Я не вижу ничего.

– Я не могу туда войти! Там какой-то заяц ходит!

– Какой еще заяц?! – рассердился Отец Кешер.

– Обычный... с ушами и хвостом.

– Дай поглядеть.

Ворча, Отец Кешер сунул голову в сон. И вот что он увидел:

«Ходил-бродил Заяц – молодой, серый, в лапах – лопух вместо зонтика. Жара, духота, мошки в нос лезут, вот Заяц и притомился. Дошел до речки, видит – по реке корабль плывет. Сам берестяной, парус льняной, плетеный; командир там Гусь, боцман – Бобр, а на руле Хомяк стоит – пыхтит.

– Здорово, пехота! – сказал Гусь.

– Привет, флотилия, – сказал Заяц. – А что, разве не жарко вам?

– Не, – отвечает Бобр, – не жарко. Нас ветром обдувает. Не иначе как на курорте.

Зайцу хочется на курорт. Он и говорит:

– А не возьмете ли вы и меня в команду покататься? Хотя б даже юнгой.

– Юнга нам особо не требуется, – сказал Гусь. – Видишь, какая у нас планировка? – сплошной минимализм. А впрочем, садись, если хочешь.

Сел Заяц на корабль – поплыли. Час прошел, два – тихо плывут.

– Уж больно медленно мы едем. – заметил Заяц.

– А это мы в узком месте пока, – говорит Бобр – вот выйдем на широкую воду, тогда веселей будет.

Вышел корабль на широкую воду. Глазами двух берегов не увидеть – кругом рябистая гладь. А кое-где уже не гладь – пороги да скалы.

Вдруг корабль словно какая-то сила подхватила и понесла. Несет, несет, свернуть не дает.

У Зайца даже дух захватило – до того быстро едут.

– Не иначе как мы в стремнину попали – говорит Бобр. – Надо бы из нее выйти. А то затащит нас прямо на камни и разнесет вдребезги.

– Батюшки! – испугался Заяц. – Да неужто вдребезги?

– А как же, – говорит Бобр – обязательно вдребезги. Если зевать будем.

Гусь команды подает, Бобр парусом управляет, Хомяк у руля пыхтит. Заяц воду уговаривает:

– Речка, милая, не гони нас! Водичка, хорошая, не топи нас! Ну что тебе за радость, если мы потонем?

Выкрутили – вышли из стремнины, обошли камни и пороги. Плывут, разговаривают.

– Куда это солнце подевалось? – спрашивает Заяц.

– А это туча – говорит Бобр, – туча пришла, солнце и накрыла. Видишь, какая черная? Не иначе как буря будет.

И правда – налетела буря, злая, страшная. Свищет, дождем поливает. Стало кораблик волнами кидать – то в одну сторону, то в другую, то вниз, то вверх. Парус льняной вет-

ром сорвало; принялся Гусь его ловить, да головой о стенгу и стукнулся.

– Ох, говорит, не было еще у меня такого шторма.

Парус змеей мачту обвил. Все снасти порвались. Принялся Бобр их связывать и Заяц крикнул, что тоже связывал – без снастей да без паруса кораблю гибель. А Заяц-то под лопухом дрожит – страшно ему и от волн, и от ветра, и от темноты, да еще оглох, бедный. Однако вылез – стал снасти вязать. Вяжет, вяжет – концы расходятся и расходятся. Кое-как все-таки перекрутил их. Бобр говорит:

– Это тебе не морковь по телеку смотреть.

А Хомяк ничего – знай пыхтит себе у руля.

Поставили Гусь и Бобр снасти, выпрямили парус. А тут и шторм затих.

Обрадовались все – на палубе развалились.

– От таких поездок облысеешь раньше времени, – сказал Гусь.

Вдруг Заяц заметил, что у него хвостик мокнет. Обернулся – а на том месте, где он сидел, возникла целая лужа.

– Это что же – дождем столько накапало?

– Не, – говорит Бобр – не дождем. Это из реки вода. Видно, в днище течь. Не иначе как тонем мы.

– Караул! – завопил Заяц – Погибаем!

Гусь говорит:

– Да, по всей видимости, умираем. А что, на горизонте ничего подходящего нет? Надо бы подсмолиться.

Бобр отвечает:

– Справа по борту вижу бор. Сосен штук двести.

– Отлично, – говорит Гусь – берите правее, мы там пришвартуемся и просмолимся. Вода-то скоро прибывает? Скоро! Ну ничего, мы еще скорее дойдем. Поспеем на берег, пока корабль не потонет. Хотя, может, и не успеем.

– Обнадежили! – говорит Заяц.

А Хомяк на корме ничего – знай пыхтит и рулем двигает. Дошли они до бора, корабль на берег вытащили. Надрезали у сосен кору, стали смолой дно кораблю смазывать.

Заяц мазал-мазал, да весь измазался. Да еще шишка ему на спину приклеилась и не отдирается никак.

– Вот, – говорит Заяц – наказание какое на корабле ходить! А ты говоришь – «курорт»!

– А что, – говорит Бобр, – чем не курорт? Чистый курорт. Это ты просто в море не плавал. Вот там действительно лихо бывает. А тут что – развлечение сплошное.»

К Вор-Юн-Гаку слетелись толпы делегатов – сообщить о серьезных затруднениях.

– Слушайте, – сказал Вор-Юн-Гак, – мне странно слышать эти ваши разговоры о зайцах. Смешно даже. Я не понимаю, за каким... – Змей страшно изогнулся – вы тычете мне в нос вашим зайцем, если я дал приказ – проникнуть в мир новегов! Проникнуть, а не трепаться! Аппаратура у вас есть. Поняли?

– Поняли, – понуро пропищали делегаты.

– Ну так идите, и скажите всем, чтоб проникали! Нашли оправдание – зайцы какие-то. Зайцы нам не помогут.

«Точно, не помогут» – горестно думал Отец Кешер и пытался уже самостоятельно ввинтиться в мир новегов, мир, доступный лишь во сне. Ему удавалось достичь их планеты, посидеть чуть-чуть в атмосфере – а потом его словно выталкивало обратно.

– Проклятие! Хуже чем в воде, чтоб я сгорел, – бормотал предводитель кешер, весь помятый.

Другие кешеры тоже были помятые; среди них особенно выделялась кешера Эге, которая ходила с гордо изогнутой шеей.

– А ведь это я сюда долетел! Я новегов нашел!

– Мы нашли! – поддакивала кешка Эге.

– Я нашел, и потому... господин позволяет мне не слишком напрягаться. Не до смерти.

Остальные кешеры жутко завидовали этой Эге. Везет же некоторым.

Они все проникали и проникали, и чаще всего пропадали. Их ликвидировали волны новегов. Кое-кому удавалось задержаться – в районе электромагнитных аномалий, откуда в форме длинных многоточий несло:

– Висим... повторяю... висим... условия тяжелые... ни врагов, ни зверей нет... слабых существ нет... кошмарные условия... несем потери... висим...

Кешерам нужно было выработать в себе особые свойства,

чтоб надолго задержаться в новеговском мире, а иначе было невозможно. Их сжигали невидимые лучи и волны, портили стремительные аппараты, которых становилось все больше и больше. Понадобилось целая сотня местных лет, чтобы кешеры – маленькая кучка птах – закрепились над пустыней.

Они летали и передавали.

– Наблюдаем перемещение больших масс песка в сторону объекта... наблюдаем превращение... голова гудит...

– Что они там строят?

– Бзик их знает, что-то строят.

Новеги строили город – настоящий город, и даже несколько городов.

Идея, рожденная Взором, развилась в грандиозную систему, в комплекс систем, позволявших решать проблемы производства, строительства, энергетики, а также культуры и просвещения. Будто из ничего рождались новые заводы, дома, школы. Только медицинских учреждений не было, потому что никто из новегов никогда ничем не болел.

Кешеры крутились еще сотню лет. После значительных потерь им все же удалось сформировать единый строй, частично защищенный магнитной маскировкой, из-под которой они, робея, глядели вниз.

Город новегов преобразовывал природу. Не так, как это случается на других планетах – потребительски, когда из земли выкачивают все, взамен оставляя лишь мусор. Города рождались в гармонии с природой, с ее творениями; фак-

тически, каждый город создавал свой оригинальный ландшафт, свое сочетание воды, рельефа и растений на нем. Но вегам удавалось создавать новых живых существ.

– Это грызун – говорила Аней – мне все руки исцарапал. Он какой-то слишком юркий. Но это даже хорошо, ведь если б он был толстый и неповоротливый, то его могут сразу скушать...

– Осторожнее, товарищ командир, он тут лужу произвел; Вы в нее уже наступили, ну ладно, я вас обоих – вззт! – разумный аппарат обдает Аней и грызуна специальной волной, от которой вся грязь отпадает.

– Спасибо, мой милый.

– Не понял. Что значит «милый»?

– Милый значит хороший.

– А, хороший! Это хорошо – аппарат лишь недавно запустили и многих слов он не знает. – Хорошо когда хорошо. Тут еще лежит нечто постороннее, я его – вззт! – уберу.

Кешеры сверху глядели на него и на прочие аппараты и внутренне признавались, что они не хуже тех, вор-юн-гаковых. Но сказать это вслух они не смогли бы даже под страшной пыткой.

– Не хватало еще – хвалить чужое! Господин наш этого не любит.

Кешеры висели, висели, и, в сущности, ничего не могли поделывать. Как они, мелкие летучие создания, могут повлиять на развитие народа?

Они ждали еще несколько лет, не получая никаких приказов.

Лишь после этого Отцу Кешеру пришла тайная депеша:
«Начать совращать новегов. В.В.»

В.В. означало «Великий Вор-Юн-Гак»

Отец Кешер сообщил:

«Понял Вас. Господин. А как это. Совращать?»

В ответ пришло разъяснение:

«Вы не идиоты, кажется? Воспитывать в них ненависть к Зергеру!»

Вор-Юн-Гак вообразил, что новеги обязательно захотят уничтожить своего создателя, как только напитаются ядом внутреннего ожесточения. И когда оно достигнет нужного предела, ликвидация Отца Смерти будет лишь вопросом времени.

– Да, у нас есть время, чтоб склонить их. Надо чтоб они очень ненавидели Зергера. Нет сильнее чувства ненависти!

Это Хитрый Подлый Змей знал по себе.

Через кешер внутри аппаратов новегов происходило вбрасывание информации о том, что Зергер есть зло. И в борьбе со злом нужно уничтожить Зергера.

Кешеры старались втиснуть эти слова во все щели, во все информационные потоки, не стесняясь в выражениях и широко используя помощь кешек. Те были способны проникнуть в любую дыру. Иногда кешки принимали вид путников с других планет.

Бурное выдалось время.

Кто-то залетал в пустыню, разбрасывал там напечатанную информацию, а потом долго-долго ждал, когда ее наконец отыщут. Пропаганда – в виде плакатов, открыток, прокламаций – годами лежала без внимания, разрушаемая дождем, иногда на нее все же натыкался какой-нибудь новег-исследователь (физик или биолог), однако все понимал не так.

– Просто удивительно, как много глупости было на планете до нашего появления. Мы наводим порядок десятки лет, а мусор все не кончается.

Кешки, вертевшиеся под облаками, с удивлением смотрели, как новеги сжигают их пропаганду. Кешеры били кешек клювами – за нерасторопность; кешер клевали старшие кешеры, а их в свою очередь – сам предводитель Отец Кешер, который в резкой форме приказывал найти иные способы внедрения информации.

Кое-кто лез внутрь новеговских машин – но машины чаще ломались, чем печатали то, что надо. Новеги производили ремонт, и вся кешкина информация исчезала.

Некоторые просто сидели на ветке, произнося вслух всякие беспомощно-глупые вещи – так казалось новегам; кешки и кешеры, хотя и проникли в новеговский язык, но так и не научились говорить на нем четко, ясно и убедительно. Чаще всего получалось нечто вроде:

– Траг-вас-братъ-всещ-дур-ел! Вы-так... Еще раз говорю, что вы-так, вы-мак, вы-л, вы-м... – эту белиберду никто не

воспринимал даже как птичье пение и никто не слушал кешкины слова.

Обширная группа кешек сумела проникнуть в самый центр новеговского мира, изображая из себя «группу галактических живописцев». Удивительно, но новеги сразу выделили им зал в доме творчества. Там кешки, хихикая, очень резво развесили свою пропаганду – в форме картин; по расчету Отца Кешера, новеги, склонные к творчеству, должны бессознательно проникнуть всем этим «творчеством» и тем самым бессознательно воспринять нужные мысли.

– До чего же гадкие образы! Смотреть нельзя. – произнесла Аней и с возмущением отвернулась от полотна, где на фоне дикого, неестественного сочетания клякс и линий чернел чей-то силуэт. На другом полотне была изображена неприкрытая пошлость. – Для чего вы вообще показываете эти... изображения?

Шестиглазый вебрь (на самом деле – переодетая дюжина кешек) запыхтел на месте как котел. Он стал придумывать оправдание.

– То есть не ужас, пых-ю-ю-ю... то есть искусство.

– Где же здесь искусство? Нагромождение символов?

Вебрь поглядел на полотно с пошлостью и замычал:

– Пых-ю-ю-ю... ... здесь написано... записано (кешка вдруг потеряла запись с текстом и не могла ничего сказать. Потом вновь заговорила)... ага, записано: сие да есть порождение Зергера. Зергер рождает сей разврат, потому что он

ужасен, и...и...и... (снова потеря текста)

Тут подошел Онег, который уже был руководителем научного отдела синтеза.

– Вы кое-что путаете. Зергер есть явление... эпическое. Он герой мифов и преданий. А ваш разврат самый настоящий. Без смысла и красоты.

– Да есть тут смысл, – простодушно сказал вепрь-кешка, – просто его найти надо...

– Где? В этом лабиринте?

– А у меня – вмешался один взрослый новег – помимо места для смысла, есть и другой вопрос. Как вообще могло прийти в голову демонстрировать эти отвратительные вещи? Не хватало еще допустить сюда детишек... наблюдать всю эту гадость. А, товарищи? Зачем мы это смотрим?!

– В самом деле, – согласились все новеги – для чего мы допустили эту экспозицию? Это же безобразие!

– Совсем заработались в ОНСе по творчеству! Не видят ничего.

– А мне кажется, – Взор приблизился к вепрю, – а мне представляется, товарищи, что эти деятели прибыли сюда не ради творчества.

– Так он что, провокатор?

Кешера Эге, бывшая в зале невидимкой, в тот же миг улетучилась. Исчезла.

Взор стукнул вепря в нос:

– Признавайтесь, кто вы есть... товарищи, держите

Остальных.

Группа художников – вепрей и прочих, с воем бросилась на выход, но их всех стали ловить. Того вепря тоже обездвигили; правда, в кешке, отвечавшей за связь, вдруг сработал тайный орган; тот орган был неизвестен ей самой и запустил самоликвидацию (обычная практика Вор-Юн-Гака). Раздался хлопок...

Новеги устояли на ногах; огонь вырвался из-под кешкиной оболочки, но не смог далеко уйти и захватил лишь одну комнату. В нем сгорели все «произведения живописцев».

– Товарищи, надо внимательнее общаться с открытым Космосом. – произнес Взор. – Вероятно, нужно сократить наше великодушие... Зачем так уважительно относиться ко всем подряд? Это совсем ненужное занятие.

Но с ним стали спорить.

– А как же доктрина просвещения? Доктрина является основой; в соответствии с нею, нашей главной целью распространение прогрессивных идей за пределы нашего мира ради торжества всего прекрасного...

– Но ведь хорошие идеи нельзя раздавать кому попало! – сказал Взор – Надо же смотреть прежде, что они за лица – те, с кем мы взаимодействуем...

– Вы немного засиделись на старых догмах, Взор. Настоящее их давно превзошло.

– Да. С вашим представлением мы бы не запустили даже спутников в другие миры. А мы запустили уже три тысячи и

нет причин останавливаться. Взаимодействие с другими областями Космоса дает нам новый материал для новых работ. Вы же, кажется, не против нового?

Взор подумал, что его мысль трактуют неправильно, но не стал спорить.

Взрослые новеги имели четкие убеждения, но молодым еще не все было ясно. Онег, который испытывал большое влияние со стороны Взора (со стороны его научных идей), утверждал, что необходим скрытый контроль за малознакомыми существами, особенно если они явно прибыли из других Миров. По его мнению, доктрина просвещения хоть и является стимулом к развитию, но ее необязательно использовать везде, в первую очередь, с точки зрения безопасности.

Никто же не бегаёт каждый день рассказывать о своих достижениях Космосу.

– Без доктрины нельзя – возражали ему. – Это же часть общей идеи.

Новеги считали, чтоб без твердых, высоких идей, их общество просто не сможет существовать.

.....

Прошло уже невесть сколько новеговских лет, но вот на очередной доклад к Хитрому Змею прилетели не делегаты-кешеры, а сам Отец Кешер, крайне потрепанный. Он всю дорогу летел с открытым клювом, никак не мог его захлопнуть. Вероятно, переклинило. Только в мире Вор-Юн-Гака клюв начал еле двигаться.

– Господин Великий! У меня к Вам сообщение... в общем, мы сделали все, как Вы велели. Вбрасывали, вбрасывали, вбрасывали... информацию о том, что Зергер – вредный... В общем, энергия, данная Вами, почти иссякла... Великий Господин, я хотел Вам сообщить... Новеги не хотят воевать против Зергера!

Вор-Юн-Гак чуть не перевернулся:

– То есть как это «не хотят»? Они там что, обалдели, или вообще... тебя камнем, случайно, не стукнуло?

– Нет, Великий, камнем не стукнуло. Стукнуло гвоздем. Там сплошной кошмар. Они, новеги, организовали собрание или съезд или сми... – Отец Кешер закашлялся – смипозиум... что-то в общем, организовали, и на нем решили что Зергер – герой сказаний, а на сказки нельзя обижаться, потому что они сказки... кроме того, нашлись философы какие-то, говорили, что Зергер создал всю их сущность... И что народную идеологию нельзя строить на ненависти!

– Да??!! – Змей опять перевернулся – А на чем тогда они хотят – возвести фундамент своего самосознания? Неужели на любви к еде?

– Нет. Они все болтают про доброту. И еще им нравится созидание...

Хитрый Подлый Змей стал думать – злобно:

«Проклятье! Созидание – это же зергеровы мысли... новеги дошли до них своим умом!!! Чтоб я пропал, надо действовать немедленно. Я научу этих типов разделять мои

ВЗГЛЯДЫ»

Вслух он произнес.

– Обрушьте-ка на них бурю. Космическую.

Отец Кешер стал мяться:

– Бурю? А какую? С водой или без воды?... Если с водой, то разрушений больше, но надо очень напрячься... Наши крылья так устали, что можно помереть ...

– Только Я здесь решаю, кто помрет, а кто нет! – глаза Вор-Юн-Гака побелели – Не берите на себя лишнее, Отец Кешер. Если вашим леталкам не хватает корма, так вот вам – огонек.

Вор-Юн-Гак презрительно сморщился и выбросил клубок энергетической мощи, шагов сорок в диаметре. Из клубка вылетали всполохи, готовые прожечь насквозь, но Отец Кешер лишь благодарно кивал.

– Накачайтесь огоньком. А потом. Сделайте что-нибудь удивительное. Что-то грандиозное, чтоб не думали! Вор-Юн-Гак всегда грандиозен.

Он мигнул, и Отец Кешер укатился наружу – на «взлетное поле» с мертвыми кустами.

К энергетическому шару со всех сторон слетались кешеры, жаждающие глотка мощи; они клевали энергию столь усердно, что Отцу Кешеру приходилось даже давить их когтями.

– Куда лезете, хапуги, я еще не употребил!!

Вор-Юн-Гак задумал вещь подлую – и вместе с тем очень

хитрую. Он решил устроить в мире новегов катаклизм всеобщего масштаба с тем, чтобы уничтожить наиболее смелых и сильных. А оставшихся более слабых спасти – в нужный момент – чтоб они уверовали в него, как в благодетеля; а затем уже подчинить их своей воле...

– Двести зон наводнений. Пятьсот зон постоянных толчков. А во всех других местах будут вечные грозы. Нужно мне для этого, для этого мне нужно – Хитрый Змей состроил гримасу, глядя на выведенные числа. – Что-то слишком много – для таких ничтожеств. Ах, в больших делах нельзя мелочиться. Ведь я собираюсь стать их идейным повелителем... А какие образы они любят?

Но кешеры этого не знали.

Хитрый Подлый Змей весьма точно оценил размер новеговского мира и масштабы нужных катастроф. Он все очень точно рассчитал, кроме одного: он недооценил новегов как народ. Вор-Юн-Гак был уверен, что новеги – лишь собрание индивидуальностей. Так было повсеместно, так было и среди его прихвостней, даже среди тех, что действовали стаями.

Стая кешер, закрывавшая собой небо, могла подглядывать и летать в разные стороны, могла даже убивать в больших масштабах. Однако кешеры не имели явного опыта борьбы с народом.

Начинали они очень лихо. Собрав разрозненные силы и призвав новых рекрутов, Отец Кешер сколотил мощную стаю в несколько миллионов голов. Часть стаи он послал сы-

пать всюду яд, ускоряющий испарение воды в сто раз благодаря ультрачастым колебаниям. Другую часть – ее называли «электрифог» – он заставил лететь под облака, чтоб там разбросать фоги-дары – крошечные элементы на основе полупроводников, способные создавать резидентные заряды. Третья часть была резервной и шаталась по небу без дела.

Общий план (составленный Вор-Юн-Гаком) был таков: ультрачастые колебания воды подточат основы материков, и малейший удар изнутри (магмы или подземного газа) вызовет серьезные разломы поверхности. С другой стороны, накопление атмосферного электричества и влаги породит по всей планете грозы. Их разрядка будет производить спонтанное рождение циклонов и антициклонов, которые, сталкиваясь, будут вызывать смерчи, бури, ураганы. Ураганы пойдут по качающейся земле, будут рожать новые ураганы, а потом... Хитрый Подлый Змей собирался что-то сделать. Что-то такое, что способствовало бы безоговорочному переходу новегов на его сторону. Но Отцу Кешеру незачем об этом знать, да он и не интересовался этим. Он давал приказы кешерам.

– Сыпьте больше! Пусть их мир так трахнет, чтоб они перевернулись! Жалеть незачем.

– А если они помрут? – спросила одна кешера. – Помрут от нашей бури? Ведь Господину, кажется, эти рожи нужны живыми.

– Сыпь без разговоров! Господин сам все знает. Не наше

дело вмешиваться.

...По волнам новосозданного водоема шел плот – обычный плот из бревен, правда, очень легких, искусственных. Плотом управляли новеги-ребята (совсем еще не взрослые), которые хотели установить маяк. Ребята уже достигли центральной части водоема – диаметром в миллион шагов, когда наверху, в небе, заиграли искрящиеся точки.

– Это что, звезды подмигивают нам? Приятно с их стороны.

На самом деле, кешеры уже сыпали своих фоги, притягивающие к себе влагу и электричество. В короткий срок вокруг фогов скопились огромные водяные массы.

Из синего небо стало фиолетовым, а потом – практически черным.

Кое-кто из ребят посмотрел вверх:

– Как бы на нас не упала небесная морось.

– Что мы, дождика испугались?

– Боюсь, здесь не дождик... здесь тысячи дождей.

– Ветер пропал. Давайте грести, что ли?

– Давайте.

Однако вода, пораженная ядом кешер, уже начала пениться и не поддавалась веслам.

– Что за наваждение. Прямо как в сказках... с неба ничего там не падает?

– Ты хочешь сказать, нам вредят инопланетяне? Но ведь согласно последним данным...

«Та-дах!!!» раздалось сверху. «Та-да-дах, та-да-дар, vrrrrrrрыть!!!» «Ущ-ва-а-аа!!!»

Схема Вор-Юн-Гака заработала. Антициклон взорвался и породил циклон; тот, сталкиваясь с фрагментами антициклона, породил вихри и смерчи, и все небо в той части мира закачалось.

Качалась и земля под водой, за собой и воду, и все в ней находившееся. Видимость резко упала.

По плану Змею, управляемая катастрофа должна была одномоментно накрыть весь мир, но из-за мелких сбоев у кешер локальные потрясения не объединились в одну сплошной процесс. По планете гуляли бури – разрозненные бури.

Плот ребят раскололся через полминуты; правда, кто-то успел крикнуть в мокрый передатчик.

– Район 7-6.... Повторяю район 7-6 широты 23, 05... терпим бедствие. Можно сказать, тонем.

Но связь была бессильна; едва попав за тучи, информационные волны сразу же оказывались в лапах магнитных вихрей, порожденных россыпью фогов; вихри крутили информацию так, что она просто исчезала, рассеивалась в кванты, или летела в произвольные стороны. Это тоже был замысел Вор-Юн-Гак – блокировать беспроводную связь.

За ураганом на море с интересом наблюдала большая стая кешер. Увидеть их простым глазом нельзя, а волновые сигналы они подавляли благодаря своему строю. Поэтому кешеры были абсолютно спокойны.

– Здорово там все разваливается!

– Да! Выразительно. Господин наш великий.

– Он их всех заквасит... доделает... донесет.

– А?

Внезапно перед стаей возник – будто вырос ниоткуда – сверкающий объект; он на полном ходу ударил в самую кучу, и кешеры, оказавшиеся на его пути, разлетелись брызгами; остальные удрали от страха. Объект не чувствовал никакого ущерба, он летел вперед.

Кешка Эге, которая очень удачно оказалась вдалеке от столкновения, стала спрашивать:

– А что это такое было? Это тоже был вихрь... или гром? А как оно называется? Это все по плану будет?

Но кешеры уже не думали про планы; ругаясь и страдая, они помчались в тот район неба, где не было бурь и где мир еще не начал портиться.

По горло в бурлящей воде, новеги не теряли самообладания.

– Долетит – ли – до – нас – кто-нибудь?

– Наверное – долетит.

– А если – такое – повсюду – то – не долетит!

– Ну тогда что поделатъ.

Пена утягивала ребят на дно, но тянула не слишком настойчиво (кешеры перепутали нужное соотношение веществ). Это позволило не только оставаться на поверхности, но и выдергивать друг друга из пены.

– Смотрите, товарищи.

Между стволами ураганов и смерчей, мчался здесов – внутрипланетный летательный корабль. Он петлял в лабиринте непогоды, но вместе с тем не терял времени. Подлетев к воде, корабль сам чуть в нее не окунулся.

– Что я пропал! Не рассчитали.

– Спокойнее, Юра, спокойнее. Мы не в ОНСесе. Где там товарищи-то?

– Пятьсот шагов западнее.

– Всегда путаю восток и запад...

Всех ребят-новегов подняли на борт здесова.

– Просто удивительно, как это вы сумели обнаружить нас... в этой атмосферной каше! Ничего же не разберешь сейчас.

– Благодарите дядю Взора. Его потешная аппаратура... та, что выдает всякие символы и рассуждения, внезапно предсказала катастрофу в этой зоне. Зная, что вы идете к ней, мы и полетели...

– Ну вот! А еще говорят, что Взор фантазер.

– Ну да, фантазер. Разве это плохо – быть фантазером?

Все согласились, что нет, не плохо, особенно в такой ответственный миг, когда небо, кажется, вот-вот должно расколоться.

Разыгравшаяся буря не напугала новегов – наоборот, она сплотила их еще больше. По плану Вор-Юн-Гака, должны были состояться крупные землетрясения, и они состоялись.

Однако дома новегов почему-то не рушились, или рушились недостаточно, не так, как хотелось бы Змею. Дома падали, но тех, кто был внутри, спасали. Корабли обгоняли бури. Были крупные наводнения, но новеги не утонули, да, вдобавок, откачали всю воду. Страшные пожары, вышедшие из-под земли, играли еще долго, и катастрофа, устроенная по злой воле Вор-Юн-Гака, действительно привела к большим материальным потерям. Но только материальным.

– Да, – сказали новеги, как только разрушительная энергия иссякла – природа не шутя поиграла с нами. Что ж – и природе надо поразвлечься. Давайте восстанавливать все, что ли?

– Давайте, конечно.

Конечно, если б Вор-Юн-Гак вложил больше энергии в бурю (а энергия у него, безусловно, была), он бы мог уничтожить весь тот мир вообще. Но ведь он-то хотел не убивать новегов, а обмануть их! Обмануть, явившись в образе такого укротителя стихии, избавителя от страданий. Но новеги сами сумели побороть последствия злых сил, и им совершенно не нужна фальшивая благодетель.

Для восстановления использовали прежние, а также новые оригинальные разработки. Созидание осуществляли многочисленные системы Кзема, Альдега, Альсторма, группы конструкторов, биологических и химических групп, архитектурной команды. И нельзя забывать Взора, который сумел предсказать или предвидеть катастрофы во многих об-

ластях мира.

Признаться, Вор-Юн-Гак был озадачен: он не говорил что это полный провал (ведь он потрепал-таки новеговский мир!), однако цель осталась недостигнутой.

Советники ожидали новых приступов меланхолии и гнева, но тут возник Краиниц. Незаметно подвернулся.

Крайниц – существо крохотное, почти неразличимое. По природе своей он то ли микроб, то ли крупный вирус; он не умеет делиться и порождать себе подобных без конца, зато умеет вторгаться в наследственный аппарат и даже в сознание.

Крайниц повис перед желтым глазом Вор-Юн-Гака.

– Господин Великий, Вы мыслите слишком широко... В поисках решения Вы чрезмерно задираете голову к небу, а ведь решение-то лежит в земной грязи....

Хитрый Змей чихнул на Краиница.

– Вы мастер аллегорий. Ну и что?

– Если позволите, Великий, я изложу свои соображения. Копать надо не снаружи, а изнутри...Надо посеять в умах новегов сомнение, даже недоверие друг к другу, надавить на рычаги и с их помощью устроить...

– А то я без вас не знал. Краиниц, вы, наверно, забыли, что я – Великий Вор-Юн-Гак. На какие рычаги их сознания нужно мне давить, по-вашему?

Крайниц заерзал и задумался.

– На те... что способны вызвать среди новегов принци-

пиальные разногласия. Например, эта, как ее... любовь, гордость или желание власти.

При слове «власть» Хитрый Змей сам заерзал.

– Понятно. Эти – Вор-Юн-Гак выплюнул шар огня – качества характерны для многих народов, тупых и не тупых. Но ведь новегов придумал Зергер! – а Зергер не может сделать ничего нормального. Ничего адекватного. У этих порождений напрочь отсутствует явная гордость, честолюбие и любовь... в естественном смысле.

Краиниц опять задумался.

– Но, наверное, эти качества можно в них развить... в исторической перспективе?

– Не знаю. – отозвался Вор-Юн-Гак. И подумал:

«Как полезна бы сейчас была Гирза-Мара. Это существо уж точно сумело бы отыскать у новегов внутренний яд. Но увы. Увы.»

Краиниц прыгал в воздухе.

– Тогда такое предложение. Я внедряюсь, да... в этот в их мир, и нахожу себе объекты – живые, конечно – наследственность которых можно испортить наилучшим образом. Слегка так переделать... в наших интересах.

– Вы хотите наделать чудовищ. Из готового материала. Что ж, похвально.

Ободренный Краиниц продолжал:

– Вот увидите, Великий, я создам таких существ, таких существ... что новегам тошно станет. Если там есть бакте-

рии, я могу и бактерии... пускай новегов мор разберет.

– Новеги не болеют – сказал Вор-Юн-Гак. – Так чего вам надо, собственно?

– Почти ничего, Великий, я скромненький; нужно мне лишь два кубика энергии – каждый со стороны в 100 тыс. шагов плюс некоторые дополнительные средства. Энергию надо заранее сжать. Вот и все что мне нужно. Ну и еще Ваше одобрение...

– Не люблю одобрительных слов – сказал Вор-Юн-Гак. – Энергия у вас будет. Смотрите, не перебейте всех раньше времени. А что касается дополнительных средств – обратитесь после победы.

«Вот так всегда – бормотал Краиниц, удаляясь. – Никогда не дадут доп-средств сразу. Только после работы! Обидно».

Он выплевывал слова как семечки.

К Вор-Юн-Гаку подскочил шест – советник номер 25 по наблюдениям.

– Довожу до вашего сведения, Господин... что проклятые новеги соорудили нечто, что позволяет лететь сквозь космос. Такое впечатление, что они собрались разлететься...

– Это некстати. Или кстати? Полезно это мне или нет? Не знаю.

Даже сейчас Хитрый Подлый Змей не знал, как именно он хочет подчинить себе новегов. Поэтому он особо и не надеялся на ловкость Краиница, который решил действовать чисто биологически.

Краиниц – «шустрая мелюзга», тип нахальный и беспечный, – несмотря на огромный опыт, не был существом просвещенным. Он не только не читал ничего – ни книг, ни других письменных источников, – но даже не пытался осознанно воспринять информацию. Информация для Краиница – не сведения, а материя, в которую он может проникнуть. Легче всего это ему удастся, когда материя биоорганическая; он вторгается в нее как гвоздь и торчит, пока что-нибудь не придумает; придумывает Краиниц, исходя не из научных сведений (их у него нет вовсе), а опираясь либо на беспредельную фантазию, либо на опыт. Из-за этого схваченные Краиницом биологические субстраты претерпевают жуткие изменения.

Например, ему ничего не стоит вырастить у животного 2,3,4 лишние ноги, или даже головы (с головами сложнее, поскольку Краиниц не знает тонкого устройства мыслительных аппаратов, и «созданные» им головы недееспособны). Он может превратить лягушек в рогатых жаб, а тех в свою очередь – в стаю летающих тварей, близких жабам лишь по характерному крику. У Краиница нет преград, он и знать не знает о том, что существуют края, т.е. пределы его возможной деятельности, его способностей. Он часто действует на уровне больших групп, он творит и портит многие тела. Кстати, Вор-Юн-Гак и сам иногда использовал подобные методы, только в отличие от самого Краиница, Хитрый Подлый Змей понимает научную подоплеку дела.

Сел Краиниц на кешку, кешка – на кешеру, и все трое

опять поехали в мир новегов. В отличие от кешки и кешеры, Краиниц был полон оптимизма.

– Значит, пролезем, и сразу и начнем, того этого... внедряться. Сначала в животных, потом в растений; или нет, сначала – в растений, а потом – в животных. А кто там еще есть?

– Какие-то штуки, искусственные, неживые, вроде управляемых аппаратов Господина. – просвистела кешера. – Только те их аппараты вечно шатаются. В смысле – двигаются.

– Да? А зачем они двигаются? В них можно внедриться?

– Не знаю про внедриться, но двигаются... и ведут огонь... по вражеским объектам.

– Это как это? – не понял Краиниц.

– По врагам они стреляют – вроде как из зениток, но на всю толщу атмосферы. Противно. Кучу наших уж подбили. И чужих тоже.

– Это потому что вы не умеете работать с природой! – уверенно заявил Краиниц. – Не умеете внедряться. Вот я – как внедрюсь, как внедрюсь... проще, конечно, когда есть слабые участки, разрывы, или знакомые сайты, влезу в них гвоздем и начну... а коли не смогу с ходу влезть, так сбоку приклеюсь, там где многочисленные повторы, меня и не заметит никто... Биологические существа глупы! сами имеют подвижные структуры наследственности, и еще жалуются. Если хочешь постоянства, стой как гвоздь! Стой, как я стою! Меня-то уж никакая вещь не изменит.

Кешера в словах Краиница не понимала абсолютно ниче-

го. Но согласно кивала. Кешка тоже поддакивала:

– Да, надо делать то, что надо делать, а что не надо – того не надо делать. Все очень просто. Но немного сложно.

Так они добрались до мира новегов.

После прошлой катастрофы Мир новегов был уже полностью восстановлен; и не только восстановлен, но и усовершенствован.

Там не было государств, княжеств, армий; были подразделения на районы, города и сельскую местность, но они все управлялись по единому плану, одним народом сообща. Весь мир представлял собой сплоченный массив природы и рукотворной архитектуры.

На картах новегов эта территория называлась «Добреголядовая Новь» (в честь флагманского космического аппарата под названием «Добреголяд»). Но Краиниц не умел читать по-новеговски. Он, едва атмосфера позволила, спрыгнул с кешки, упал на траву и говорит:

– Ну, с чего начнем?

И в тот же момент Краиница съели.

...

Обитатели Миров часто верят в высшие силы. Далеко не всегда это означает религиозность – просто разум хочет понять, отчего происходит то, что понять невозможно, что находится за пределами доступного естества. Сверхъестественное рядом, только проявляется с разной частотой, где-то чаще, где-то реже. Одни считают, что такие силы зло, нава-

ждение, другие напротив, видят в них идеал. Высшим силам часто поклоняются, хотя мало кто по-настоящему видел сверхъестественных существ. Вместе с тем, каждый приблизительно представляет, как они могут выглядеть. Многие верят, думают, или просто фантазируют.

Энергия этих представлений частью рассыпается, частью расходуется на другие цели; но порой она собирается в виде странных облаков, которые крайне трудно различить даже с помощью сложнейшей аппаратуры. Эти облака несут обрывки чьих-то мыслей, надежд, стремлений. И иногда – под действием внешних сил – материализуются.

Такое облако давным-давно возникло в той части Космоса, где очень поклонялись змеям и ящерам. Поклонялись бедные, поклонялись богатые, поклонялись гордые и подлые.

В результате облако висело, висело, росло, а потом стало выбрасывать зародыши смыслов. Те смыслы, материализуясь, принимали разные формы.

Из мелких получились духи, призраки в виде змей, все больше никчемные существа; правда, их было очень много, и некоторые сумели развиться в отдельные личности – те, что идут в услужения владыкам, становясь министрами или генералами.

Средних смыслов было заметно меньше; в отличие от мелких, средние смыслы были намного талантливее – и намного жестче. Им не нужны были владыки, чтоб служить и на-

живаться, они сами желали сделаться владыками. Именно из такого смысла возник Вор-Юн-Гак, Хитрый, Подлый Змей. Далеко не все змеи и ящеры из генерации средних стали владыками, но Вор-Юн-Гаку удалось.

Наконец, из больших смыслов возникли звездные гиганты, огромные космические потоки, напоминавшие кометы. Они не имели врагов (кто посмеет напасть на существо планетарного масштаба?), но в отличие от мелких и средних, были очень ограничены с точки зрения выбора действий. Фактически, вся мощь такого гиганта заключалась в его размерах – он не умел юлить как Краиниц, или хитрить как Вор-Юн-Гак, или править как Ничтов, он вообще очень плохо умел думать. Кош, Кладезь Премудрости, называл такой путь развития тупиковым, т.е. не имеющим пути к совершенствованию. И поэтому таких планетарных существ, полных энергии и огня, даже не считали разумными. Их считали просто существами. Как коня, или мышь, только очень больших размеров. И они были ужасны.

(Правда, из той же субстанции возник Зой, Огненный Скакун, приятель Веди Взмокина. Зоя вовсе не считали сумрачным – наоборот, он был вроде доброй силы природы. Но это единичный случай).

Вор-Юн-Гак ни за что не скажет, что он возник вместе с другими; он страшный индивидуалист и всегда подчеркивает свою самобытность и исключительность. Хитрый Змей всегда отдельно. Вместе с тем, с некоторыми существами он

был, так сказать, на короткой ноге, то есть общался с ними более свободно, и порой даже доверительно.

Вскоре после отправки Краиница Вор-Юн-Гаку доложили, что к его миру приближается «железный колокол».

– Как еще колокол? А! Понимаю. Это Воблид. Воблид тащится ко мне, очевидно, с просьбами... Ох уж мне эти «бедные родственники». Впрочем, этот ящер может быть полезен.

Воблид действительно ящер – страшный, чешуйчатый, но ходит на двух ногах. У него по всему телу тянется броня, вперемешку со спецодеждой. Чем-то он напоминает персонажей из фильмов, но у них обычно одна сущность, всего одна, а у Воблида – целых тринадцать. Все они находятся в одном теле и при желании могут появляться – тогда Воблид ходит с тринадцатю мордами. Сущности могут вылезать и действовать самостоятельно, не теряя при этом связи с главным телом.

Воблид вошел, громыхая множеством клинков и автоматических ружей. На нем была броня из дорогого сплава; но местами она обветшала, и сквозь щели торчали фрагменты черной майки, от которой Воблиду постоянно хотелось чесаться.

Тринадцать голов Воблида были заняты разным: первая голова жевала, вторая курила, третья спала, а остальные десять глядели на Вор-Юн-Гака – с выражением искреннего уважения.

– Привет, Великий. Как дела?

– Так, ничего себе. – сказал Вор-Юн-Гак. – Можно терпеть. А тебя, приятель, опять штукер разобрал?

– Да, штукер – сказал Воблид первой головой и едва не подавился. – Совсем маленький штукерчик... чтоб я сдох. У владыки Н...а – того, что носил роги на плечах – он еще из мира 95 – случился маленький конфуз. Произошло трясение основ почвы и царство его накрылось. По-моему, мир 95 – так себе, ничуть не лучше тины, но по крайней мере я имел там золото ... за боевые действия. Но владыка был нахал, и захотел руководить войсками сам. И меня выгнали. Что ж? Пожалуй, мне даже повезло.

«Я имел там, кроме золота, бесценный набор смыслов» – подумал Вор-Юн-Гак. Он хорошо знал мир 95 и даже несколько раз трепал его жителей. Сжигал не глядя, собирал прибыль. Он, конечно, уничтожал 95-й, но вовсе не до основания. Неужели тот мелкий шар лопнул из-за вор-юн-гаковых усилий? – впрочем, неважно.

– Так что этот кривоногий тип? – спросил Хитрый Змей. – В смысле, владыка.

– Помер, кажется, – сказал Воблид, зевая второй и пятой головами. – Болван он. Нетренированный. Был. Впрочем, дело не в нем... у меня расшатало колокол. Нужны элементы номера – третьей головой Воблид стал перечислять все, что ему нужно, обширнейший список. – Ты мне их не одолжишь, Великий?

Советники – от второго до последнего не выдержали и запищали, заскрипели, зажужжали. Они не могли сдерживать в себе огромные запасы смеха.

«Одолжишь! Одолжишь! Великий одолжит. Он щедрый. Он так одолжит, что потом всю суть свою будешь с пустоты наматывать! Одолжишь! Да разве можно так просто, в наглой форме – что-либо просить у Великого Вор-Юн-Гака! Даже тот сочинитель в лаптях был умнее. Воблид – он же просто пустопрос...»

Вор-Юн-Гак вдруг произнес:

– Премудрые. Кажется. У вас. Недержание. Смысла. Так идите и выплеснете его куда подальше, чтоб не промочило. Воблид – мой приятель, он получит – все, что необходимо.

Советники – и сгибаясь, и кланяясь, и просто падая – поспешили удалиться.

– Сборище болтунов – сказал Вор-Юн-Гак Воблиду. – Просвещенные кастрюли. Имеют массу знаний, но не умеют ею пользоваться. Советники! Ты не представляешь, Воблид, что они мне насоветовали. Есть один народ. Его надо перетянуть к себе. Так они – сначала предлагают на него смотреть. Ты понимаешь – просто смотреть, как на забор до... (Змей выдохнул шар и завертелся вихрем)...щатый. Потом предлагают их совращать – песнями, сказками и картинками. Культурная пропаганда, чтоб их. Потом хотят устроить бурю... хотя в буре ни шута не разбираются. Противно даже. Я истратил кучу средств и... – Хитрый Змей остановился. –

А ты все колоколом летаешь?

– Ну да, колоколом – ответил Воблид. – Конечно, это иногда неэффективно и требует ремонта. Но для полетов без колокола у меня нет таких блестящих способностей, как у тебя.

Вор-Юн-Гак сделал клыкастую улыбку.

– До всего надо дойти самому, мой приятель. Хотя, есть такие народы, которые действуют не умом, а сообща. Придумывают бред всякий. Есть один народ.

– Это кто же такие? – спросил Воблид.

– Да так... появился в одном месте. Точнее, его придумал один жалкий тип, мечтатель, гнусный фантазер... тот народ существует, но до него крайне трудно добраться.

Вор-Юн-Гак кратко изложил Воблиду свои планы насчет новегов.

– Так вот. Их – надо – покорить. Покорить так, чтоб не утратили своих способностей – а с другой стороны, чтоб не дергались. У меня этот счет масса идей, но не знаю, какую выбрать.

– Можно сделать купол – зевнул Воблид (дюжиной голов). – Или колпак. Колпак запечатает их мир и пусть сидят запечатанные.

– К сожалению, – произнес Хитрый Змей – те новеги – совсем не простые создания. Я подозреваю. Что. Там, у них. Есть. Кто-то... кто разгадывает мои планы.

– Ты думаешь, у них хватит мастерства пронзить информационную ткань Вселенной?

– Если б *все* были дураки, то я бы лишь лежал и посьвистывал! – сказал Вор-Юн-Гак. – Этот собачий Зергер... уверен, что без него не обошлось. Вероятно, он им даже что-то советует. В рамках компенсации. Вот я их!...

Вор-Юн-Гак завертелся, закужился в диком танце.

Воблид закрыл рты. Потом говорит:

– Слушай, а может... не стоит так на них наезжать? Вдруг за их знанием стоит не Зергер, а еще кто-то? Вдруг в том деле участвуют Вечные?

Хитрый Подлый Змей очень удивился.

– Ты что, веришь в существование Вечных?

– Вообще-то да, – неуверенно сказал Воблид. – Необъяснимые факты говорят о том, что... бывает даже то, чего не бывает. Говорят, Вечные осуществляют негласный контроль порядку.

Воблид вдруг не сумел произнести звук «а»

– Значит – ты – веришь.

– Ну дэ.

– А я вот не верю! – заявил Вор-Юн-Гак. – Я не верю в то, что волю можно чем-то ограничить. Нет, я допускаю, что есть лица, существующие в бесконечности, но думать, будто они могут контролировать все... Конечно, могут. Но не более, чем я или ты. Или еще какая-нибудь тварь, что захочет соперничать со мной за власть над пространством и энергией. Пространство расширяется гораздо быстрее, чем растет личная мощь; это уж настолько известный факт, что никто

во Вселенных не сможет его опрокинуть. Так что не болтай зря про внешний контроль. Так ты предлагаешь колпак?

– Да, колпак. Или купол. Создать закрытую зону в виде купола... попав туда, они будут вечно крутиться в замкнутом контуре и не выйдут... а влиять на их сознание можно программно.

– Хорошая мысль. Только – купол должен быть на территории их мира, так?

– Да.

– И везти его туда надо, словно вазу – весом в миллиард единиц?

– Да, это верно.

– И ту самую вазу опрокинуть на их мир?

– Да, так оно всюду и делается.

– А ты знаешь, сколько это стоит?

– Нет, не знаю.

Вор-Юн-Гак назвал величину, от которой пятая, шестая и седьмая головы Воблида перевернулись, вторая выронила папиросы, а восьмая и тринадцатая жутко закашлялись.

– Да они там что, совсем... да откуда во Вселенной возьмутся такие цифры?!

– Цифры-то есть любые, только платить некому.

– Тогда гораздо дешевле их просто разбомбить! Да, разбомбить. А энергию – собрать, и переделать.

– Бомбить можно. Только надо еще долететь. И потом, я хотел, чтобы эти типы были живые, а не мертвые. Чтоб они

ликвидировали Зергера.

– Слушай, а зачем вообще тебе сдался этот Зергер? Ну есть он и есть... Ты же сам говорил, что неизвестно даже что он такое делает, и сделает ли вообще.

– Устранение Зергера – вопрос принципа – металлически сказал Вор-Юн-Гак. – Зергера нельзя оставить. Его обязательно надо прикончить. Не то он устроит.

– Когда он там чего устроит... – протянула третья голова Воблида.

– Не знаю, через сто тысяч лет или через миллиард, или еще когда, но устроит. И тогда начнется такой штукер, что мало не покажется никому. Ни тебе, ни мне, ни Ничтову. Все будут переделывать. Кстати, Ничтов... Он не имеет власти в Другой Вселенной?

– А не знаю, – сказал Воблид пятой головой, – вроде бы что нет. Хотя, конечно, он может иметь о ней представление...

– Вот что. – Хитрый Подлый Змей сжался кольцом, а потом разжался. – Надо сделать так. Чтобы новеги. Задели. Интересы Ничтова. Или же – чтобы сам Ничтов подумал, будто задевают его интересы. Пусть он задрожит. Пусть его Пустота поймает новегов. Если так, тогда что же – их умы можно будет перепрограммировать. Да. Эти могут быть полезны.

Воблид оскалился.

– Мне-то дашь хоть миллион этих? Позарез нужны вояки, причем сильные, а кругом такая мелочь... Дашь, дорогой

Великий?

– Да. Вероятно.

– Тогда давай действовать вместе – из голов Воблида полезли красные, шершавые языки, – вместе все поделим. Хотя, ты говоришь, Ничтов...

– Да. Ничтов. Его стоит втянуть в это дело. В сущности, это в его же интересах – устранять все возможные опасности для своей власти. Знаешь, власть – это такая штука, что...

Но не успел Вор-Юн-Гак договорить, как прямо перед его носом показался огненный диск. Этот диск появлялся лишь для передачи совершенно секретной информации.

Хитрый Подлый Змей втянул в себя светящийся круг, долго осмысливал его содержимое, потом задумался.

– Что пишут? – спросил Воблид.

– Да так. Ничего особенного. Надо обращаться к Ничтову. Да. К нему.

Диск секретным образом сообщал: Краиница поймали.

...

Кешера и кешка, видели, как Краиниц исчез в пасти мохнатого зверя.

– Как его втянуло! – сказала кешка. – Прямо-таки, всосало.

Кешера не сказала ничего; пребывание в мире новегов изрядно сократило в ней охоту разговаривать. Потому что уже невесть сколько болтунов – развалились в воздухе, пораженные новеговским полем. В этом поле переплетены физи-

ческие и ментальные волны. Рожденная умом биоэнергетическая волна взаимодействует с технологической волной, и в результате получается невидимая, но очень сложная композиция, которую поэтически настроенные новеги называли «очи нашего неба». Система «небесных очей» пронизывала всю Добреголядовую Новь, позволяя вести обзор далеко за границей мира.

Такое положение было страшно неудобно для прихвостней Вор-Юн-Гака, ведь их тела существовали совсем на другой энергии, другого типа и частоты. Потери шли за потерями, старые кешеры пропадали, а новые мобилизованные имели еще меньше опыта; вообще, закрепиться в мире новегов кешеры смогли лишь благодаря умению держать строй.

Вместе они создают фигуры с многолучевой симметрией, внутри которых энергия сохраняется на едином уровне. Не кешеры придумали держаться строем, так велел Вор-Юн-Гак. Его тайная программа сидела в кешерах намертво, и ей кешеры подчинялись бессознательно, но не всегда. Поэтому-то единицы гибли часто, и стаи постоянно нужно было обновлять и перестраивать. Их порой замечали; но в кешерах и кешках новеги не видели никакой настоящей угрозы.

Краиниц летел по пищеводу. Его съели, но не убили – не такой он тип, чтобы перевариваться. Раскидывая траву, Краиниц выбрался из травяного потока и уцепился за какой-то бугорок. Бугорок, покрытый липкой смесью, вздрагивал, из-за чего титаново-белковые ноги Краиница постоянно съез-

жали в пропасть, где бурлил желудок. Краиниц совершенно не боялся кислоты (ибо был покрыт вечным полимером), однако презирал грязь.

– Нет, здесь внедряться я не стану. Пахнет слишком.

Вместе с кровотоком Краиница понесло вниз, затем наверх, и он очутился где-то в районе головы. Там он растолкал группу защитных клеток, и полез прямо в мозг; но потом вспомнил, что в мозге очень сильны электромагнитные колебания, что вызывает помехи в собственном теле. Краиницу не хотелось лишних помех, он сел прямо на ушной эпителий.

Зверь щипал траву и листья, и вид у него был симпатичный, но сосредоточенный. Он будто подозревал, что в его организме завелись непрошенные гости.

Краиниц стал искать наследственный аппарат и долго не мог найти. Наконец он обнаружил нечто похожее – странной объемной структуры.

– А куда же здесь внедряться? – сказал Краиниц сам себе – Все какое-то нестандартное. Ладно, давай с разбегу.

Краиниц накопил внутри энергию (словно реактивный заряд), потом пыхнул ею, да как полетит! Он пробил насквозь клетку (та не повредилась), сосуды, мышечную ткань, попал в нервную систему, в самую гущу заряда. Наступил шок – пронзительный электрический шок. Тут сознание Краиница слегка помутилось, он отлетел в сторону, и помчался в сторону живота. От живота его отбросила к ногам, а от ног –

к хвосту. Краиниц повис в центре наследственного аппарата хвостовых тканей и долго не мог прийти в себя.

Ткани зверя были какие-то невнедряемые. Краиниц не мог понять в чем подвох. Он перебирался в других зверей, тоже жующих траву, но везде его сущность смогла внедриться только в хвост. Только хвосты претерпели воздействие его фантазий. Но сам Краиниц жутко измотался, изо всех стараясь внедриться в упрямые наследственные аппараты.

Он долго искал животных или растений с податливой информацией, да никак не мог отыскать.

Тогда Краиниц стал ловить другую информацию – словесную. У него внутри был универсальный дешифровщик, позволявший переводить почти с любого языка – если не дословно, то во всяком случае близко к исходному смыслу.

Сначала ему попадались лишь профессиональные или научные фразы, в которых Краиниц ничего не мог понять.

Он стал искать простые слова, общие для всех народов; слов не было. Наконец он разобрал:

– ... Юр, скажи, внутреннее мастерство коррелирует с внешним?

«Это как понять?» подумал Краиниц. «Видишь то же, что не видишь? Странно.»

– Ну, явных доказательств тому нет, хотя, по-моему, должно коррелировать.

– Иначе говоря, у индивидуума, богатого духовно, процесс внутреннего совершенствования, запускает – ну хоть

чуть-чуть – и внешнее совершенствование, не так ли?

– Наверное, так.

– И процесс внутреннего развития должен осуществляться, в том числе, и путем появления физических признаков – по крайней мере, в исторической перспективе?

– Если в исторической – то да, пожалуй.

– Юр, тогда скажи, на твой взгляд, кто из нас красивее?

– Мне кажется, вы обе красивые.

– «Ах вот оно что! – догадался Краиниц. – Это же разговор о женском поле! У них, стало быть, есть такие лица. Это хорошо, это очень хорошо; женский пол издавна был объектом моих внедрений. Ударим по полу.»

Краиниц вылетел в город и понесся искать женский пол.

Но тут же столкнулся с проблемой половой идентификации.

Новеги, несмотря на различие в лицах, не имели таких признаков, которые явно говорили бы, кто женского пола, а кто мужского. В репродуктивной системе Краиниц тоже не увидел явных намеков; а одежда у всех была стандартная.

Все новеги чем-то слегка напоминали Зергера – и лицом, и фигурой, хотя Зергер был явно «он», а не «она». По всей видимости, принципиальные различия были скрыты в сознании, но туда Краиниц залезать боялся. Если сознание простого зверя едва не выключило Краиница навеки, что же тогда будет в сознании разумного существа? Нет, Краиниц зарекся проникать в умы новегов.

– Какой мыследел их сотворил?! Ничего ж понять нельзя, кто он, кто она; только из разговоров слышно: он сделал, она сделала... Но через разговоры не внедришься... Ужас. Хорошо, что Хитрый Подлый Змей ничего не знает, а то он перестанет меня уважать. Хорошо, что у меня блокировка исходящих волн.

Краиниц думал-думал, потом решил.

– Ладно. Буду действовать просто. Понаделаю им бактерий новых – пусть разбираются. Запущу им пандемию.

Краиниц пошел по миру – искал любые микроорганизмы, превращал их в болезнетворные. Он создавал мор – в общем-то обычным методом, известным не только Вор-Юн-Гаку, но и многим другим созданиям и биологическим системам. Мор рождался медленно, потому что Краиниц вносил бесконечные исправления. Он не мог решить, как надо вредить наилучшим образом.

– Через какую систему пойдём? Через двигательную или через кровеносную? Кровеносная надежней, но ее у них нет, кажется... А что тогда есть? Лучше, конечно, через нервную, но эти твари такие нервные... огнем жгут изнутри. Как же нам пойти, а? – спрашивал Краиниц армию микробов.

Микробы молчали – у них отсутствует разум, ведь они были сделаны из обычных клеток.

Краиниц повертелся, повертелся.

– Ладно. Пойдем через дыхательную. Примитивно, но надежно.

Мор, направляемый Краиницом, повис над городами новегов, над всей Добреголядовой Новью.

Краиниц, имея большой опыт в организации мора, собрался уже считать убитых. Но никто не умирал. Новеги, правда, стали чихать и кашлять, однако все кто чихал, как-то быстро поправлялись.

– Опять сопротивляются! – закричал Краиниц. Он никогда не слышал ни про вакцины, ни про антисептические препараты; он мог лишь действовать. Поэтому Краиниц не придумал ничего другого как в спешном порядке создавать новые типы микробов и мора, но их тоже побеждали. Тогда Краиниц решил подслушать, что говорят про мор сами новеги, и придумать то, чего они никак не ожидают. Он полез в научно-исследовательский центр, прямо в отдел борьбы с мором. Краиниц смотрел во все стороны, стараясь запомнить все подряд, и тут увидел цинк. Груды ничейного цинка, приделанного к планшете.

– Это же элемент любви!

Цинк нравится Краиницу, этот элемент помогает ему проникать в ДНК-подобные типы наследственного аппарата, спаиваясь с ними «любовно». Так сам Краиниц говорил.

Поэтому он, нисколько не раздумывая, подлетел к цинковой планшете.

– Сейчас мы тебя соберем, любовь моя... а то они такие олухи, добро разбрасывают. Соберем себе все и заберем... какой липкий субстрат... соберем, себе... это он растет, или

это я тону?... соберем... тьфу ты,... тонем, честное слово – тонем! Или что? Или это я... Это что? Оно?

Сорбирующий гель зажал «шуструю мелюзгу» в непонятной оболочке, и вдобавок создал над ней волну. Той волной накрыло все мысли Краиница.

Очнулся он лишь от внешнего воздействия. Краиниц оказался под прибором, из которого выходило множество волн на основе неизвестных микрочастиц. Те частицы позволяли разглядеть мельчайшие молекулы в составе живой ткани без каких-то повреждений.

Вокруг было полно новегов – исследователей. Краиниц вдруг жутко захотел всех убить – но не мог даже пошевелиться. Он был в западне.

– Вот этот объект – Краиница просветило насквозь – представляет собой крайне необычную структуру, имеющую явно искусственное происхождение. Посмотрите, товарищи, на его титаново-белковые выступы, на его оболочку уникального строения. Такое строение невозможно даже при высочайших уровнях передела материи, известных нам. Вероятно, этот объект пришел из других частей космоса, вероятно, он даже разумный.

– А он умеет внедряться в молекулы наследства?

– Да, химически доказано его сродство к таким вещам.

– А размножаться он может?

«Караул! – подумал Краиниц. – Меня застукали. Меня раскололи. Меня... меня никто не спасет! Только Великий...

тьфу, у меня подавление выходящих волн... отключаю его к черту!»

Краиниц сидел в запаянной колбе. Сквозь стекло наружу, в космос, неслись невидимые, полные панических чувств строчки.

«Мир обследовал. Досконально. Нельзя внедриться. Мы пропали.»

«Господин Великий!!! Сижу в банке. Выхода нет! Это конец. Ничего им не скажу. Если меня начнут пытаться, расскажу все. Великий!!!»

«Никто нас не любит. Совсем. Никто. Мы несчастные. Я несчастный. У них нет антиматерии.»

«Великий!!! У них есть антиматерия!!! Даже много.»

Дрожащие строчки удалялись в кешер; от них по дальней связи информация летела дальше, зашифрованная, немая, и лишь в мире Вор-Юн-Гака становился ясен ее панический смысл.

Но Вор-Юн-Гак не предпринял на этот счет ничего.

Он вообще решил сократить присутствие кешер в том мире, и отдал соответствующий приказ. Строй кешер стал быстро съезживаться; уцелевшие кешеры и кешки плелись сквозь космос назад, натываясь на что попало.

– Ой, как все мне надое-е-ело... – жаловался командир среднего звена. – Мы пропали и устали... Ужасный мир.

Вор-Юн-Гак выводил кешер из операции. Но это не значит, что он полностью утрачивал присутствие в Добреголя-

довой Нови.

В энергии, выделенной бедняге Краиницу, была особая, ничтожно маленькая часть, которую Краиниц проглотил даже не почувствовав. Та часть имела совершенно иную природу по сравнению со всеми формами энергии; это была как бы «антиэнергия», явление редкое настолько, что даже у Вор-Юн-Гака ее было очень мало.

В отличие от антиматерии, которую совсем нетрудно получить высокоточным распадом, антиэнергия получается лишь при очень редких условиях, в результате схождения миллионов случайностей. Ее можно получить либо из управляемой Пустоты (так делал Ничтов), либо путем бесконечно долгих комбинаций бесконечного числа смыслов. Бесконечное переплетается с бесконечным и в результате становится явным, и несет удивительные основы оригинальности. Можно сказать, что такая антиэнергия есть некое воплощение высших идей творчества.

Но в Вор-Юн-Гаковском мире никто не занимался творчеством, да и сам его хозяин предпочитал не создавать смыслы, а присваивать их. Тот фрагмент антиэнергии изначально принадлежал одному космическому поэту; поэт был гениален, и очень беспечен; он даже не подозревал о своем энергетическом даре, о том, что он создает помимо стихов. Это позволило Вор-Юн-Гаку действовать неприкрыто – он попросту уничтожил поэта, а антиэнергию присвоил. Большая ее часть утратилась, пока Вор-Юн-Гак летел к себе (твор-

ческая антиэнергия тесно связано с личностью ее творца), но все-таки часть у него осталась. Ее Хитрый Подлый Змей извратил нещадно. Он потратил огромные средства на расшифровку принципов организации антиэнергии, но смог – и знанием, и мощностью, и хитростью – получить из нее нечто управляемое. Тот лоскуток антиэнергии научился не только проникать повсюду, но и действовать в интересах хозяина; фактически, в антиэнергии была закодирована сама сущность Вор-Юн-Гака, тесно с ним связанная. Этой сущностью Вор-Юн-Гак мог действовать как самим собой, ею он очень дорожил. Называлась та сущность «тригняда».

Тригняда, сидя внутри Краиница, незаметно наблюдала за всем происходящим, поэтому Вор-Юн-Гак мог получать сведения и через нее. Когда Краиниц попал в плен, Хитрый Змей нисколько не удивился. Но сам тот факт того, что «шустрой мелюзге» не удалось внедриться (Краиниц не знал в этом деле неудач – никогда!), стал большой неожиданностью для Вор-Юн-Гака. Он ни разу не видел, чтоб мор оказался совсем беспомощным.

– Проклятая новегова плоть! Собачий Зергер! Ищи моя, тригняда, ищи, выискивай мельчайшую щель в том непонятном мире. Должны же у них быть слабые места.

Тригняда – неприметная, но злая – тихо просачивалась в города новегов, в их тела и сознания, а закрепиться не могла.

Вор-Юн-Гак мигнул Воблиду; Воблид прыгнул в «колокол» – огромный космический корабль, движимый кванто-

вым распадом; колокол затрясся, завертелся, потом оторвался от поверхности скрежетнул – и помчался за огненным вихрем.

Вихрь – это Вор-Юн-Гак, Подлый, Хитрый Змей, шепчущий неслышно:

«Долетим, приятель, до Ничтова, разогреем его новостью о близкой опасности, разогреем, напугаем. Ничего-ничего-ничего. Покорение новегов соответствует его интересам».

Ничтов сидел, как всегда, невидимый для глаз и для всех прочих средств наблюдений. Его царство охраняли бесчисленные войска стражей, опутанные Пустотой, которая тоже была полем, только очень непонятным, пугающим. Пустота Ничтова имела тайную структуру – но Вор-Юн-Гак, не церемонясь, разорвал Пустоту в произвольном месте. Колокол остался на орбите.

Стражники – железные рыцари, оснащенные страшным оружием – с недоумением смотрели на огненный столб.

– Пошли вон – сказал им Вор-Юн-Гак.

– А, это Вы, Великий Змей – произнес Ничтов – кажется, мы не договаривались...

– Договариваться уже поздно, Господин Ничтов. Надо действовать. Надо действовать. Сейчас. А то потом. Все поздно. Будет.

Ничтов ничего не понял.

– Как Вы быстро говорите... непривычно быстро. Что

поздно?

– А все! Все будет поздно, если не принять немедленных действий. Помните того проклятого фантазера, который называет себя Отцом Смерти? Он еще был с приятелями.

– Да, конечно. Отец Смерти. Ужасный тип. Они тогда у Вас что-то взяли...

– Так вот: тот фантазер нафантазировал, и теперь его фантазии бродят по Другой Вселенной. Проповедуя его идеи. Он об этом не знает, но все равно. Эти создания имеют цель переделать мир – в смысле космос. И я не могу ручаться, что когда-нибудь они не пролезут в Эту реальность. А когда пролезут, тогда все. Конец Пустоте.

Ничтов вмиг материализовался.

– Пустоте?! Это же будет катастрофа... Великий Вор-Юн-Гак, а Вы не преувеличиваете?

Хитрый Змей кратко рассказал, как он пробовал ослабить новегов – и обманом, и бурей, и мором.

– Действительно, страшные твари. Так что Вы предлагаете?

Хитрый Подлый Змей изобразил на своем лице выражение крайней озабоченности.

– Самое лучшее – захватить этих новегов в плен. Не всех, конечно, но некоторых – несколько образцов, желательно с выдающимися способностями. Их можно изучить, вероятно даже – перепрограммировать – а потом... а потом как угодно. Но сперва надо захватить.

– Да, Вы правы...

– Только, господин Ничтов, надо попасть в Другую Вселенную, а средств нету никаких – сказал Хитрый Змей.

Ничтов задумался и стал листать свои информационные блоки.

– Давно я не думал о Другой Вселенной... сколько это стоит энергии... Если напрямую. И если не напрямую. Нам же нужна еще аппаратура с собой, так?

– Безусловно – сказал Вор-Юн-Гак – без аппаратуры здесь никак нельзя.

– Тогда давайте... через информационный портал Вечности... я его в небольшом количестве взял... они не просят отдавать, так и что ж – я не отдаю...

«Ну да, взял, – свистнул!» подумал Вор-Юн-Гак и вслух говорит:

– Это какая же сила в Космосе обладает столь замечательными способностями?

– Есть одни – сказал Ничтов, – их еще называют Вечными. Но по всей вероятности, преувеличивают. Вечных не бывает. Это я знаю точно. Вот бесконечные встречаются... В каком состоянии ваша Гирза-Мара?

– Так, ничего себе – сказал Вор-Юн-Гак, накаляясь изнутри. – Она сейчас бессильна. Давайте действовать.

– Да, действовать. А как Вы планируете поймать этих новегов, как захватить их в плен надежно?

– А у меня для этого есть знакомый – знакомый такой тип-

чик, тоже из огненных; обычно он руководит вояками. Связь можно держать через «мою печаль».

Не успел Вор-Юн-Гак моргнуть, как его, вместе с Воблидом на орбите,хватило и понесло. Перелет длился всего пять или шесть секунд, но внутренним чутьем Хитрый Змей точно определил, что они промчались огромное, просто невиданное для космоса расстояние.

Чернота – Пустота – снова Чернота. И снова Космос.

Царства Пустоты не было нигде; зато окружающее пространство соответствовало сообщениям кешер и кешек.

– Другая Вселенная! Ну да, это она. Старый кипеж постарался. Зойтомара. Мог бы сперва посоветоваться. Впрочем, унывать не стоит – у него моя печаль.

«Моя печаль» – еще одна скрытая сущность Вор-Юн-Гака, вроде «тригняды», но гораздо проще и прямее в действии; «моя печаль» – всего лишь передатчик, активируемый Вор-Юн-Гаком в минуты большой нужды. «Моя печаль» держит связь с Ничтовым.

Вор-Юн-Гак знал про способность Ничтова к бесконечно дальним переходам, и про его привычку делать серьезные решения внезапно и сразу. Поэтому он не слишком удивился той оперативности, с которой Ничтов перенес их с Воблидом. Но даже для Вор-Юн-Гака такой полет стал неожиданностью. Что уж говорить про закованного в латы предводителя вояк Воблида?

Все его тринадцать сущностей едва не разлетелись в сто-

роны, когда «колокол» понесло.

Вор-Юн-Гак видел, как огромный, тяжеленный аппарат – «Колокол» – вращаясь, пронесся мимо, а потом повалил еще дальше, в космос. Хитрый Подлый Змей помчался следом. Колокол не останавливался. Тогда Вор-Юн-Гак выпустил из себя снаряд. Снаряд – пучок фотонной энергии – щелкнул в дно колокола; от удара Воблид выпал наружу – третьей головой.

– Нас бомбят уже?

– Тормози! – крикнул Змей.

– Резин мой стерся.

– Тормози, болван!! Управление переставь!

Голова Воблида болталась и не втягивались внутрь. Хитрый Змей стукнул ее огнем – голова уползла.

Через некоторое время из-под колокола полетела желтая пыль; колокол постепенно стал замедлять свой ход, и уже можно было видеть плывущие вдалеке пятна галактик.

Вор-Юн-Гаку пришлось немало повозиться, чтоб привести Воблида в отчасти привычное состояние. Змей давал ему «понюхать радость».

– Радость есть ощущение. Ради него все чрезвычайно напрягают тела и мозги. Тратят кучу времени. Но я имею «счастье» сразу, в нематериальной форме.

– Хорошая вещь радость! – согласились головы Воблида. (На самом деле «радость» Вор-Юн-Гака – страшный энергетический яд. Живых он убивает почти мгновенно, поскольку

поражает разум. Но Воблид уже не простой биологический объект).

Воблид впитывал в себя волны «радости»; его головы тряслись, выворачивались, и даже переплетались друг с другом, конечности онемевали. Но самому Воблиду нравилось.

– Приятно ощутить приятное. Господин Ничтов издеватель. От его полета меня чуть насквозь не вывернуло.

– Кстати. У тебя корпус самовозобновляемый?

– Нет. Стационарный. Постоянно надо думать, чтоб не развалиться. Вот тебе хорошо.

– Да. Я не развалюсь – сказал Вор-Юн-Гак. – Так. Раз мы тут. То. Пошли ловить новегов.

– А куда? тут же в некотором роде Другая Вселенная. Ни ориентиров нет, ни карт...

– Тригняда сообщит нам, где сидят эти нестигаемые личности. Для тригняды не существует расстояний, ибо она сама – бесконечна.

– Ты гений, Великий Вор-Юн-Гак!

Это признание Хитрому Змею особенно нравилось; и хотя он понимал всю напыщенность и несерьезность восхвалений, за которыми стоят лишь слова, но все равно очень любил слышать о своей гениальности. Слово «гений» действовало на него как аккумулятор.

А пока Змей и Воблид говорили, на планете, неизвестной им, старые астрономы затеяли спор.

– До чего удивительная и занятая эта новая комета! По-

смотрите, она застыла. Она то движется, то не движется, то вертится как юла. Как объяснить сие занятное явление?

– В той комете подвижное ядро. Ядро динамически нестабильно, постоянно изменяет свой момент инерции. Вероятно, оно из какого-нибудь упругого материала.

– Комета вертится вблизи галактики Ж. Но этак она очень скоро врежется в звезды, или разобьется о скалы железных гигантов. Посмотрите, она толкает некий предмет, будто бы астероид. Судя по спектру, он металлический, с примесью неясных компонентов. Он усилит ее падение.

– Да, усилит. Очень скоро эта комета, дикая, нестабильная разобьется вдребезги. Не стоит ее запоминать.

Если бы Хитрый Подлый Змей слушал эти разговоры, он бы очень удивился. Но сейчас он занят. Его манит тригняда.

Тригняда – испорченный смысл, созданный творить и действующий совсем иначе. Тригняда! Где скрывается твоя сущность, твоя невидимая субстанция? Что ты шепчешь незаметно своему хозяину, Подлому Хитрому Змею, жаждущему великой мести? Как бороться с таким злом, которое и не видно, и не слышно, и не действует, но создает предпосылки для действия – эти вопросы занимали вопросы величайших умов, и никто почти не знал ответа.

Вор-Юн-Гак летел на сообщения тригняды, попутно толкая воблидовский колокол и ругаясь про себя. Колокол был очень велик, и Змею неприятно было тратить на него драгоценную мощь. Но иначе колокол не держал курс.

Из-за стремительного перелета между Вселенных мелкие части координационной системы разлетелись начисто, некоторые распались почти до молекул. Поэтому Вор-Юн-Гаку приходилось тащить колокол за собой, пока Воблид, всеми тринадцатью сущностями, ползал внутри и собирал детали рулевой системы; часть деталей он так и не нашел.

Время шло – бесконечное космическое время.

Тригняда работала; ее крошечная мысль летела быстрее чем свет, и притягивала Вор-Юн-Гака. Вот уже виден Мир – Мир Новегов – сверкающий изнутри и снаружи. Он подобен звезде, но в ней горит особый огонь, не подвластный простым физическим законам.

Вор-Юн-Гак это почувствовал, еще когда до Мира осталось 10 в одиннадцатой степени шагов. Он бросил толкать колокол.

– Приехали. Починил? Давай думать.

Из колокола высунулась 9-я голова, вся в железе:

– Ой как хорошо... Почти. Давай!

Змей подумал и произнес:

– Давай ощутим сокровенный смысл их сущности.

– Давай, – согласился Воблид, хотя и не знал, что Змей имеет в виду.

Вор-Юн-Гак замер, застыл на месте – настолько, что даже атомы его тела прекратили колебания. Вор-Юн-Гак молчал, глядя в сторону Мира; ощущения проникали в его разум. Воблид ждал довольно долго (и даже успел полностью

наладить управление колоколом), считал незнакомые звезды и думал, как хорошо было бы кого-нибудь прикончить. Наконец он соскучился и говорит.

– Ну как? Ощущаешь?

– Ощущаю, – сказал Вор-Юн-Гак. – Чувствую. Понимаю, что там есть. У них – имеется нестигаемая энергия и мощь той разновидности, что рождает смыслы. Их сила есть по-настоящему грандиозное свойство. Не какое-то там природное. Неудивительно, что кешерам не удалось преуспеть...

Зойтомара! У них есть антиматерия! Управляемая антиматерия, причем незнакомого мне типа. А мне о ней не сообщали! Охламоны. Зойтомарово отродье, если это так, то к ним нельзя внедриться! Только подойдешь к ним, и привет.

– Что привет? – не понял Воблид.

– А то – пустят в тебя снарядом соответствующего содержания – и взорвешься, просто лопнешь.

– Ох, какой ужас! – прошептали головы Воблида. – А как же Краиниц твой?

– «Шустрая мелюзга» покрыт волно-отталкивающим материалом, да и сам он мелкий, антиматерия избегает таких. Она аттрактивна для крупных объектов, полных содержания.

А кешеры... Хм, не знаю, как это они уцелели. Вероятно, тогда у новегов еще не было такой силы. А теперь вот есть.

– А чего ж делать тогда? – спросила пятая голова.

Вор-Юн-Гак прикидывал.

– Так. Так. У тебя вояки есть?

– Нет. Нету. Ни одной штуки не осталось.

– Какой же ты предводитель вояк без вояк?

– Так ведь я же предводитель, а не инкубатор – сказал Воблид. – Я не выращиваю материал, я им пользуюсь. Я беру готовых типов, делаю из них вояк и командую ими, а они умирают. Что здесь такого? На то они и вояки, чтоб умирать. Беречь их незачем, вредно даже. Потому-то я и предпочитаю брать потенциально готовых солдат на местах. Хотя, новеги такой ценный материал, что... Но ты говоришь, туда не влезть.

– Да. Не влезть. Это ненадежно. Если б мы даже влезли, то нас могут одолеть. Я же не взял с собой настоящую мощь, даже частично. Кипеж Ничтов. Не предупредил. Ну да что. Новегов так просто не одолеть, не перетянуть к себе. Вот если б армия была космических масштабов...

– Да, это было бы прекрасно! – сказал Воблид всеми тринадцатью головами.

– Но поскольку армии нет, придется думать. Соображать. Вор-Юн-Гак вновь застыл, прислушиваясь.

– Тригняда сообщает, что за последнее время было множество стартов космических кораблей. Корабли пошли по разным курсам, но все они засекречены. Что ж, разумно. Новеги не дураки. Они будто знают, что нам надо их ловить поодиночке. Ладно. Пойдем искать.

– Плохо, что матерьяльчика нет – сказал Воблид.

– Ничего. Материал будем брать по дороге. Кто нам запретит?

...

На планете, где много дорог, где жители носят длинные пестрые одежды и любят танцы, появились двое странников. Они были с ног до головы обмотаны самой дешевой, некрашеной тканью, которая в значительной степени скрывала их очертания. Их можно было принять за бродячих певцов или за отшельников.

Один – спрашивал всех подряд:

– Не садилась ли здесь звезда с неба? Был ли в небе голубой вихрь? Кто не умеет считать до ста, могу оказать помощь.

Другой странник не говорил, а шипел, скрипел, рычал – при том, что рот его был закрыт. Он постоянно совал руки под материю, и что-то искал.

Жители глядели на него и хихикали. Они видели, что странник этот – юродивый. Даже говорить не умеет.

Странники шли по миру и видно было, что они не знают традиций. Они глядели во все стороны, они чесали спины, говорили когда надо молчать; очень скоро их невзлюбили.

Стоило им появиться в населенном месте, как отовсюду несло:

– Порченцы! Порченцы идут! Спиночесы презренные!!

В них кидали чем попало.

– Ну, твари!... – шипел Воблид под маскирующей оболоч-

кой – смеют в меня пулять своим барахлом! Ну погодите, я вас всех так разделаю!

– Потерпи немного. – говорил первый «странник» (Вор-Юн-Гак) – Прежде выясним, не пролетали ли здесь новеги. Здешние создания – крайне глупы и ограничены физически, но и к таким порой лезут всякие просвещенные лица.

Вор-Юн-Гак шел впереди и разбрасывал перед местными песок, в котором кое-где блестели крупницы золота, серебра и прочих ценных металлов; местные собирали их охотно. На вопрос Воблида, для чего такое расточительство, Вор-Юн-Гак объяснял, что создает себе «нужный образ».

Жители ползали в пыли и говорили:

– Хоть он и порченец, а добрый. Великая благодетель в нем!

Так, под видом «благодетеля» Вор-Юн-Гак шел дальше.

А следом – неистовый Воблид.

Воблиду кричат:

– Порченец, обчешись! порченец, обчешись! У тебя, видеть, много спин, и все прокисли! Порченец, с тебя труха сыпется!

(На самом деле это не труха, а наружные покрытия брони, которые sluщиваются со временем).

Воблид идет и думает:

«Паразиты! Смеют рассказывать мне про меня! Ничего, час настанет, я... нет, говорить ничего такого я не буду, зато ка-ак врежу...»

На другой стороне планеты нашелся парень в рваной мешковине, который пас каких-то двуногих и который был большой любитель поговорить. За крупинку золота он охотно рассказал, что видел, как бело-голубая звезда ослепительно возникла на небосклоне, пролетела полнеба, а потом пошел дождь – хороший, добрый дождь.

Вор-Юн-Гак дал парню еще три крупинки, и спросил, что было со звездой потом. Парень сказал, что звезда полетела «в ту сторону».

– До чего же ты разумный – похвалил парня Вор-Юн-Гак, – будь и дальше таким. А случилось ли что-нибудь после того дождя?

– Да нет. Ничего. Груши только выросли знатные. – сказал парень и высморкался.

«Альтруизм, чтоб они горели, в деле» – подумал Хитрый Змей. – «Зергеровы подражатели. Скверно». Вслух он сказал Воблиду:

– Их тут не было, но они пролетали мимо. Значит, надо держаться прежнего курса. Идем.

Изумленные жители видели, как огромная струя огня взмыла вверх; рядом летел предмет, напоминающий ведро – из него выпало нечто, что распалось на 5 или шесть частей; каждая часть лопнула и породила ударный фронт. Воблиду очень хотелось знать, что там говорили после удара, да только колокол не остановишь. И Вор-Юн-Гака – тоже.

Дальше был мир с атмосферой из аргона, довольно техно-

логичный мир. Здесь Вор-Юн-Гак устроил нечто вроде лотереи: он внедрился в информационную среду и стал призывать всех жителей преумножить свою мудрость – за счет новых знаний, которые якобы бесплатно раздавали просветительские учреждения. В учреждения он также внедрился и стал действительно раздавать всю информацию просто так.

Жители получали ее и наслаждались – нужно было только прикоснуться своим идентификатором к нужному прибору. Но в той приборе был подвох – он имел выход наружу, к сознанию Вор-Юн-Гака. Так Хитрый Подлый Змей узнавал все, что знают местные. Правда, подавляющее большинство не знали почти ничего интересного.

Воблид тем временем вынул из себя семь сущностей, семь голов – с 3-й по 9-ю. Сущности у Воблида были самые различные – ледяная, огненная, волновидная и другие, одна другой ужасней. Все они принадлежат Воблиду, и каждая стала рыскать по планете в поисках удовольствия. Воблид не знал, что именно он желает, поэтому послал на поиск не одну, не две, а сразу 7 голов. Шесть из них имели физические склонности, а седьмая (9-я по счету) была подчеркнута биологическая.

Движимые Воблидом, сущности охотно проявляли свои таланты. Огонь уничтожал леса, и все что в них было. Льдом заковывало реки – от истока до устья, на всю глубину, рыба превращалась в стекляшки; выл ветер, шел град, крутились смерчи. И хотя такое буйство природы случалось неча-

сто, недумаящие жители жили как жили, а думающие беззаветно увлеклись «бесплатной мудростью», подаренной Вор-Юн-Гаком – той, что он не подарил, а попросту выкачивал из них самих же, и о чем никто не подозревал. Воблид же веселился.

Пока физические сущности действовали, биологическая проникла в потаенное место, где под большим присмотром жила одна особа женского пола. С ранних лет ее готовили к некой важной миссии и потому изолировали от любых посторонних взоров. Она не знала никаких вредных чувств, в том числе и похоти, но имела к ней тайную предрасположенность. Чувствуя это, 9-я сущность Воблида проникла к особе.

Воблиду не нужна была близость или пламенная любовь, и вообще по-настоящему он терпеть не может женщин; но он любит будоражить женские умы. Испуская особые лучи, он опутал особу всю, заковал ее невидимой цепью, парализовал девушку навел. А потом начал пугать. Он рассказывал ей про миры и путешествия, про войну и горе, про богатство и боль; она слушала, не в силах шевельнуться, скованная разговорами 9-й головы. Воблид любит поиграть в «психологическую» войну, и не только с красавицами; ему приятно побеждать безо всяких явных действий. Победить здесь означает напугать, сломить, издергать. Это часто удается.

Но в этот раз особа оказалась строптивой. Едва Воблид ослабил цепи, она закричала:

– Пошел прочь, ты мерзкий, гадкий ящер! Ступай в бездну! В преисподнюю!

«В какую еще бездну? – подумал Воблид – мы же вроде бы летаем?»

– Ужас! Прочь! Уходи! Наваждение!!

«Чего она орет? Я ей ничего не делал»

И действительно, ни одним шипом Воблид не коснулся тела своей жертвы; он просто проник в ее сознание, но физически он был в стороне. Проникать оказалось труднее, чем обычно, и из-за этого 9-я голова потеряла связь с остальными головами.

Внезапно раздался грохот.

Воблид посмотрел – по черной пасти коридора, которого еще секунду назад не было, вдруг побежали, запрыгали тени.

Размер у теней крупный. От них огни летят.

– Это что, десант?

Огромный – в два раза выше – рыцарь выскочил первым; Воблид проткнул его. Второй споткнулся и больше не встал; но после третьего Воблид увидел, что рыцарей не пять, не десять, а целый батальон. Они не стреляли – чтобы не ранить ее, а Воблида простые пули не берут – но двигалось все стремительно. Откуда ни возмись, выросла пятая сущность – она обдала рыцарей жаром. Рыцари слепли, но не отступали; образовывая живой щит, они падали на Воблида; а за ними прыгали другие рыцари. Сверху свалилась двенадцатая голова – в виде едкой плесени, но ее стукнули каким-то по-

лем. 12-я упала парализованная.

– А, проклятый мерзкий ящер! Пришел нашу ... совращать! Негодяй!

9-ю и 5-ю сущности Воблида зажали как в кулак и били, 12-ю сущность топтали, сам Воблид (та его часть, что была снаружи) – судорожно решал что делать; на мгновение он даже решил бомбить потаенное место, но пожалел свои головы. Терять три головы сразу – слишком обидно, тем более в таком не слишком прогрессивном мире. Но он мог потерять их и без этого, поскольку рыцари не церемонились. Воблид слегка растерялся. Но тут раздался голос.

– Эй. Вы. Любители порядка. Зря тревожитесь. Ваша ... ждет вас совсем в другом месте.

Рыцари обернулись. Действительно, та, которую они пришли спасать, исчезла. Вместо нее возник узкий стержень света и говорил металлическим голосом.

– Значит. Так. Я вам отдам. Эту А вы. Пойдете с ящером на поле.

«Какая наглость, – подумал Воблид – называть меня просто ящером!»

Рыцари схватили 5-ю, 9-ю и 12-ю сущности и выволокли их на поверхность. Внезапно налетел ураган – такой, что скалы рушились; сущности Воблида прыгнули внутрь урагана, а наружу из него выпало тело той, что так охраняли.

Она была цела, но без чувств. И не пробуждалась в течение столетий.

А Вор-Юн-Гак уже летел вдаль с колоколом.

– Ну ты, зойтомара, дал! Предводитель вояк называется. Сам собой управлять не можешь.

– Я увлекся, – сконфуженно говорил Воблид. – Немного увлекся. А когда увлекаешься, трудно думать сразу о разном. Ты ее убил, кстати?

– Нет. Вколос кое-что, отчего она не проснется. Или проснется – но спустя некоторое время. Когда у нее уже не будет знакомых.

Вор-Юн-Гак вдруг расхохотался.

– Тонко я придумал. Люблю такие сочетания. Есть множество путей возбуждать горе. Оно очень сильно, когда надежды не сбываются. И не менее сильно оно чувствуется, когда вокруг тебя одиночество. Но когда и то и другое сразу, это создает кумулятивных эффект, действующий не только в месте приложения, но и в других местах, других мирах, галактиках и Вселенных. Пускай поживут, погорюют.

Будут знать, как топтать моего приятеля!

Все 13 Воблидовских голов смотрели на Змея с выражением искренней признательности.

– Здорово! Но разве новеги станут страдать?

– Едва ли. Новеги слишком заняты, чтоб поддаваться на столь дешевые подвохи.

Воблид массировал сильно побитую 12-ю голову.

– Подлецы, как мне врезали. А ты выяснил насчет новегов?

– Отчасти; я решительно просмотрел мозги всех местных – тех, что думают, и не нашел ничего, кроме... – Вор-Юн-Гак выплюнул искры. – Но зато во время заварухи с этой твоей головой я пробрался в Хранилища их памяти. Прimitивно очень устроенные, на основе магнитов и пленок. Там записано, что некие странные образы – да – возникают в определенных районах космоса. Некоторые из них напоминают поля новегов. Летим туда.

– Летим. Заодно я доразвлекусь по дороге.

Летят Змей и Воблид, летят, движутся по странным маршрутам, залезают в чужие миры. В одних пограбят, в других пожгут плоть, наберутся энергетической мощи; еще Воблид набирал себе вояк. Он заполучал их исключительно насильственным путем, поскольку не любил договариваться. Действовал он с помощью методики, которая называется «колпак» – пространственно-энергетическая ловушка, когда жертва оказывается будто запертой внутри некоего помещения, управляемого извне. Это пространство обычно невелико, потому что Воблид очень экономный, но при желании может быть расширено до планетарных масштабов. Для этого только нужны большие средства.

У Воблида нет таких средств, и его ловушки часто размером походят на ящик или на шкаф. Попав в такой ящик, жертва испытывает сильнейшее действие ментальных полей – это нужно Воблиду, чтоб проникнуть в разум, переделать его по своим нуждам. А нужны ему вояки, и ничего более.

На одном искусственном поле Вор-Юн-Гак видел, как в ловушку Воблида попались здоровые мужички, занимавшиеся пустяками – плаваньем и бегом. Они были так увлечены и не заметили крохотный треугольник, что завис над ними; небо здесь было искусственное и треугольник тоже казался искусственным. Он мигнул и распался на множество треугольников такой же формы, только очень мелких; вместе они образовывали сложную фрактальную плоскость.

Плоскость распалась – из нее выросло кольцо, дрожащее, изгибающееся, словно на ветру; из кольца полетели лучи, возникла вспышка – «звездная астра» – так называл Воблид заготовку материи будущей ловушки. «Астра» действительно походила на цветок, из которого вылетали другие цветки и тоже производили материю. Неизвестная материя рухнула на мужичков, и опутала целиком.

Вор-Юн-Гак видел внутри ее ящики и программы для мозгов.

– Что ж. Вполне разумный подход. Правда, для новеков мы сотворим не ящик, мы сотворим... нечто посолиднее. Мы же не хотим, чтоб они оуптели.

Хитрый Змей так сказал, поскольку видел, что в руках Воблида все вояки оказываются сущими простаками. Они подчиняются предводителю, умеют выполнять приказы и умирают без претензий. Больше Воблиду и не нужно; но для Хитрого Подлого Змея этого явно недостаточно. Он думал:

– Война – дело дорогое. Гораздо лучше мор или буря. Од-

нако. Практика «колпака» эффективна. Едва новеги попадутся, я сразу же начну... нет, я не стану никого переделывать или оскорблять, и тем более не стану бить – я лишь намекну, слегка-слегка, о том, что они должны сделать – что мне надо, – и они все поймут. Новеги очень умные создания, они понимают, что ради существования можно сделать все. Ну, конечно, все они не сделают, они сделают лишь часть – для видимости, чтоб показать свою лояльность ко мне. На самом же деле они станут искать путей порвать со мною, скрыться. Но будет поздно. Ступивший на мой путь, уже не отвертится так просто. Это от болезней можно излечиться, но моя болезнь куда глубже. Она не делает дел сама, но заставляет других делать то, что мне нужно...

В тригняде она тоже есть, но пока дремлет. Но это пока.

Так думал Вор-Юн-Гак, Хитрый, Подлый, Змей; он глядел вниз, на миры, где действовали вояки Воблида – смотрел, как они выполняют приказы и убивают чужих воинов, а воины убивают вояк, а Воблид сердится и рубит всех подряд без разбора. Каждая из тринадцати сущностей Воблида имела свое собственное смертоносное оружие.

Воблид говорил, что война – это лучшее занятие и развлечение, без которого он, Воблид, заскучал бы совершенно.

– Почему это я должен слушаться чьих-то мнений? Я не про тебя, Великий; но меня крайне нервируют разговоры относительно того, что война что-то такое портит и кому-то там вредит. Да пошли они... здесь есть чем заняться, да.

Очень даже. Самые разные создания боятся войны... смешно! Как будто они сами не готовы воевать, и не любят этого! Да всем это нравится – иначе, зачем кругом войска и все эти ... героические истории?

Воблиду приходилось драться с кем угодно.

Вот опять он вытянул свои длинные головы на еще более длинных шеях. Смотрит, выискивает, на кого напасть лучше – в Другой Вселенной.

Снова началось.

Предводитель вояк крушил все без разбора, и понимал лишь непосредственную, очевидную выгоду – потому что никогда не любил глубоких анализов.

– Ерундой не занимаемся! Всеми головами.

Хитрый Змей между тем размышлял:

«Независимо от места и от времени. Жизнь большинства существ действительно мало что стоит. Подчеркиваю – мало, а не ничего. Даже самая малая, крохотная живая единица имеет все материю, энергию, и даже – некий смысл, хотя у большинства он, безусловно, ничтожен. По отдельности почти все единицы малы. НО – если собрать их вместе – если создать из них МИЛЛИАРД – и миллиард миллиардов миллиардов, то... Количество переходит в качество, и это означает куда более высокий уровень эффекта... Для кого я это говорю, ведь я это знал всегда. И всегда – действовал именно так. Воблид – он просто всех уничтожает. Это его дело. Но. Действительно. Мой приятель уничтожает всех просто так,

лишь для развлечения. Я же – уничтожаю со смыслом.»

«Какая странная тут погода. Совсем не то состояние космоса. Может быть, меня даже подслушивают – и следят.

А пускай! Пускай только попробуют, сунутся только. К тому же, нажалуемся Ничтову... В его интересах вся эта история!»

«Но пока я наблюдаю лишь мелочь. Осколки смысла. Нет грандиозных систем»

Воблид упал на какой-то доисторический мир и перебил там половину племен. Там были тысячи существ, а у ящера – всего несколько существей (он не атаковал весь). Его очень позабавили затейливо разрисованные мечи того мира – здоровые, но простые.

– Я же говорил – все хотят воевать! И живут ради этого. Иначе, зачем им все эти... зубочистки?!

Вероятно, не все было неправдой в словах Воблида, поскольку, пройдя множество миров, он уже насмотрелся многого. Но он не видел новегов, и Вор-Юн-Гаку вместе с колоколом приходилось идти, лететь, ползти дальше.

...

На краю одной галактики образовалось пятно, по ряду параметров идентичное черной дыре. Оно всасывало в себя энергию, быстро увеличиваясь в размере, при этом не взаимодействуя с материей напрямую. С другой стороны, в зоне действия пятна многие физические процессы резко снижали свою интенсивность, вплоть до полного прекращения.

Таким образом, этот феномен имел явное анти-энтропийное действие, и непонятно было, есть ли у него пределы. В ближайшей перспективе это может привести к энергетической «смерти» той галактики; потом наступит очередь других. Но если в любой момент стабильность объекта нарушится, то произойдет коллапс, выплеск, который нарушит динамическое равновесие всего того сектора. Не исключено, что он перекинется и на другие сектора Вселенной. Смоделировать этот процесс очень сложно, даже на прогрессивной аппаратуре. Однако в Добреголядовой Нови не шутя обеспокоились тем пятном.

К нему на огромной скорости идет большой корабль.

Командиром того корабля назначен Юрий; но все по-прежнему называют его просто Юра.

– В ОНСе решили побеспокоиться насчет звезд. Не хотят, чтобы они гасли преждевременно, тем более что мы пока не в силах их зажечь. К сожалению. А как было бы приятно – зажигать звезды! Я бы тогда сотворил кучу звезд – небольших, с ладонь размером, – и подарил бы каждому нашему товарищу. Ведь приятно иметь свою собственную звезду?

– Конечно, приятно. Но анализ оптического спектра той субстанции – сообщила Аней – указывает на то, что там вообще нет материальных объектов, даже частиц, как при вспышке Сверхновых. Я двадцать раз проверяла все анализы, сотни рандомных тестов, но не обнаружила там даже намека на материю. Поле, одно только поле сидит в том пятне.

Но это же... невозможно! Или мы попали в область с другими законами? Как Вы думаете, дядя Взор?

– Трудно сказать, что там за законы – сказал Взор, – хотя бы потому, что наши познавательные способности все еще не беспредельны. Конечно же, та дыра вовсе и не дыра, а какая-то структура. Но меня, признаться, больше всего беспокоит не конкретный закон, по которому та дырка существует, а сокровенный смысл ее существования. Иначе говоря, причина.

У такой энергетической субстанции просто не было возможности появиться в том месте, она есть вещь либо сверхъестественная, либо – рукотворная... Но разве могут быть во Вселенной существа с такими способностями?

– Ну вот опять сомнения: могут, не могут – вмешался Юрий. – Наша задача предельно проста: изучить ту вещь на расстоянии, если надо –...

Пришла шифрограмма с земли.

– Ликвидировать. Да, это самое верное. Это правильно.

– Командир, о чем пишут?

– Да о том же, что я сказал. Нам поручено устранить этот энергетический могильник. Хм, как быстро. Впрочем, у товарищей аппаратура гораздо мощнее нашей.

– Значит, путешествие будет недолгим. А что если это все же черная дыра, но необычной природы?

– Черная, не черная – какая разница? – сказал Юрий. – Хлопнем по ней антиматерией, и галактика возрадуется.

Главное, чтоб голова в порядке осталась.

– Юра, мне всегда нравился твой оптимизм – сказала Аней.

Корабль вышел в заданный участок сектора. Новеги регистрировали резкое снижение динамики космоса – он словно застыл, повис во времени. Действительно, уровень энтропии здесь минимальный.

Вот оно, пятно! Его электро-магнитные волны точно просчитываются, поскольку оно втягивает энергию. Это дает возможность оценить размеры объекта.

– Некрупный. Не больше звезды.

– Командир, учтите: устранение дыры вызовет перераспределение материи в галактике, из-за чего прежние спектральные ориентиры могут сильно поменяться – как звездные, так и галактические. Как нам тогда вести навигацию? По остаточному излучению? Но оно такое слабое, что едва прослеживается. С ним не долетишь.

– Да, мы думали о этом – сказал Юрий. – Но у нее, у дырки этой, слишком малая масса, чтоб вызвать поистине серьезные изменения; в сущности, поэтому-то мы и спешили, чтоб она не разрослась. Ну что, запускать снарядик?

Система уже получила приказ целиться, но тут Взор произнес:

– Все-таки непонятны цели этой структуры. Нет, конечно, если она дыра, то и ладно... но если в ней заложен некий смысл, способный материализоваться и материализо-

вывать... Не получится ли здесь парадокса, когда из пустоты рождается буйство действия...

– Вы, дядя Взор, опять говорите старое, из давно забытых теорий. Как же может смысл рождаться из ничего? Ничего – оно и есть ничего.

– Да, это малообъяснимо – сказал Взор.

– Значит, атакуем.

Снаряд с антиматерией ударил в самый центр Пятна.

Пятно стало съеживаться, съеживаться слабеть («растворяется»), сообщил автомат-наблюдатель), потом распалось на части и пропало. Приборы новегов показывали, что угрозы галактической динамике больше нет.

– Даже если б она не вызвала катастрофы – все равно та дырка очень... неязящная. Кому она здесь нужна? Да и в других местах.

Все согласились, что, действительно анти-энтропийный объект был некрасивый. В его основе лежат только разрушительные действия, а то, что только разрушает, не может быть прекрасным.

– А как же тогда боевое оружие? Оно ужасно по умолчанию?

– Нет, не всегда. В разумных руках оружие не разрушает, а защищает. Даже когда оно ничего не делает. Оно же позволяет бороться с врагами. Вот когда их нигде не будет – вот тогда, наверное, и от оружия можно отказаться. Только это какая-то ненаучная фантастика.

– Да, трудно представить, что все помирятся со всеми.

Далеко лететь назад, где среди ночи сверкает Добреголядовая Новь. Как и предполагали, ликвидация пятна вызвала некоторое изменение звездно-полевых ориентиров, из-за чего в том маршруте, с которым они достигли «дыры», возникли провалы и неточности; не желая оказаться «неизвестно в какой бездне», Юрий разработал новый маршрут.

Корабль новегов стремительно шел вперед, собирая всю приходящую информацию – сигналы, сигналы, и сигналы.

Некоторые из них повторялись, т.е. имели искусственное происхождение.

– Миры опять шлют нам приветы? Сколько раз уже так было и всем чего-то надо – говорил Взор, настраивая декодер-расшифровщик информации. – Удивительно, как разумные товарищи не догадаются решать свои задачи сами. Или у них есть нечто нерешаемое?

Сигналы были структурированные, но очень простенькие – в графическом виде они представляли комбинации одинаковых точек.

Взор использовал разные программы дешифровки, но всякий раз получались исключительно точки. Его помощник, молодой новег Кленов, высказался на этот счет:

– До чего же здесь все ритмично и однообразно. Будто дождь бьет по воде сто тысяч раз, с одной и той же интонацией.

– А я когда слышал неплохие строчки про дождь, – сказал

Взор. И процитировал:

Вместо слов – одни лишь точки,

Лезут прямо мне в глаза

Роем и поодиночке –

Ничего понять нельзя.

– Это рифмованный текст?

– Да, композиции из одних только слов. Несерьезно, конечно; сейчас никто уже так не пишет. Это сочинили еще когда мы шли на исходном корабле в поисках мира; тогда мы и не догадывались, что удастся создать свою Добреголядовую Новь. Тогда просто не было возможности создать что-то, кроме слов. Мы их тоже рассылали.

Кленов еще раз посмотрел расшифровки.

– Однако в данном сообщении рифм нет, одна лишь ритмичная информация, весьма незатейливая; судя по происхождению сигнала, тот народ даже еще не знает о законах распада.

– Так чего же они хотят? – спросили остальные новеги.

– Они просят о помощи. Сообщают, что в их земле, т.е. планете, появился некий «штрвыспих»... да, так и сказано «штрвыспих», весьма агрессивно действующий. По всей видимости, он бандит или узурпатор. Этот «штр...», короче говоря, бандит творит разрушения, при этом требуя рекрутов в свою армию. То есть он хочет всех поработить. Народ, конечно, возмущен, но противостоять не может, потому что бандит... что это за термин... странное слово... колд... колдов-

ской, что ли? да колдовской, или сверхъестественный. Фантазии. Наверное, этот штр-бандит имеет значительный перевес в области технологий. Говоря кратко, народ страдает.

– Я полагаю, он не сверхъестественный – сказал Взор. – Элементарно ясно, что этот их штыр-пыр – просто жулик на космическом корабле, каких немало, жулик и авантюрист. Им нельзя давать возможность действовать. Как вы думаете, товарищи, стоит нам вмешаться в это дело?

– Конечно, вмешаться! – сказал Юрий. – Как же иначе? Нельзя допускать распространения зла и горя во Вселенной. Если мы им не поможем, то кто? Вдруг вообще никто больше не услышит того сообщения?

Юрий мигнул и корабль резко изменил курс. Теперь он шел в сторону источника сообщения.

И тут инженер, по имени Всеодор, говорит:

– Юра, ты конечно, командир... но исходя из логики, подобные решения лучше принимать коллегиально. Сообща.

– А ты что, струсил?

– Здравсьте пожалуйста! При чем тут струсил? Тут не струсил, здесь просто здравый смысл... требует посоветоваться с товарищами.

– Мы уже советовались. Ты еще предлагал бомбить ту дырку не антиматерией, а ловушкой для фотонов. Какие там, в бездну, фотоны, если она не содержит материи? Ты вообще не разбираешься в космофизике.

– Это кто – я не разбираюсь? Являясь профессиональным

конструктором? Чего-то ты вообще не туда заехал. Я говорю – летим в какой-то ноль, в пространство о котором ничего не изучено, и еще рассуждаем кто струсил, кто не струсил! Безобразие!

– А ты!... А я! Ну и...! Ну и...! Почему я не могу произнести даже простых слов? Это что, запрещено?

Разгорелся жаркий спор. Все в экипаже, были уже достаточно взрослые, чтобы действовать самостоятельно, и достаточно молодые, чтобы спорить самозабвенно и энергично. Сразу возникло две группы – одна поддерживала точку зрения Юрия, другая же стояла за то, что говорил Всеодор, напирая больше на объективные сложности. Зона, где они летели, была абсолютно не изучена новегами, и даже неясно было, есть ли там привычные законы, или они сильно изменены. В ответ им говорили о распространении прекрасного, о том, что «просвещение бессмертно» и т.д.

Новеги перечисляли кучу аргументов «за» и кучу аргументов «против», и никак не могли понять, что важнее. Помогать неизвестно кому, или сначала сделать неизвестное известным!

– Друзья, ну пожалуйста, не ссорьтесь! Мы же товарищи, – уговаривала всех Аней и все успокоились. – Мы столько вместе сделали... Юра, ты командир, никто и не спорит... Но Всеодорик тоже прав. Все что он говорит – справедливо.

– А что я говорю – не справедливо?

– И ты – справедливо, и все... В ваших противоречиях

нет противоречия, то есть – есть, но они не принципиальные. Что-то я сама запуталась. Как нам поступить, дядя Взор?

Взор посмотрел в иллюминатор.

– Поступать можно по-разному, но ребятки, за нашей беседой корабль как-то сам долетел до этого страдающего мира.

Впереди висела планета, источник сообщений с точками. Планета была совсем неизвестна новегам, но даже беглый анализ показывал наличие в ней обширных зон нетронутой природы.

– Ну что, начнем спускать автоматы? – сказал Юрий. – Они же готовы для прогулок по неизведанным землям... правда программы точной в них нет. Надо написать, что ли?

Но никто из новегов не знал, как писать точно. В самом деле, каковы нравы у тех жителей?

Всеодор предложил направить легкий кибернетический зонд для анализа общей ситуации. Зонд, оставаясь невидимым, соберет нужную информацию о местных нравах, обычаях, а возможно – выявит того самого «злодея» и все его слабости; тогда можно действовать.

Новеги решили, что план Всеодора весьма оправдан. Но Аней вдруг сказала:

– Мы можем не успеть. Я пойду вместе с автоматами, чтоб координировать их действовать и как можно быстрее наладить контакт с народом.

– Не похоже, что критическое – заметил Юрий, – раз пла-

нета без видимых повреждений.

– Все равно, я пойду вместе с автоматами!

Новеги принялись ее отговаривать, но Аней была очень упорной. К тому же, она была уверена, что именно ей удастся вступить в контакт с жителями.

(Уверенность Аней была обоснованной – помимо множества талантов, она была профессионалом по педагогике и общественной работе)

– В общем, ребята – я спускаюсь.

– Погоди, Аня, я с тобой пойду – сказал Юрий.

– Тебе нельзя, ты командир корабля.

– Ну тогда пускай хоть кто-нибудь пойдет. Не можем же мы отправить тебя одну, хоть и с автоматами!

Все опять начали было спорить (потому что каждый хотел пойти), однако Взор, который уже подготовил всех автоматов-исследователей, заложил в них все программы, подмигнул Аней и они вдвоем сошли исследовательский быстр.

– Товарищи! Мы пошли.

Быстр отделился от корабля и стремительно подошел к планете. Вот он уже в атмосфере.

– Товарищи, атмосфера приемлемая, даже дышать можно.

– Товарищи! Сели! Потерь и повреждений нет. Приступаем к работе.

В ответ Юрий кричал:

– Поняли! Держим связь!

– Как это у дяди Взора все так ловко получается! – сказал Кленов.

На самом деле, Взор не любил долгих разговоров там, где можно действовать. Под его руководством автоматы, уже прорубали просеку в чаще. Быстр сел на узенькую поляну, сшибая бурьян и ветки; его штреки встали на мох между грибами и старыми кустиками. Пахло прелостью.

– Да, в такой чаще могут завестись бандиты – сказал Взор. Быстр нарочно сел в глуши, чтоб не пугать местных.

Во все стороны была стена леса; благодаря приборам координации и фотографиям с орбиты, Взор и Аней решили, что до ближайшего крупного поселения надо идти сквозь ту область чащи, где были серые и сиреневые стволы.

Автоматы смело шли вперед, шлепали сзади. Каждую секунду Взор и Аней анализировали местную природу и поражались ее разнообразию.

– Удивительно, то чего изобретательна природа! – говорила Аней. – У нас никто и не догадывается, что живые организмы можно устроить таким способом... интересно, дядя Взор, если б мы нашли не тот мир, где стоит Добреголядовая Новь, а этот, покрытый лесом – то как бы сложилась наша история?

– Я думаю, так же, – сказал Взор, – или было б даже чуть скучнее, потому что здесь всего много. А когда всего очень много, это быстро перестают ценить. Перестают думать.

– Да, мы помним, чрезмерное изобилие вредно. Но все-

таки здесь так забавно! До чего удивительные, потрясающие формы нас окружают! Вон у того дерева как будто настоящее лицо – рот, нос и морщины. А рядом из кустов глядят глаза...

Глаза!

В нескольких шагах на них глядели испуганные глаза – два синих эллипса.

Автоматы замерли, в ожидании приказов, но Аней вдруг забыла все, что надо говорить. Взор зачем-то стукнул себя по карману с оружием.

Обладатель глаз повалился со страха, но тут же вскочил и бросился в чащу – удирать.

– Стойте, товарищ! – кричала Аней, – Гражданин! Как вас правильно... мы!... к вам!... Это не ваше послание про....!

– Как быстро драпает! – сказал Взор. – Сразу видно – тренированные убежать.

Глазастый умел не только бегать, но и очень ловко прыгал; он легко увернулся от кустов, покрытых шипами, перепрыгнул через два омута, и едва не влетел в гости к хищникам, севшим было пообедать; хищники жили в логове из земли вперемежку с сухой травой, но глазастому удалось удрать.

Впереди был откос, а за ним – равнина; глазастый собрался было сделать еще один мощный прыжок, но споткнулся о что-то гибкое (вероятно, о корень) и кубарем полетел вниз по шуршащему косогору. Его одежда, полная пестрых пятен и складок, вертелась колесом и ужасно мешала ему. Он да-

же не мог понять, где руки и где ноги. Приземлился прямо в улей землянцов (жалящих насекомых).

– Охти мне-е-е!

И действительно «охти» – землянцов здесь тысячи, и они очень дружно действуют.

– Зтр-зтр, щади-здом!!! – закричали землянцы. – Рrrrrr-развлечение!!!!

Глазастый застыл – от страха и еще потому что в улее все было очень липкое.

Плохо бы ему пришлось, но разкомовская команда – Взор, Аней и автоматы – уже прибежали.

– Кажется, вы в несколько затрудненном положении, не так ли? – спросил Взор.

Местного жителя успели вынуть из улея еще до того, как число укусов стало смертельным. Потом стали налаживать с ним контакт; глазастый был уверен, что разговаривает во сне.

Он никогда не видел автоматов.

Корабль новегов медленно двигался по орбите того мира, по направлению вращения. Исследователи ни на миг не теряли связи с командой Взора и очень удивлялись тому, что им пишут: Взор и Аней сообщали о вещах, с которыми никто из новегов не сталкивался.

«... называют себя «чаль». После налаживания короткого контакта, местные жители (чали) отвели нас в населенный пункт Р-м, считающийся у них главным поселением.

Р-м называют городом, хотя там полностью отсутствует характерная городская инфраструктура, общественные и промышленные предприятия. Любое производство достигается народом чаль путем странных операций, никак не связанных с реальной деятельностью. Если чаль чего-то захочет, он принимает определенную позу (часто – неподвижную, но не всегда), вводит себя в состояние, которое называется «нягов» (возможны варианты «негев», «нгив», «няг»). В результате в теле такого искателя непонятным образом появляется то, что он просит. Потребности народа чали исчерпываются исключительно биологическими нуждами, однако в любом случае эффект такого действия поражает. Нягов, по всей видимости, является особенным состоянием их мозга, при котором возникают сложные мыслительные процессы; вероятно, имеет место самовнушение или телепатия, т.к. нередко призывающий «нягов» может «видеть чужие мысли». При этом зафиксировать хоть какие-либо изменения организма чалей в состоянии «нягов» абсолютно не удастся. Сами же местные абсолютно неспособны описать это удивительно состояние...»

– Жуть какая! – произнес Юрий. – Мы что, в сказку попали? Это же лишь в сказках и прочих устных произведениях добро возникает из ничего. Или у них там есть скрытый материализатор воли?

«... отсутствует оружие, как боевое, так и предназначенное для труда. Р-м представляет собой причудливое пере-

плетение растительных и горных массивов, в котором можно видеть некоторые элементы структуризации, с подразделением на «дома» и «комнаты». В «домах» отмечено большое количество паразитов самых разных форм. Повсеместно регистрируется грязь. В целом, общее состояние природы не располагает народ к процветанию...»

«Я и Взор разобрали кучи мусора... сожгли какую-то болезнь... Чали прыгают и ликут»

«... складывается впечатление, что взрослых, или лиц, способных рассуждать по-взрослому, в народе чаль почти нет; поражает удивительная простота и наивность их суждений... они даже не понимают, что такое индивидуальная смерть, хотя она случается здесь постоянно. Как же они послали то сообщение?»

– В самом деле, как? – спросил Всеодор. – Эти дети чистой природы, без всяких научных представлений... вдруг взяли и отправили привет к звездам? Это невысказано, такого в принципе не может быть. Разве что кто-то отправил за них? Ох, товарищи, боюсь здесь есть некий подвох ...

«... Взора, по всей видимости, боятся, поскольку всюду, куда он ни пойдет, чали сразу же прячутся и дрожат. Это в высшей степени странно, тем более что дядя Взор придумал схему по уничтожению паразитов и плесени, и она уже успешно действует. Автоматов также стараются избегать.

Но ко мне они проявляют какое-то особое влечение. Вряд ли оно вызвано одним лишь чувством благодарности. Чали

нравится быть возле меня, более того, они постоянно хотят трогать и ладить мое туловище, отчего мне очень неловко. Неловко в смысле стыда и смущения. Взор однажды рассердился и немного их побил, однако это не убавило той странной тяги.

Передаю дословно разговор.

Они: Прекрасная! Будь нашей (неразборчивое слово – не то цапля, не то царица)... Будь нашей прекрасной женщиной (?)... »

Я: Я не могу быть только вашей, поскольку я не собственность. У меня есть долг и товарищи.

Они: Останься с нами!

Я: Зачем?

Они: Останься с нами навсегда! Так наш народ достигнет (неразборчивое слово), найдет свою (неразборчивое слово).

Я: Мне приятно слышать ваши восторженные отзывы, но... скажите, чем я вам так нравлюсь?

Они: Ты – прекрасная!

Я: Что за детские характеристики. Разве можно судить по внешности?»

Здесь связь прервалась. Внезапно. Новеги стали лихорадочно все настраивать; Юрий даже кулаком в экран стукнул.

Но дело, похоже, было не в аппаратуре. Просто сигналы кто-то проглотил.

Пока новеги старались возобновить связь, на экране вдруг выпрыгнуло.

«Их демон здесь!»

«Налаживаем контакт»

– Что за нелепость – контакт с бандитами! – пробормотал Юрий. – Надо действовать! А откуда пришел сигнал?

– Непонятно! Вот опять пропал...

Аней глядела на «демона».

Демон – кособокий тощий тип, с дрожащим телом, закованным в шипастую броню. Судя по горящим электронным индикаторам, он был из числа «космических» созданий; впрочем, если бы он не стоял вертикально, его можно было бы легко принять за природного хищника. Он был раза в полтора выше Аней, но не казался мощным. И тем более страшным.

Демон поглядел, поглядел, а потом открыл пасть, и стал медленно облизываться.

– Это вы притесняете народ? – строго сказала Аней.

Ее декодер быстро разгадал форму мыслительных волн, на которых думал этот тип.

Демон вздрогнул и чуть не подавился языком.

– Кого... кого это я притесняю? Что за бред? Я лишь действую в своих целях... Нужны мне такие ничтожества! Они даже для пешек не годятся.

– Насчет вас мы имеем сообщение о вреде и насильственном покорении других народов.

Демон втянул язык:

– Каких еще народов? А, был здесь один, но я их употре-

бил... Использовал по назначению. Ну и что? Или я затро- нул ваши интересы? Но я прибыл первый, когда существ вашего типа здесь еще не было...

Демон как-то сразу сообразил, что Аней из числа «просвещенных», т.е. космически прогрессивных созданий.

Из кустов высунулись чали:

– Вот, великий демон... мы тебе нашли хорошую поте- ху... Бери ее и не пугай нас больше разговорами о плоти!...

– Так вы что – восхищались мной, чтобы предать меня? – удивилась Аней.

– Разве нельзя? – спросили чали.

– Но это как-то... невежливо. Даже некрасиво.

– Красиво то, что полезно!

– А вот и нет, – начала было Аней, но тут демон покрыл- ся красным цветом. Вероятно, он выпил чью-то кровь или красный сок. Демон переварил краску и сказал:

– Не возитесь с ними. Все они – барахло. Барахло, которое существует лишь для того, чтоб подохнуть. Они вырожден- цы. Сигнал, что вы получили, уже ни к чему, ну и что ж... вообще, зачем кого-то спасать? Вы можете улетать спокойно.

– А вы – останетесь?

– Я – останусь.

– И будете продолжать давить соки из этого несчастного мира, с богатой природой и бедными существами?

– Подавлю некоторое время, а что, нельзя?

– Это безобразие! Так нельзя существовать. Я буду вы-

нуждена заставить вас прекратить это, а то...

– Ага! Вы – мне – угрожаете?! Ладно, я буду короче. Просвещенцы!!!

Демон вихрем влетел туда, где стояла Аней, но поймал лишь пустоту. Не успел он удивиться, а его уже потрянуло – Аней сбоку ударила по челюсти, а потом еще в область ног.

Демон отскочил в кусты, и нажал скрытые кнопки.

– Я могу не воевать, я – предводитель вояк!!

Аней услышала дикий, пронзительный скрежет, словно тупой металл скреб стекло. Но на самом деле это отзывались «вояки» – жестокие существа на четырех ногах, приспешники демона. Они не имели выраженных голов, зато их тела покрывали когти, вылетающие градом; когти те пробивали камни насквозь. Каждого такого вояку можно легко подбить выстрелом, но их было очень много, целый батальон, и к тому же стрелять было уже почти нечем. Все заряды, кроме одного, Аней использовала для борьбы с крупными хищниками.

Вояки, примчавшись, образовали полукруг между Аней и лесом; их когти вот-вот уже должны были выскочить, но вояк что-то сдерживало. Они тряслись от нетерпения.

Демон вылез из кустов.

– Что, прекрасная? Еще раз предлагаю тихо смыться.

– Я с вами ни на какие сделки не пойду! – сказала Аней решительно.

– А – не хотите? А раз так, тогда что, ... Эй, это чего там

в небе вертится? Радуга взорвалась?

На вояк посыпался дождь – частый дождь из огненных капель.

Взор в это время находился на другой стороне планеты, но ни на секунду не терял мысленной связи с Аней; едва она вступила в контакт с демоном, как он сразу понял, что это за тип такой, и каковы его интересы. Взор моментально вскочил на ввысев (аппарат вроде планера, но с двигателем):

– Хорошо, что я взял гранатомет рассеивающего боя. А то все эти разговоры... малоэффективны.

Ввысев стрелой вонзился в небо и набрал дикую скорость; не прошло и трех минут, а Взор уже видел под собой руины прежних зданий, заросшие лесом, болота, и островки очищенных участков. На одном из них чали приносили свои жертвы, в чаянье задобрить демона.

Взор подумал, что, наверное, когда-то здесь был парк или ботанический сад – слишком много осталось колонн и ступенек. Здесь он увидел Аней.

– Действуем. Целимся. Давим на спуск.

Спуск активирован – и небо над вояками окрасилось в различные цвета.

Фотонные заряды, проходя сквозь влагу воздуха, закручивали и сдвигали их; свет преломлялся, и казалось, что это радуга бьет цветным дождем. Однако капли ее были хлесткие.

Залпы гранатомета разорвали вражеский строй; одной

капли хватало для серьезных повреждений. Вояки, обескураженные, двинулись было на Аней толпой, но все попадали, не добежав; другие пытались отстреливаться, и тоже падали.

Третьи катались на земле под градом фотонов. Батальон рассыпался.

– За-разь-а... – пробормотал демон. – Понабрал я слабаков.

Он снова прыгнул на Аней, но был отброшен. Тут рядом ударил заряд гранатомета (к сожалению, последний).

Демона перевернуло.

Аней достала фотонстрел.

– Ну, не медли, товарищ! – крикнул Взор.

– Да я вас... – заскрежетал демон, но Аней уже нажала на спуск.

Вспышка отшвырнула демона – прямо на камни. Больше он не поднимался.

– Я его что... застрелила?

– Да. Надеюсь. – сказал Взор.

Демон лежал неподвижно; на миг Взору показалось, что рядом с тем местом, где упал шипастый захватчик, появились еще трое – с разными телами, но с абсолютно одинаковыми мордами – такими же, как у первого; это длилось меньше секунды. Не успел Взор спросить Аней, видела ли она это, но тут демон исчез, а небо стремительно почернело.

Туча – гигантская туча в четверть небосвода – загородила собой светила; в туче было множество выступов, впадин, бо-

розд под разными углами; она была вся какая-то изодранная и вместе с тем имела определенную форму – не из простой природы.

Чали попадали от страха; крича о проклятии, они плакали и изо всех сил просили не уничтожить их.

Туча молча двинулась – прямо на Аней и Взора.

В эфире «Добреголяда-3» шли сплошные помехи; однако, информацию о том, что случилось, поняли моментально.

– Наших!! Наших захватили!!

– Давайте! Думать! Действовать!!

– Думаем организовано. К счастью, «туча» не сверхсветовая. Не сверхсветовая. Почти обычная. Значит. Догоняем тот корабль, с помощью кумулятивных зарядов пробиваем в его скорлупе брешь – надо бить так, чтоб не случилось полной разгерметизации, а потом...

– А из чего состоит его скорлупа?

– Кажется, она примитивно-металлическая.

– Ребятюшки, не мудрим – действуем.

Взора и Аней несло по сложному пути. Внутри «тучи» был целый лабиринт из ходов, щелей, отсеков, похожих на соты; очевидно, лабиринт имел сложную симметрию, где выделялись несколько основных лучей, сходящихся в центре. Кругом были выступы, ржавые железки – за одну такую Взор сумел ухватиться и уже поймал было Аней; но какая-то неестественная сила оторвала ее, понесла прочь и бросила наконец в самом центре.

Центральная часть «тучи» походила на половину обкусанного бублика. Кругом стояли неработающие приборы – компьютеры, блоки с микросхемами, манипуляторы в трещинах.

Здесь же лежало различное оружие, холодное вперемежку с огнестрельным, почерневшее от времени и почти новое. Работавших аппаратов было очень немного – лишь в двух-трех местах и все они горели неприятно-зеленым цветом на белых панелях.

Аней упала и тут же перед ней выросли командиры «тучи» – шесть или семь существ с разными сущностями, однако головы у всех были одинаковые, как под копирку – головы того ящера.

Один ящер, самый худой, заорал:

– Ага, въехали, значит?! Любители просвещения?! Как вы смели атаковать мою сущность, я же не давал вам никакого повода... эти чальцы достойны лишь того, чтоб их уничтожать и...

– Подлец. – проговорила Аней.

– Чтё-ё-о-о-о?!?! Я подлец?!?! Да я вас, да я вам...

Ящер задохнулся от ярости, но другой, более крепкий, сказал:

– Так. Чего это я бешусь? Наша цель вообще другая. Хотя, здесь есть явная угроза и ее надо устранить.

– Да? – сказал третий ящер. – А вдруг я вляпаюсь? Вдруг она из этих, ну из этих...?

Ящеры разом посмотрели на Аней.

– Она? Да не похоже... Или похоже? Да, чуть-чуть похоже... Или даже не чуть-чуть. И что тогда? Я не хочу связываться с этими. Я не... – ящеры замолчали.

Снаружи шел какой-то писк.

– Звездный дождь, – сказали ящеры и опять уставились на Аней:

– Где твои приятели?

– Здесь! – ответило эхо.

«Добреголяд -3» уже проломил стенку тучи и летел к центральной части.

Один ящер догадался:

– Это что? Те? Сами пришли?

Но его уже сшибли. Новеги прорвались в отсек, не испытав особых трудностей.

(В корабле Воблида была специальная площадка, куда он время от времени заманивал доверчивых существ, способных перемещаться в космосе. Это также был способ набора «вояк», и площадка та почти всегда стояла открытой, и сперва очень даже помогала. Но доверчивые повывелись, а потом и сам Воблид про нее забыл. Площадка была совершенно доступная – Хитрый Змей это заметил в самом начале, но не стал ничего говорить. Размер площадки – огромен!)

«Добреголяд-3» просто пролетел – почти до самого Воблида!

Дальше нужно было уже действовать «вручную». У новегов был талант чувствовать своих товарищей.

– Анька, держись!!

Ящеры были разные и очень сильные на вид – но новеги были ловчее. На груды оружия Всеодор сбросил туманное поле, и все мечи, все пушки пропали. Не исчезли вообще, но сделались невидимыми. Ящеры принялись атаковать естественной мощью, но не слишком получалось.

– Штукер!!– кричал один, полу-биологический, с ртутью вместо крови. – наших бьют!!! Надо скорее звать Великого, а то меня... зарр-аза!!

Целых пять ящеров навалились на Аней и давили нещадно; новеги раскидали четверых, но пятый – самый наглый – вцепился зубами и не отпускал.

Он целил прямо в лицо Аней.

Тут «тучу» потрянуло.

Все попадали; Юрий присел на корточки, и вскочил и нанес ящеру страшный удар под челюсть. Ящер зашипел и чуть ослабил хватку. Прямо под нос ему Юрий упер заряженный ствол; от выстрела голова ящера уцелела, но сам он временно потерял координацию.

Аней была без сознания; Юрий схватил ее.

– Ребятишки, отступаем!

Новеги моментально оказались в «Добреголяде».

– Двигатели! Активация! Полный! Самый! Разнесем этот рассадник! Все на месте? А где Взор?!!

Взор остался в лабиринте.

– Искать?

– Юра! Приборы... местное поле, чтоб его, подавляет наши энергетические потоки! Запуска нет!! Двигатели словно парализовало!

– Активировать! Искать Взора!

Новеги не могли знать всего, что происходит в «туче».

– Не уйдут. – прошептал Воблид. – Я же не полный идиот. Я не зря возился, чтоб терять зря время. Мой колпак непробиваем. – Он помолчал и добавил. – А все-таки здорово мне врезали.

Его никто не видел. Новеги победили 12 ящеров, а тринадцатый сидел в стороне, берегся. Он ждал, чем кончится возня. Когда стало ясно, что силовой метод не действует, он ринулся в отсек, генерирующий поля. Он мог создать поле огромной величины, размеров с целую звезду и при этом очень злое.

Возникнув, оно подавило энергетические волны двигателей «Добреголяда», обволокло их чем-то энергетически пагубным, липким. Это нужно было, чтоб «Добреголяд 3» не взлетел.

Ящер был хитер. Но он забыл про Взора!

Непонятно как, но Взор прополз по лабиринту прямо в тот отсек, где создавались поля. При виде его ящер опешил.

– Вы не сгорели? Странно...

Вместо ответа Взор сшиб его с ног; потом действием – совершенно неясным для ящера – он застопорил рождение поля.

«Добреголяд 3» снова мог взлетать.

Ящер вскочил – с клинком наперевес.

– Ах, вы так?! Тогда я, я... – Взор опять сшиб его – зарь-аза, щучья жизнь... Активировать возврат!!

Тучу дернуло, развернуло, и понесло по прямой. Остановить ее было невозможно. Корабль на огромной скорости летел туда, где не было ничего – только лишь пустота...

Взор сразу понял, что это за место.

– Опять та сущность! Опять та проклятая, проклятая субстанция, как в той дыре! Товарищи! Товарищи! Вы меня...

– Взор! Взор!!!

– Товарищи, мы летим прямо в дыру! В бездну! Где конец всему!

– Вырвемся! Вырвемся! Что за... Взор!!! Тяга слабеет!!!

Это из-за дыры?

– Да! Из-за дыры! Не выходите из корабля! Я создам тут выброс полей... они вытолкнут «Добреголяд» наружу!

(– Продырявлю! – бубнил ящер, но Взор опять его отбросил)

– А ты?!

– Я останусь.

– Нет! Взор!!! Нет! Мы тоже остаемся! Взор!!! Взор!!!

Взор уже запустил выброс.

Огромная струя подхватила «Добреголяд», и подобно играющей с щепкой волне, выбросила его далеко за пределы «тучи». Новеги хотели развернуть корабль, но управление

заклинило. Наконец, оно пришло в действие.

– Взор!!!

«Туча» подошла к черной дыре, повисела немного, а потом опустилась вниз, будто утопая. Волны, идущие от Взора, пропали. И черная дыра – «бездна» – исчезла.

Едва очнувшись, Аней спросила:

– Мы вырвались?

– Да, – произнес Юрий, не зная что говорить дальше, и боясь сказать что-то еще. Любые слова казались ему сейчас неподходящими.

– Товарищ, прошу Вас пока не разговаривать во избежание осложнений. – сказал автомат-врач, обращаясь к Аней.

Ящер изорвал ей пол-лица.

Все что произошло – на планете, поросшей лесом, внутри корабля-«тучи», исчезновение дыры – все это (правда без подробностей) видел и наблюдал Вор-Юн-Гак, Хитрый Подлый Змей. Он получал информацию от сущностей Воблида, ставшего чем-то вроде приманки. Хитрый Змей уже отчаялся обнаружить большие группы новегов, и покинул Другую Вселенную, объясняя это необходимостью «повысить энергетическую мощь». На самом же деле Вор-Юн-Гак хотел, чтобы оставшийся без контроля Воблид разошелся вовсю, возомнил себя великим и сокрушительным в масштабах космоса. Надо признать, желание Воблида подавлять других действительно не имело пределов. Воблид создавал несовершенство – ту самую вещь, с которой боролся новеговский

народ. Хитрый Змей был уверен, что в борьбе с несовершенством рано или поздно новеги наткнутся на какую-нибудь сущность Воблида, начнется схватка, и заработает «колпак» – сжимающее поле.

Однако прежде чем оно было создано, «Добреголяд 3» вырвался за пределы Воблидова корабля – колокола, а сам колокол ушел в бездну, в черную дыру. Взор нарочно разрушил схему управления, чтобы Воблид со всеми своими головами не мог увести колокол от той бездны. Взор хотел уничтожить его и сделать это наверняка. Он не боялся ничего.

Но даже он, мудрый и смелый Взор, не знал, что та бездна была вовсе не бездной. Это был всего-навсего обратный портал на основе энергии Ничтова и «моей печали» Вор-Юн-Гака, портал, ведущий из Другой Вселенной в Эту. Эта Вселенная была исходной, именно в ней действовали и Вор-Юн-Гак, и Воблид, и Ничтов, и... Зергер, Отец Смерти, создатель новегов. Но Взор этого не знал. Он лишь чувствовал, как трещат узлы колокола.

– Сжимаемся. Сожмемся. Не исчезнем, а всего лишь коллапсируем. Ну да что поделать.

Взор подумал было, что смерть – самая обычная вещь в мире, однако тряска вскоре пропала.

Колокол встал посреди космоса. Взор почувствовал снаружи шум, какой бывает при космическом ветре. То был шум незнакомый Вселенной.

Существо с тринадцатью головами стояло прямо перед

Взором. Некоторые головы казались поврежденными.

Взор сразу же все понял, но не стал произносить никаких фраз. Это бесполезно.

Воблид пристально глядел – всеми тринадцатью головами, но не говорил, очевидно, просто не знал, что сказать.

Наконец одна голова открыла рот, подвигала языком. Потом вдруг затараторила:

– Чтоб я еще раз стал связываться с такими, которые все схемы изорвали, я дурак законченный, никого кругом, все смотались, ужас просто! У меня к вам лично ничего, ничего я к вам не имею... пусть великие разбираются.

Взор не ответил; Воблид потер пятой голове нос.

– Я к вам ничего не имею ... но великие пусть сами решают.

Взор хотел поинтересоваться, кого здесь принято называть великими, но Воблид уже не хотел разговаривать. Его головы тряслись, побитые, помятые, полные внутренней боли, из них то и дело вылетало – отрывисто:

– Схемы! Схемы! Управление опять пропало, чтоб его!... опять все чинить! А как чинить? Что я, слесарь бездарный?!

От Воблида в тот момент трудно было что-то узнать.

– Воблид дал. Ох как дал. – просвистел Вор-Юн-Гак, перекручиваясь. – Этот мой приятель, привыкший быть профессиональным военным деятелем, героически упустил новегов. Фактически, новеги его побили. Отколошматили. А это их лицо... я сам в смятении от его идей. Он не Зергер,

но думает как Зергер.

Ничтов, говоривший обычно невыразительным голосом, на этот раз почти взбесился:

– Нет, вы посмотрите! Посмотрите, Великий Вор-Юн-Гак, как они напакостили! Сколько вредного смысла создали! Какие вредные идеи навешали! Породили и творчество, и открытия, и производство... Это прямая угроза Пустоте! Великолепной Пустоте, Пустоте без которой все развалится. Этот Зергер ваш...

– Зергер не мой – возразил Вор-Юн-Гак. – С чего вы взяли, что он мой. Наоборот, я хотел его убрать – с помощью новегов, но теперь вижу.

– Новеги это ужас, ужас, ужас!!

Ничтов вертелся как юла, полагая, что его все равно никто не видит. Хитрый Змей – тоже не видел, однако знал, что Ничтов сейчас в очень возбужденном состоянии. Никто другой не знал даже этого, поскольку Ничтов вертелся молча.

– Плевать на Зергера. Новегов надо прикончить. Их надо устранить раз и навсегда.

– А его? – спросил Вор-Юн-Гак (он имел в виду Взора).

– Его убейте первым.

Хитрый Змей мигнул – вокруг Взора возникла мгла и сжала его мертвой хваткой. Это был «индивидуальный колпак», сделанный по технологии Воблида, но усовершенствованный. Сквозь него уже нельзя прорваться.

Ничтов прыгал невидимкой.

– Так. Так. Собрать силы. Я сам соберу войска, сколько необходимо и... Воблида тоже берите, нам нужны полководцы... Средства, средства ... средства есть... Надо выделить.

– Да, надо, – согласился Вор-Юн-Гак, который знал сколько это стоит – надо проникнуть в Другую Вселенную, да еще с войсками.

– А этот... этот их, который остался? Вы его уже ликвидировали?

– Да – ответил Вор-Юн-Гак. И соврал.

(Взор все понимал; поля «колпаков» не могли подавить его сознание. Взор мог мыслить и чувствовать, но не имел возможности даже слегка шевельнуться. Сжало.).

– А сколько их, новегов этих? Сколько их числом? Змеевы советники зашуршали:

– С абсолютной точностью сказать нельзя, о великий Ничтов, но, экстраполируя, исходя из эмпирических наблюдения и линейной модели роста с малой гиперболизаций... Новегов ориентировочно пятьдесят-семьдесят миллионов. Или сто.

– Сто? Это хорошо. Хорошо, что их немного.

«100 миллионов – немного? – подумал Вор-Юн-Гак – Это прелестно. У старого кипежа мания гигантизма.»

– Я полагаю, миллиард истребов – рвущих и испепеляющих – нам хватит. Это значит... на сто тысяч обойдется перенос и еще, э-э-э,...

Змей опять подумал:

«Одним махом извести энергию 100 тысяч звезд? Мощно. Я бы ни за что не додумался до такой щедрости».

Вслух он произнес:

– Ваше величие неоспоримо, господин Ничтов. Новеги утрутся.

– Конечно. Обязательно! Новеги утрутся. Все помрут, помрут, помрут, будет радостным мой труд, мой труд! Ура!!!

Предвкушая радость громкой победы, Ничтов даже стал сочинять рифмы, и говорил о том, что очень-очень-очень скоро великий флот настигнет ту нелепую часть мироздания, что называется Другой, мощь истребления обрушится на новегов и великая Пустота восторжествует. Ничтов говорил очень долго.

Вор-Юн-Гак больше молчал.

«Но какой мне прок уничтожать новегов?»

Добреголядовая Новь! слышит ли она звуки бури, что опять идет к ней – это буря, не похожая на все земные, буря, полная зла, бесконечно беспощадная? Видят ли те, кто живет в мире новегов, ту крадущуюся тьму? Знают ли? Эх, если б знать, что будет, так и жизнь была бы чуть-чуть полегче...

В Другой Вселенной тоже имелись существа, равные по мощи Ничтову и Вор-Юн-Гаку, или даже превосходившие их; однако настроены те великие создания были удивительно инертно. Они все видели, но предпочитали оставаться в стороне от событий.

– Я вижу комету, которая в бешеном темпе несется сквозь космос... Она вообразила себя грандиозной. Глупо. Эта яркая лента рискует врезаться в бездну. Она ничего не сообщает.

– В последнее время отмечены всплески полей и волн, образованных энергией, не характерной для нашего пространства. Их производят пришельцы – бродяги и авантюристы из других измерений. Как им хочется попользоваться нашим веществом... а нельзя ли сие пресечь?

– Думаю, нет, ибо измерений бесконечно много. Не все они населены, но даже часть из них настолько наполнена тварями, что даже вечности не хватит, чтоб их утихомирить. Твари действуют – вследствие несовершенства. Мешать им – значит, унизиться до их уровня.

– Да. Да. Мешать не стоит.

Неудивительно, что Воблид, при всем хаосе его «стратегической базы» (корабля-колокола) мог творить что угодно, даже не задумываясь о последствиях. Но сейчас он сидел тихо и залечивал свои сущности. Некоторым из них новеги надавали очень сильно.

Ничтов, полный азарта, сновал по своим мирам, собирал войска; он объявил, что «в таком исключительном деле власть Пустоты» (т.е. его, Ничтова) должна распространяться на все сферы – «и на подготовку войск, и на их перемещение сквозь космос, и на составление стратегических планов». Таким образом, Ничтов фактически стал руководите-

лем операции, оттеснив Вор-Юн-Гака. Хитрый Змей, конечно, разозлился (не показывая этого), но сразу сообразил: если Ничтов так хочет, то пусть он ломает голову над сложными вопросами организации и уничтожения.

Тем более что Вор-Юн-Гак вовсе не мечтал о славе «истребителя новегов»; он хотя и считал, что «высокие идеалы – это бред крошечный», но все-таки желал избежать личного участия. На это его натолкнули мысли, возникшие после разговоров со Взором.

Взора сковала материя «колпака», внутрь которого не проникало ни единого лучика. Вор-Юн-Гак ждал, когда Взор начнет страдать от отсутствия всего, а потом, не дождавшись, принялся задавать коварные вопросы.

В «колпаке» было «окошечко» – область, где материя могла раздвигаться, делая доступным контакт с тем, что в «колпаке». Сам «колпак» Змей забросил на одну из гор одного мертвого Мира – голую гору, высокую-превысокую и окруженную пропастью. Вор-Юн-Гак почему-то вообразил, что если даже новеги и проникнут в тот мир (из Другой Вселенной!) и отыщут (!) астероид (это был астероид, называемый миром из-за крупных размеров), то их будет легко атаковать. Как это все может произойти, Змей и сам не знал.

Его смущало то, что временами он отчетливо видел Взора – хотя «колпак» непроницаем – безо всякого «окошечка». Это было, мягко говоря, непонятно.

... Взор пропал и появился, опять пропал. Вор-Юн-Гак

дергает головой и шепчет ругательства; подлетает к «окошечку», глядит и спрашивает:

– Что – висите?

– Висим. – отвечает Взор.

– Не скучно Вам?

– Нет, пока не скучно. У меня множество идей, думать о которых можно бесконечно долго.

Хитрый Змей помолчал.

– Не бойтесь – умереть?

– Очень надо бояться. Бояться бесполезно. Это лишь пустая трата мысленных сил. Бойся, не бойся – конец неизбежен независимо от того, что о нем думаешь.

– Ну так конец – это все-таки конец. Больше ведь не будешь... потому что кончишься.

– Кончается физическая форма. А смысл сохраняется... если он, конечно, настоящий. Просвещение бессмертно. И потом, конец одного – это уже начало другого, и, значит, совершенно огорчаться не стоит...

«Зойтомара!!! – подумал Змей. – Это Зергеровы идеи! Где он успел ими накачаться? Я же исключил любую возможность контакта новегов с фантазером... Или он тоже туда проникал? Или они сами доехали? Зараза!»

Вор-Юн-Гак выплюнул жгучую струю и продолжил:

– Значит, за себя не бойтесь.

– Нет.

– А за этих – за приятелей своих?

– За товарищей? – Взор представил себе свет далеких звезд, и среди них – Добреголядовую Новь, города, сады, леса, новеговских ребятишек. Он видел их совершенно ясно, как на экране. – За товарищей боюсь, конечно. Только это тоже бесполезно. Надо не бояться, а действовать.

– Как же это вы собираетесь действовать – в таком-то состоянии? – вкрадчиво спросил Вор-Юн-Гак. И подумал про себя:

«Что, если у него есть внутри штука, которая даже мне неизвестна?»

– Физически действовать сейчас нельзя.

– А что – бывают... другие методы? – произнес Змей, изо всех сил сдерживаясь.

– Например, можно создать идею.

Вор-Юн-Гак захлопнул «окошечко» и принялся вертеться и выть как сумасшедший. Его прямо разрывало от хохота – того самого, от которого падали скалы. Веселье разобрало Змея. Он грохотал весьма долго, пока не заметил, что сквозь стены «колпака» – невидимые и непроницаемые – льется тоненькая струйка волн. Змей плюнул на нее огнем, но струйка не пропала, и продолжала бежать; и при этом никакая аппаратура не могла распознать ее.

– Ах ты... – со страшной силой Вор-Юн-Гак ударил по «колпаку» – струйка не исчезала; она проникала сквозь любые стены – волновые, каменные, металлические и в ней явно содержался некий смысл. Змей стал его читать и ничего

не понял.

– Зойтомара, чтоб я сдох!!! Чтоб. Я. Нет. Чтоб он. Чтоб они. Но если они – того. То. И. Того этого. Да. Того этого... в это самое и то, что... Да что ж они за...

Вор-Юн-Гак вдруг забыл почти все слова. Он произносил сплошные местоимения.

– То и это... да они... да чтоб их... Да за что... За каким... я связался с этими рожами?! Если они все такие, то. Нет. Нет.

Не может быть, что все. Но некоторые. Да. Да. Тогда – что? Тогда – все. Все???! Ну не все, но вполне. Ужас. Надо что-то делать.

Вор-Юн-Гак уже много знал о новегах, но сейчас он узнал нечто такое, отчего даже он, Великий Змей, Хитрый и Подлый, способен ощутить себя ничтожным. Нечто крайне важное. Но сообщать об этом Ничтову Змей не стал.

– Пускай кипеж повозится. А то привык получать готовенькое.

В струе волн, исходящих из «колпака» содержалось сообщение.

«Я Взор. Борьба. Мысли. Ищите лабиринт».

В то время, когда Ничтов доказывал Вор-Юн-Гаку что самое главное – масштабы, и не нужно особой хитрости, «Добреголяд 3» двигался по абсолютно неизвестной части космоса. Это по-прежнему была Другая Вселенная, но та ее область, о которой никто из новегов не догадывался прежде.

Никто (за исключением Аней) не спал уже по десять биологических суток. Команда решала что делать.

– Бросили? Бросили?! Своих бросили!!

– Это кто это бросал?! Я сто раз объяснял, что рули тонкой динамики заклинило! После удара волны была возможность задавать лишь общее направление – словно по колее. Даже корректировать скорость было нельзя!

– Куда мы теперь идем! Никаких ориентиров нет! Абсолютно неизвестное место!

– Слушайте, от меня-то вы что хотите? Я не командир! И вообще, мы тут болтаем-болтаем, строим планы... хотя и так все ясно.

– Что ясно?

– Надо идти к нашим. И искать Взора. Предупредить наших. И отыскать Взора. Я не верю, чтобы он, чтоб его...

– Но что делать сначала? – сказал Юрий. – Идти или искать? Мне кажется, надо сперва искать, но где?...

200 часов Кленов сидел у экрана декодерного компьютера, не отходя; пытался найти сигналы от Взора. Ему казалось, что голова вот-вот отвалится, но он не уходил. Ему очень хотелось сделать что-нибудь грандиозное. По новеговским меркам он был не просто очень молодой, но практически мальчик. В отличие от многих на корабле, он не помнил времени, когда Новегова мира не существовало, когда вся команда только искала его. Тогда в его возрасте был Взор, а Аней и Юрий только-только родились. А когда им

стало столько, сколько Кленову сейчас, уже заработал принцип превращения материи, и в Мире новегов возникли реки, появилась настоящая природа. Кленов не довелось принять участие в деле создания Мира.

Он принимал активнейшее участие в любой работе, а потом попросился в команду «Добреголяда 3». Его взяли, но поскольку он был гораздо младше всех, на опасные дела его не отправляли. Кленов завидовал. Он очень завидовал тем новегам, кто успел пройти по чужим мирам и сразиться с негодьями, даже когда были потери. Кто-то из команды... о ком он не знал до начала экспедиции – погиб при исполнении; Кленову хотелось, чтобы и с ним было также. Ну и что, что пришел конец – но ведь если пошли в бой, ради благородного дела! (Этим, кстати, можно было и не заниматься, это уж решили сами, из энтузиазма). Возможно и зря – с точки зрения не-новегов; но у новегов твердые правила. Ради них готовы драться, стрелять, даже убивать.

В той истории потерь было мало, поскольку Мир не был прогрессивным; с другой стороны, он был расположен в том секторе, который имеет значительную важность для многих галактик.

Именно туда «Добреголяд-3» отправился сначала, проводил исследования, потом начались разные препятствия – но их преодолели, и уже было думали возвращаться. Но получили сигнал, относительно «пятна».

– Кленовик, ты бы сходил отдохнуть. Ты несколько вымо-

тался.

Кленов не ответил и продолжал сидеть. Голова просто готова отвалиться, а говорить – просто сил нет. Наконец он открыл рот:

– Товарищ капитан, в этих сигналах... вероятно, может что-нибудь быть от дяди Взора.

Юрий посмотрел.

– Нет, тут нечто бессвязное. Ладно, разберемся. Дружок, ты сходи; мы тут справимся.

Кленов почему-то немножко обиделся, и сразу ему неловко стало. Он вышел из Отсека Управления, прошел по главной палубе, а оттуда свернул на боковые палубы, с правого борта корабля. Там расположена часть жилых отсеков и зона рекреации.

Но глядеть на земные растения ему тоже не хотелось, раздражало даже. Кленов посидел чуть-чуть и отправился в библиотеку, с которой, кстати, можно было также наблюдать за космосом.

Там есть нечто наподобие экрана с округлыми очертаниями. Он чем-то напоминает изогнутый иллюминатор, хотя и не из стекла.

В библиотеке пусто. Еще бы! – все заняты, и времени на чтение нет. Хотя, может и стоит почитать, вдруг возникнет подходящая мысль. Кленов рухнул на диван, стал листать все подряд (перед ним были электронные журналы с кучей страниц). Мысли пока не идут. Кленов встал, попрыгал, сделал

какие-то упражнения.

– Я все еще умею!

Тут он увидел Аней. Она стояла у экрана, смотрела – пристально, словно хотела что-то найти.

– Кленовик! А я тут мечтаю... Как там наши? Действуют! Удалось хоть что-нибудь разузнать?

– Пока вроде нет... – сказал Кленов и смутился. Когда возле Аней много народа он чувствует себя нормально, а когда она одна, ему всякий раз становится неловко, непонятно отчего. Ведь с Аней всегда приятно поговорить, при ней все разлады и колкости исчезают. Но откуда тогда неловкость?

Оттого что Аней старше – да, пожалуй; в прежние времена Кленова с товарищами сильно напугали воспитатели, которые, как на подбор, были все женского пола. С тех пор ему странно общаться с женщинами старше себя. С мужчинами – не странно.

– Значит, тот бандит исчез? Вместе с головами. Одну я, кажется, повредила, но, ты говоришь, у него их много – десять или даже больше. Но все равно, ума это не прибавляет. Вообще, простое суммирование схем и памяти вряд ли способно повлиять на мудрость. Не с точки зрения объемов информации, а с точки зрения понимания. Тот бандит... очень опасен.

– Здорово он мне врезал! – сказал Кленов (не хотелось вспоминать: там, в отличие от товарищей, Кленову не удалось толком поколотить головы Воблида, даже одну; но он

помогал. Так, чуть-чуть. Это не грандиозно, и хвастаться нечем, и вспоминать не хочется. Но вдруг вспомнил).

– Длинной рукой он целился мне прямо в живот – или это не рука была, а похожий на нее манипулятор – но целиком биологический. И с когтями. Он в меня прицелился, я отскочил, стукнулся о какую-то банку. Он навалился было, но я заблокировал его эту... штуку. Он не мог выдернуться! А дальше товарищи как...

– Кленовик, мне кажется у тебя там пробой. Это видно по структуре... (одежда новегов плотно прилегает к телу). Может быть, даже серьезный. Так и есть! Пойдем, я сделаю тебе восстановление. Пойдем-пойдем!

Кленов послушался.

Рядом с Аней было очень хорошо, но он не решался смотреть ей прямо в лицо. Странно; ведь на ее лице нет ничего ужасного. Раны от атаки Воблида почти полностью зажили, разве что цвет лица в тех местах был чуть темнее. Восстановление прошло быстро, но дело тут не только в аппаратуре.

У Аней особый талант, и она им часто пользовалась. Правда, до недавнего времени лечить нужно было не себя, а других.

Понять те странные сигналы, которые как будто бы исходят от Взора, не удастся совершенно. Новеги так разругались, что даже стали использовать слова, пойманные в других мирах. Своих не хватало...

– Ребятки, этак мы вконец влетим! В смысле, попадем в

историю, и не долетим. То есть не найдем. Безобразия. Мы в полном беспомоществе. Куча сигналов поступает, но это такая ерундистика... Дружок, давай ты посмотри. Что там, все старые вариации?

– Товарищ капитан, вот еще есть, одна новая! – сказал Кленов. Вроде даже похоже на – настоящее сообщение! У него... я не пойму, это текст, или просто сочетание разных слов, отдельных... но что-то есть.

– Ну-ка глянем.

Из декодера вышла распечатка с причудливыми символами, которые редко встречаются во Вселенной. Некоторые были стандартные, давно известные новегам, а в других содержались новые схемы. Когда их расшифровали, получилось:

«Я Взор. Борьба. Мысли. Ищите лабиринт».

– Это Взор! – Ну да, конечно, это Взор, это от него!!! Товарищи, товарищи, что же делать!! Надо идти на источник...

– Но источник неустановим. Сообщение отразилось отчего-то другого, с полной потерей исходных координат.

– Что же тогда? Как его искать? Все слова понятны. Борьба, лабиринт... что это может быть за лабиринт? Переплетение ходов в том проклятом корабле? Но он рухнул в бездну. Очевидно, он не рухнул до конца.

– Здесь говорится не просто лабиринт, а «ищите лабиринт», то есть нечто неизвестное нам раньше. Лабиринт той проклятой «тучи» на самом деле не лабиринт, а ерунда пол-

нейшая. Тут, наверно, подразумевается нечто грандиозное.

Команда «Добреголяда» долго совещалась и решила:

– Надо искать лабиринт. Соответствующий энергетике сообщения.

Аннигиляционные двигатели снова заработали на полную мощь. «Добреголяд 3» мчался вперед, навстречу неизвестности.

Нужен ли лабиринт Вор-Юн-Гаку? – Едва ли. А у Ничтова есть лабиринт, сквозь который он проникает во все уголки Космоса? Не исключено. Только знать об этом не положено.

Ничтов никогда не изучал классическую военную стратегию и поэтому легко допускал разные новшества в войне. Так, у армии, посланной им в сторону новегов, было не два фланга, как обычно, а целых пять. Фланги располагались относительно друг друга под углом в 108 градусов, образуя пятилучевую симметрию, с выступающей вперед центральной частью войск. Войска находились в постоянном движении, отдельные группы перетекали из одного фланга в центр, из центра – в другой фланг, а оттуда – в арьергард, или же вообще выпадали из строя. Ничтов считал, что такая динамика придает войскам несокрушимости.

Главной боевой единицей был истреб – летательный аппарат с двумя плоскими «хвостами»-стабилизаторами сзади. Истребов набралось свыше миллиарда единиц.

– А что, неужели внутри каждой такой штуки сидит летчик? – спросил Воблид.

– Вряд ли. – Вор-Юн-Гак смотрел на то, как истребы образуют в полете разные фигуры – пирамиды и конусы. – У Ничтова не так много умников, чтоб доверить им управление аппаратурой. Очевидно, головные машины управляются вручную, а остальные подчиняются программе.

– Ого! Это мощно. Что же, их программа такая эффективная?

– Вряд ли. Хотя может быть. Вообще-то у Ничтова довольно много своих вояк. Но. Независимо от этого. Вояки они, не вояки. Все равно их будут бросать как дрова в костер, пока пламя не возгорится. Пока огонь не станет грандиозным. А вояки на то и существуют, чтобы умирать по приказу.

– Да, это верно. Я сам так делаю... – сказал Воблид, зевая пятью головами.

Воблид сидел на кремниевом астероиде, на куче из коротких полимеров. Рядом висел Вор-Юн-Гак, с видом настолько безучастным, как будто его совсем не интересовало то космическое действие, которое должно было произойти уже в ближайшие часы. Хитрый Подлый Змей словно что-то выглядывал.

«Странно, неужели новеги не подозревают о сюрпризе, что готовит вредный Ничтов? Я могу сообщить им – через мою тригняду. А зачем – чтоб они имели возможность подготовиться? Тогда Ничтово войско будет драться злее. Ну и что? Где же здесь моя великая цель? Цели нету предо мною.»

Пока Вор-Юн-Гак мысленно искал цель во всем проис-

ходящем (цель, полезную ему, Вор-Юн-Гаку), Воблид рассуждал о том, что, кругом нет почти ничего кроме чепухи, и странно даже, что порой чепуха побеждает. О том, зачем нужно убивать, и как трудно дается богатство. А что делать с богатством, Воблид не мог толком сказать. Его «колокол» в отдельные времена был до отказа забит полезным материалом – сырьем, аппаратурой, информацией – но зачастую материал портился, и его приходилось выкидывать. Воблид был уверен, если б он, подобно Вор-Юн-Гаку, мог управлять своим временем, то «колокол» летал бы шибче света, а новегам никогда бы не удалось пробить защитную толщу стен.

А так... Воблид жаловался Змею на ограниченность своих функций.

Хитрый Подлый Змей кивал, но не слушал. Он выжидал.

Воблид оставил при себе пять сущностей. Остальные восемь отправились действовать напрямую: две командовали истребками на флангах, две находились в центральной части войск, три отправились на «красную спираль» (галактику, расположенную неподалеку от Новеговского Мира, и скрытую темной энергией. Оттуда удобней ударить в тыл). Еще одна сущность сидела в «колоколе».

Воблиду наскучило ворошить кремниевую кучу ногами; он воткнул вглубь 2 когтистых пальца, двигая ими поочередно вперед-назад. К когтям липли камешки с отпечатками чьих-то тел, очень причудливых. Воблид даже заинтересовался их формой и полез еще глубже, почти по самое плечо.

К этому моменту формирование фронта атаки завершилось.

– Начинать, что ли? – спросил Ничтов.

Вор-Юн-Гак зевнул.

– Ну тогда колонны к бою – сказал Ничтов.

«Колонны к бою! Колонны к бою!» зашумели фланги.

«Колонны к бою!» прогудел центр.

– Есть призыв идти вперед – пропищала 9-я голова всем остальным.

Воблид услышал, выдернул руку, и не удержавшись, кубарем съехал вниз с горы, прямо на твердое дно. И сказал важным голосом:

– Сейчас, Великий Вор-Юн-Гак, наше мастерство разнесет их шарик в клочья. Разнесет на осколки и атомы!

– Аккуратнее с осколками. Не обрежьтесь. – сказал Вор-Юн-Гак. И незаметно исчез.

Из двух верхних флангов стали наступать колонны истребов. Десятки и сотни колонн, испуская блеклый свет, вошли в атмосферу Новеговского Мира. Воблид не видел, что там внутри (он глядел в экран).

– Очевидно, воздух слишком плотный. Сообщения плохо идут.

Воблид налаживал связь, крутил узлы своих приборов, переставлял микросхемы; все детали были неновые и работали с перебоями. Сначала он не видел ничего кроме помех, потом возникла какая-то мишура из коротких сигналов от

истребов. Потом он едва разобрал слова – свои собственные:

– Ахр... везь... достал! Достал! Кастра... фора...

Тут его 9-я сущность стала сильно зудеть и дергаться.

– Никак меня подбили? 11-й, посмотри, что с девятой.

Но 11-я сущность вопила:

– Жгут!!! Жгут!!! Огнем жгут!!! Пройти нельзя, там за-
слон! Я возвращаюсь.

Воблид еще не успел осознать сказанное, как атака колонн прекратилась, а два верхних фланга стали медленно двигаться назад, прочь от планеты. Истребов опутало черным.

На астероид свалилось 2 ящера с помятыми головами.

Это были 9-я и 11-я сущности Воблида.

Воблид втянул их в себя.

– Наступление не удалось? Странно... а истребы их как? Что – все? Это как – все 5 тысяч по сто штук? Так это же – если 5 тысяч по сто штук, это будет, это будет... слишком много, с первого-то раза... Или ПВО у них сплошное?

– Ну как, взяли? – спросил Вор-Юн-Гак.

– Нет пока. Но скоро. Подлатаемся чуть-чуть. Главное – не лезть вперед. Вперед не лезть. – сказал Воблид сам себе. – Будь ядром иглы, а не острием. Неплохая у нас игла.

Из центра атаки выступила игла – гигантский стрежень из миллиона колонн по сотне истребов в каждой. Истребы могли метать лучи, снаряды, бомбы.

Игла уперлась в Мир новегов, под прямым углом к экватору. Ударила, застыла, стала опускаться... Видно было, как

уже в пределах мира от нее летят многочисленные мелкие искры, но понять, что это за искры – сами истребы или их огонь – было трудно. Игла опускалась, опускалась – становясь при этом короче, словно ее растворяла атмосфера Добреголядовой Нови.

Наконец игла вошла внутрь и исчезла. Больше от нее не поступало никаких сообщений – только отдельные истребы беспорядочно кружили на орбите. Воблид 11-й головой приказывал бомбить хоть что-нибудь, но его никто не слушал.

Внезапно он сообразил, что 6-я голова не отвечает вовсе и не выполняет никаких действий.

Воблид понял, что она так и осталась на Добреголядой Нови. В ярости он хотел взорвать астероид, да улетать было не на чем – «колокол» висел далеко от места схватки. Просить Ничтова или Вор-Юн-Гака Воблид не решался; оставалось лишь прыгать по заброшенной поверхности, круша молчаливые скалы.

Ничтов был озадачен.

– Я хотел взорвать их материк. Но атака сама собой рассеялась. Разлетелась в прах, будто замок из песка... Истребы пропали. Конечно, такая потеря мелочь, но. Это первый раз, когда атака иглы не помогает. Это нечто ненормальное.

– Может, стоит атаковать сплошным фронтом. – заметил Вор-Юн-Гак. – Не отдельными частями, а всей силой. Сразу. Тогда у новегов не будет преимущества.

Ничтов подумал.

– Да! Запустим сразу все фланги. Окружим их со всех сторон. Фланги сожмут тот мир в кулак, а центр проткнет его... или взорвет. Сжечь атмосферу не удастся, поэтому будем бить по земле.

Весь фронт задвигался; истребы – двуххвостые скорпионы – шли настолько плотной массой, что нельзя было разобрать даже контуров отдельных кораблей; сотни тысяч и миллионы боевых единиц собрались в один кулак, против которого, как считал Ничтов, не сможет устоять уже никакая сила.

Кулак подобрался к миру Новегов, разжался – в пять флангов и центр, а потом снова стал сжиматься, охватывая Добреголядовую Новь с востока, запада и обоих полюсов.

Центр метил в экватор.

Части кулака сходились, медленно-медленно, по всей поверхности Мира; кулак сжимался равномерно, не запаздывая; истребы, полные ярости, ринулись к материку, но тут на полюсе возникла вспышка.

– Это зенитки – сказал Воблид 5-ой головой. – Обычное дело. Ведут обстрел... на прощание.

– Но их огонь долетает вплоть до космоса – заметила 7-я голова, – то есть слишком далеко. Артиллерия так не бьет. Наверное, это ракеты...

– Управляемый огонь – сказала 1-я голова (самая главная) и зевнула. – Неприятная вещь. Он горит повсюду, но им трудно управлять. Вряд ли новеги...

Воблид не договорил и стал наблюдать за огнем. Вот он

ударил по флангу, застрял в нем; вот из фланга посыпались точки, черные, неправильные («авангард сторел, подумал Воблид»). Воблиду не впервой было наблюдать космические сражения, он даже часто видел, как великие народы жгут друг друга на просторах Бесконечности; однако сейчас он никак не мог понять, кто побеждает. Кажется, победил фланг, он уже пошел на землю, клонясь ниже, ниже...

Воблид подумал, что в его глазах рябит, поскольку он увидел, как фланг превратился в сеть, а из нее – в облако. «Наверное, рассредотачиваются. Сейчас сомкнут ряды. Уплотнятся».

Однако фланг не уплотнялся – наоборот он стал дырявым словно сито. Воблид открыл рот, чтоб произнести решительные слова, однако, там, внизу, произошло смятение. Фланг дрогнул и стал крошиться вдребезги. Колонны истребов исчезали в облаках.

Сверкающие корабли – стремовзоры – группами вылетали из Добреголядовой Нови. Их корпуса, в отличие от истребов Ничтова, не имели четко прямых углов и линий – их очертания были сглажены как у живых существ, они были вытянутые, гармоничные. «Напоминает морковь», подумал Воблид. Эти корабли стреляли по всему фронту – весьма метко.

– Злая морковь. Но должен же я поделить, то есть – победить!!! А?...

Истребы огрызались, смятенные; они были мощные, но уступали в маневренности – при движении на два момента

свободы истребов стремовзоры имели четыре, пять, семь моментов; а вооружение, похоже, было равным по мощи.

Истребов несоизмеримо больше. Они вели плотный огонь, и сбивали стремовзоры; корабли новегов гасли, однако Воблид не мог сказать, что он видел хоть один явно уничтоженный стремовзор. Все куда-то исчезало, растворялось в кутерьме. Истребы горят тысячами.

Стремовзоры наступают.

– Задавите же их! – попросил Воблида Ничтов.

Головы (2 и 4-я) сообщали Воблиду, что руководить невозможно.

– Я не знаю такой тактики! Они бьют не по правилам. У них слишком много вариантов движения, которые не поддаются... чтоб я помер!

Фотонный заряд случайно ударил совсем недалеко от Воблида.

Его тряхнуло; Предводитель воинов почувствовал, как сидящие внутри сущности перепутались друг с другом.

– Как хотите, а я должен перегруппироваться. Я должен... отойти... на... другой рубеж! Иначе не получится. Да. Мы ведь должны перегруппироваться, правда, Великий Вор-Юн-Гак?

Но Вор-Юн-Гака рядом не было; ни его, ни его слуг. Хитрый Подлый Змей опять скрылся во мраке.

– Видите, и Великий тоже...

Воблид полез в камеру, возникшую ниоткуда; эта камера

понесла его в сторону «колокола». Ничтову осталось сказать только одно:

– Отходите.

Ничтов мигнул и огромная, истребительная туча исчезла. Только гроздь звездной пыли, принесенные ею из далеких мест, все еще висели над Добреголядовой Новью. Но ее уже разгонял ветер – звездный ветер.

На полпути камера Воблида стала барахлить (это тоже был корабль, похожий на гигантский шкаф). Воблид сел в произвольном месте – на небольшом метеорите из железа.

Ноги Воблида прилипали к поверхности – ему пришлось изрядно поругаться, чтоб одолеть здешний магнетизм.

Внезапно он услышал:

– Кажется, Ничтову надавали?

– Да, и даже очень. – признался Воблид.

– Вы убили кого-нибудь?

– Да. Вроде бы. Мне так кажется, совсем немало. Но не похоже, чтоб новеги сильно огорчились...

– Этого следовало ожидать – из пустоты возник Вор-Юн-Гак, Хитрый, Подлый Змей. Его огненное лицо было полупрозрачным. – У новегов есть некая субстанция, разгадать смысл которой есть ключ к победе. Это очень странная субстанция, не программа и не поле; я не могу понять ее природу. Мои компьютеры не могут. Никто не может. А раз нельзя понять, то нельзя и управлять.

Было у новегов что-то такое, недоступное ни компьюте-

рам, ни Пустоте.

– А куда делся этот старый... в общем, Ничтов?

Воблид поскреб головы.

– Полетел к Красной Спирали. У него там резерв. Там сидят мои сущности и на какого шута я оставил там свой колокол? Глупо.

На далекой Туманности, прозванной Красной, авангардный отряд стремовзоров, (им командовал Онег, приятель Юрия), обнаружил еще одну армию. Те истребы были мельче, но злее, их называли истребы-нази. Они не бомбили, но били огнем с близкого расстояния. Управлять собой сами они не умели и эффективность таких аппаратов очень зависела от мастерства командира, действующего дистанционно.

Командовал здесь опять-таки Воблид – 13-й сущностью, засевшей в колоколе.

«Сообщим о них?»

«Да. Если это последние силы тех космических вредителей, то нам не стоит мешкать».

Истребы-нази стали забрасывать Красную Туманность ядом – его принес Ничтов.

«Кто-нибудь там живет? Или никто там не живет? Это неважно. ОНС говорит, что мы должны остановить разрушителей.»

«Сами?»

«А что? Они же все совершенно невнятные.»

– Мы получили сигнал от «Добреголяда»! Юрий говорит,

что эта штука (имелся в виду колокол) – рассадник зла, в ней сидит тип с ящеровой мордой, который совращает слабые умы. Это их предводитель.

Стремовзоры сгруппировались и пошли на колокол.

Их удары пронзали его старую обшивку. Но колокол летел – не горел, не взрывался. Из него несло – в виде рваных волн.

– Эй, вы, нази! Бомбите! Бомбите, я сказал! Уворачивайтесь от новегов! Что – не можете? Болваны. Окружайте! Что – опять не можете? Слабаки вообще. Да!

Воблид давил на рычаги:

– Приказываю! Следить за мной. Эти штуки быстры, но их очень мало. Я оттяну их на себя. Вы же формируйте. Формируйте, я сказал. Накройте их и жгите, жгите, жгите. Уж здесь-то я не проиграю.

Истребы-нази разрозненно отступали; стремовзоры догоняли их. Онег по связи уговаривал товарищей не отрываться далеко от отряда, но в тех стремовзорах были еще очень молодые новеги. Им хотелось уничтожить всех врагов.

Истребы-нази долетели до некой точки и исчезли. На их месте выросла плотная стена – из сотен тысяч других таких же истребов (последний резерв Воблида, но очень большой).

Истребы образовали сплошное поле.

– Ребята, дадим по ним?

Поле изогнулось и возникло уже в виде сферы – вокруг самих стремовзоров. Это была тактика «открытого колпака»,

разработанная Хитрым Змеем.

Стремовзоры завертело.

– Товарищи! Их магнитный момент!... Парализует! Отходите!

Но часть отряда уже исчезла. Она была уже глубоко внутри сферы.

Онег и весь остальной отряд били снаружи по «колпаку», но он не распадался. Очевидно, формирующая его субстанция была не на поверхности. Тогда новеги с разгона пошли на таран. Стена «открытого колпака» не была слишком прочной – ее прорвали; внутри мельтешили рои истребов. Стремовзоры шли вглубь колпака, поле уплотнялось, управление уже давало сбои. В какой-то момент Онег почувствовал, что если они не повернут, то уже не смогут выйти.

– Вперед! Там наши! Добавим...

Стремовзоры уже не шли – их утягивало внутрь поле, придуманное Хитрым Змеем. Воблид нажимал на все подряд. Рвутся фотонные заряды; тысячи истребов-назей целились по стремовзорам и мазали, ударяли по своим же; новеги искали корабли своих товарищей, наконец обнаружили – безо всякого движения. И выбраться наружу было нельзя (не позволяла мощность). Их притягивало к колпаку, который так и не закрылся; огромной массой он повис между истребами и колоколом. Он зажал все стремовзоры; внезапно на него вылетел еще один стремовзор. Во время атаки его отбросило, он отстал и его не поймала гравитационная ловушка. Но

он сам летел к ней.

– Ты что?! Уходи! – кричал Онег и другие новеги. – Здесь тупик! Уходи, тебе говорят!!

– Нет, товарищи я с вами. – последний стремовзор влетел внутрь «колпака» – я не могу уйти один. Мы вместе пришли...

Стремовзоры стреляли, пока не исчерпали всех снарядов. Проклятый «колпак» остался неповрежденным. А спереди продолжали стрелять истребы – радостные оттого, что побеждают. Вернее, это Воблид был радостный.

– Нам, похоже, не выйти. Тогда что... – Онег замолчал, всего на мгновение, а потом сказал – Есть идея. Запустим коды активации... Соберемся.

Горящие стремовзоры выстроились в треугольник; треугольник медленно пошел вперед, наполняясь светом – будто разгораясь изнутри.

13-я сущность Воблида прыгала как на сковородке:

– Ага, они хотят еще чуть-чуть повоевать?! Я устрою им такое удовольствие! И сам наполнюсь им...

Стремовзоры дрожали, становясь плохо различимыми в огне. Никто из новегов уже не подавал сигналов, кольцо «открытого колпака» сжималось, сжималось, а потом вдруг отлетело – назад. Треугольник резко ускорился.

Воблид выстрелил по нему – прямо из колокола, потом еще и еще – впустую. Треугольник летел прямо на колокол, полный белого и голубого огня. Вся внутренняя мощь стре-

мовзоров целиком перешла в огонь, сокрушительный огонь, и не было в космосе такой силы, чтоб его остановить. И уйти от него невозможно.

– Колокол!!! Колокол!!! – орал Воблид.

Треугольник огня пронзил стены колокола; миг корабль Воблида наполнился страшной вибрацией. Отсеки – все, вплоть до самого центра – превратились в стекло, потом в газ, потом в энергию и... Сказать, что колокол был уничтожен здесь явно недостаточно; колокол разорвало... – нет, если бы его разорвало, тогда что-то бы да осталось. А от колокола ничего не осталось. Все его узлы распались на невидимые компоненты, гораздо мельче атомов и были уничтожены огнем, огнем новегов. Все пропало. Огонь поглотил то нелепое и страшное творение, на котором Воблид сеял в Космосе семена войны. И оно стало тем, что так любил вспоминать Ничтов – колокол стал пустотой, простой, никчемной пустотой, которая не могла уже – ничего.

...

Добреголядовая Новь отразила все атаки Ничтова. Она устояла и перед бомбами, и перед тучами истребов, и перед потерями. Никто из новегов не боялся умереть, потому что все верили в то, что выше простой жизни. И что теперь скажет Вор-Юн-Гак?

– Даже. Я. Теперь. Не знаю. Как покончить с этим делом. Сдаваться невыносимо. Победить невозможно. Проклятие! Как подумаешь, что это я – я сам! – придумал эту странную

историю, из которой непонятно как выкрутиться, так и...

Впрочем, пусть Ничтов выкручивается.

Где теперь Ничтов? – Глядит на Воблида. А тот и сам не знает что делать.

На кривых ногах Воблид бродил по астероиду, и, отплевываясь, считал потери.

– Кошмар! Никогда такого не было. Это полнейший штуркер! Я потерял пять голов. Пять! Правда, сущности во мне, их так просто не убьешь, но головы – головы! – знаете, как долго их выращивать? Потом колокол – такой хороший колокол был, что вообще!... Треснутый немного и местами ржавый, но какие в нем были картины! Картины моих побед, запечатленные в этом, как его... Жуть полная.

У Ничтова болела голова.

– Да не кричите так. Ну, дам я вам корабль... или что у вас было – колокол? – ну дам колокол... Это мелочь. Истребы сгорели... Говорят, энергия на миллионы звезд пошла прахом. Тоже мелочь. Главное – что Пустота не победила! Не победила!! Это что же теперь будет?

– «Что-что!» – сказал Вор-Юн-Гак, вылезая из тьмы. – Идеи Зергера разрастутся, только и всего. Сначала в этой Вселенной, затем в – Нашей, или еще где. И так далее. И без конца.

Ничтов проговорил:

– Так ведь это же катастрофа!

– Да, наверное. А ведь я сначала хотел просто сжечь Зер-

гера. Смешно. Сжечь одного. А теперь их – миллионы. Да, это катастрофа. Будет. Что, миленькая моя, что ты хочешь?

Голос Змея обращался к кому-то мелкому, невидимому. Ничтов не смог его распознать.

Змей долго слушал и еще дольше молчал. Воблид все это время ходил под открытым космосом, ругаясь во все стороны. Ничтову не хотелось ничего.

– Тригняда. Сообщает. Мне. Что. В мире. Новегов. Есть некий сбой в системе управления. Маленький такой сбой, но прилипчивый. Еще она говорит, что якобы в их полях возникли помехи, и что это из-за нее. Врет, наверное.

...

Добреголядовая Новь устояла. Казалось, новеги могут торжествовать, потому что – победа – была за ними, и Мир, и жизнь в нем, и все настоящее – нужное, большое, прекрасное – сохранено. Однако самые взрослые и мудрые из новеговского народа испытывали некоторое внутреннее волнение.

В эфирах дальней связи – той, что обеспечивала бесперебойный контакт с космическими кораблями – появились помехи неясной природы. При выводе на экран они напоминали кляксы. Несколько раз эти кляксообразные сигналы проникли и во внутреннюю связь, из-за чего произошли сбои вычислительной аппаратуры. Странные кляксы проникали в информационные потоки с той же ловкостью, с какой Краиниц внедрялся в наследственный аппарат. Но на этот раз «шустрая мелюзга» была не при чем – кляксы, хотя и напо-

минали одноклеточных, имели неживую природу.

Были срочно отозваны все исследовательские и разведывательные отряды, все они вернулись на Добреголядовую Новь, поскольку новеги решили: лучше приостановить научный процесс, чем потерять сообщение со своими товарищами.

По-прежнему не выходил на связь корабль «Добреголяд 3». Очевидно, Юрий с командой завели свой корабль слишком далеко.

«Добреголяд 3» искал лабиринт, ориентируясь на сигнал, посланный Взором; Юрий и все новеги, что были на борту, изо всех сил хотели выручить Взора – сами не зная как.

Взор продолжал сигнализировать. Его сигналы тонкой струйкой уходили в Неизвестное. На экране декодера они превращались в причудливые, неповторимые мозаики, из которых складывались образы живых существ, формулы, или просто знаки.

А между тем тригняда тоже стала рисовать знаки – только возмутительные и пошлые. Она рисовала их в сознании новегов.

Откуда ни возьмись, в информационных сводках появилось отвратительное слово. И его все прочли.

– Что это? – удивились новеги. – Откуда?

Слово не было ни в одном тексте. Однако через день редактор, опытный специалист, страшным голосом сообщил, что это его вина. Это он придумал то слово. Нет, он

его не печатал, но он его... подумал. Он, непонятно по какой причине, произнес то слово про себя, повторил несколько раз, и сам рассердился. Но он его не печатал. А оно возникло в реальности.

На фабрике детской пищи углеводы расщепляются не до мономерных сахаров, а до спирта.

– Аппаратура опьянела. – мрачно пошутил технолог, у которого сбоев не было последние лет сто.

Всю ту пищу сожгли; однако на соседнем заводе эта история повторилась. А потом ее стали видеть повсеместно.

Везде аппаратура словно немного помешалась. Она работала, но в ее готовой продукции постоянно обнаруживали нечто измененное, и, чаще всего, явно вредное. Нормальными оставались лишь те приборы, в которых не было программного обеспечения, и которые работали сугубо механически.

Таких устройств было тогда уже немного (в процентном отношении) и именно они-то как раз не имели никаких сбоев.

Техника новегов тесно связана с их ментальным полем, обычно очень ровным. Теперь оно рябит от сбоев, как будто его кто-то специально портит. Но ведь у новегов не принято ругаться! не принято обижать других, и тем более, обижать товарищей. У них полная сплоченность, они спорят – но не с целью обидеть. Так задумал еще Зергер, но его план был нарушен (и не скажешь теперь, кто был тогда виноват). На-

верное, старые поколения были неидеальны в общественном смысле. Но ведь их давно нет! – за многие годы новеги заново пришли к идее товарищества. Значит, им самим незачем портить ментальную сферу.

Это тригняда мешает. В сущности, она не умела ничего, кроме одной функции, и эта функция была простая – портить. Но не материальные объекты (у тригняды элементарно не хватает мощности), а идеи.

Как узнал об этом Вор-Юн-Гак, так сразу же сорвался с места, и запрыгал, завинтился, загрохотал – в виде гигантской огненной ленты, полной смертельной мощи; он в пять мгновений пролетел миллиарды миллиардов шагов, туда и обратно, а потом упал перед удивленным Ничтовым. Источенный. Торжествующий.

– Тригняда. Тригняда. Моя. Да.

– Не понял Вас – сказал Ничтов.

От восторга Змей почти не мог говорить.

– Тригняда. Тригняда! Она. Основа. Победы! Понимаешь?!!!

Змей, дурачась, толкнул Воблида – того отбросило на пятьсот шагов.

Вор-Юн-Гак опять выдохнул:

– Победа!

– Что-то я не ощущаю чего-то такого – пробормотал Воблид. – Через что мы победили? И кого?

– Новегов. Победили. Почти. Тригняда! Проникает в их

умы! Проникает в их сердца! Да, она отравит их тем чудесным дивным ядом, что мне служит много лет, ядом моего творения... Прочее все вздор. Ни бомбы, ни грозы, ни мор не выгонят его оттуда, ибо этот яд зовется несовершенство. Несовершенство, в том виде, как я его организую, просто неустранимо. Неустранимо. И подвластно – мне.

Последнее слово Змей произнес глубоким, ледяным голосом.

Ничтов уже стал догадываться.

– Значит, вашими усилиями новеги начнут портиться? И ими можно будет управлять?

– Да! – сказал Вор-Юн-Гак. – Через некоторое время. Но не сейчас. Сейчас рано. Еще. Но. Ведь у нас есть время.

– Действительно, – признался Ничтов, – а я-то и не додумался до такой замечательной вещи, как несовершенство! Вы гений, Великий Вор-Юн-Гак.

Змей изгибался в бурном восторге.

– Гений? Я? А разве был повод в этом сомневаться?

...

«Добреголяд -3» шел по бесконечному пути, в поисках Взора. Нигде не было ничего похожего на его сигналы – ни символа, ни слова. Из Добреголядовой Нови тоже не было сообщений (их ловила, портила и перевирала тригняда, хотя ее сил явно не хватило б на то, чтоб испортить всю исходящую информацию). Из-за этого в сознание порой проникала мысль о том, что о них давно забыли или считают

несуществующими; что Добреголядовая Новь уже перестала ждать возвращения «Добреголяда»; эта мысль была жгучей и агрессивной, но ей не давали разрастись.

Команда Юрия обнаружила уже множество «лабиринтов» – галактических спиралей, астероидных скоплений, туманностей. Они видели различных существ, и хотя не все те существа были благородные, новеги всем оказывали помощь.

Кому-то помогли. Кого-то спасли.

Кое-кто получил от экипажа новегов дельный совет и благодаря ему прославился. Одним словом, экипаж «Добреголяда» решал чужие задачи, а свою решить не мог.

Внезапно – на экранах декодерах возникла надпись.

«Лабиринт есть жизнь. Трудно, но необходимо. Просвещение бессмертно. Счастье будет. У достойных.»

И снова ничего не ясно.

– В этом сообщении какой-то сплошной мрак... с точки зрения смысла. Видимо, Взор находится в таком отчаянном состоянии, что уже говорит иррационально, и... Или не иррационально? Или здесь есть скрытый смысл?

– Это похоже на базовые установки, на главную идею, цель. Но как это нам поможет найти Взора? И какое именно счастье он имеет в виду?

«Добреголяд» летел и видел, как появляется счастье.

Счастье – состояние ума, способного к чувствам; впрочем, у нечувствующих оно тоже есть. Счастлива трава – тем,

что она есть – только она не знает об этом.

Бессознательное счастье присуще простой жизни. Начало ему дает рождение нового мира, появление в нем первых живых структур. Они просты и незатейливы, и способны лишь на элементарные функции. Состояние счастья им, конечно, неизвестно. Но время идет, и вот появляются все новые и новые обитатели, еще и еще; некоторые из них усложняются. Так тянется очень долго, природа растет, становясь все шире, сильнее и разнообразней. Вечное стремление к жизни есть ее бессознательное счастье. Наконец появляются те, кто способен мыслить и понимать, что они мыслят. Им тоже доступно бессознательное счастье – восторг, эйфория, т.е. ощущения, данные природой. Но некоторые достигают счастья осознанно – за счет активной деятельности. Осознанное счастье – продукт длительной работы, как над материальными объектами, так и над самим собой; оно возникает при свершениях, открытиях, победах; настоящая любовь тоже дарит такое счастье. Но не всем оно понятно.

«Добреголяд» нашел этому множество подтверждений.

Например, в одном из миров встретились два местных жителя-

ля. Один был настоящий Герой – смелый и благородный; он всегда стремился к высокой цели и его все знали. Другой был Весельчак – добродушный легкомысленный увалень, он любил пожить в свое удовольствие, безо всяких сложных за-тей.

– Здорово вам! – сказал Весельчак Герою. – Вы не писатель, случайно? Или хотя бы поэт? У меня в голове куча занимательных историй, хорошо бы их сохранить в литературной форме, а мне... что-то лень писать.

– Нет, к сожалению, я не сочинитель, я всего лишь воин – скромно отвечал Герой. – Но я иду в Н-скую землю, а там много настоящих сочинителей. Хотите, я Вас провожу?

– Давайте прогуляемся, – согласился Весельчак, – а то что-то меня скука гнетет.

И они пошли вместе. Весельчак всю дорогу шутил, балагурил, рассказывал разные истории, не всегда приличные. Герой молчал и лишь сдержанно улыбался: он не мог смеяться, тем более над пошлостью – ведь он был Герой.

По дороге попадались кабаки и трактиры – Весельчак забегал в каждое заведение, чтобы освежиться, т.е. выпить.

Герой в заведения не шел.

– Мне неудобно. – говорил он.

На одном глухом перекрестке волк напал на девушку, но зря – одним ударом Герой повалил его наземь. Девушка бросилась к Герою с поцелуями. Герой вежливо поцеловал ее запыленную ладонь – он стеснялся проявить большую нежность – ведь он Герой.

– Я бы с такой красавицей обнимался бы до вечера – бормотал Весельчак, глядя на поверженного волка.

В другом месте другой волк напал на другую девушку. Весельчаку захотелось отличиться: попросив Героя побыть в

арьергарде, Весельчак смело бросился на врага. Он прыгал и скакал вокруг волка, дергал его за усы и пытался приподнять легкими пинками. Зрелище было весьма занятное. Волк не чувствовал никакой боли, но сконфузился, и немного отошел от девушки. Тут вышел Герой – завидя его, волк бросился наутек. Весельчак не мог понять почему.

Но девушка все поняла – ведь она знала, что Герой – это Герой.

Они шли и шли – через горы, через поля, через дремучие леса, через заброшенные пустыри. Весельчак жутко устал; взор его поугас, спина смешно согнулась, лицо корчило всякие уморительные гримасы; он без бодрости двигал ногами и время от времени отпускал едкие остроты по поводу всего. Герой, наверное, тоже устал – путь был очень долгий – но он твердой, решительной походкой шел вперед, не сгибаясь и не кряхтя, а в глазах его горел огонь. Весельчак смотрел на него и не мог надивиться.

Наконец они дошли до Н-ской земли.

– Ну, теперь можно и расслабиться! – выдохнул Весельчак. – Проветримся?

– Простите, но я не могу. – ответил Герой. – Ведь я выполнил только легкую часть моего дела.

– А какая же сложная?!

– В Н-ской земле поселился подлый Е-н, сеющий смятение. Он берет с жителей слишком много дани. Я должен победить Е-на.

– А что, Е-н этот сильный?

– Да, он могуч как туча, и еще никто не одолел его.

– Так может плюнуть на все это?! Не так уж они и страдают, в этой Н-ской земле... Подумаешь, повышенная дань! Но Вы же можете запросто погибнуть.

– Да, могу погибнуть. Но я должен сразиться с Е-ном, ведь мой долг – помогать другим.

И Герой пошел дальше.

– Надо же, – сказал Весельчак, – я и не думал, что у героев такая сложная жизнь. Что так трудно быть героем. Какое счастье, что я не герой! – и пошел отдыхать. Отдыхая, он рассказывал всем истории, старые и новые, все смеялись, хлопали Весельчака по плечу и давали на кабак. Весельчак был счастлив.

А Герой победил подлого Е-на, одолел его в неравной схватке. Жители Н-ской земли ликовали, восхваляли Героя, плакали от радости; Н-ские девушки уговаривали Героя остаться в их земле навсегда – жить вместе, ведь он – такой хороший. Но Герой остался лишь на одну ночь – слегка передохнуть; утром он поблагодарил Н-цев за их радушие и пошел дальше. Впереди была новая цель, и герой шел, чтобы совершить новый подвиг. В этом было его счастье.

Многие из могучих существ считают ощущение счастья слабостью. «Эта слабость – удел жалких биологических созданий, для серьезных лиц это несерьезно» (Ничтов). «Многие говорили мне про счастье, но где оно? Гуляет во мгле?»

На суку повисло? Или, может, оно в исполнении желаний? Невозможно и примитивно!» (Третий советник Вор-Юн-Гака). «Мое желание – творить войну; я ей часто занимаюсь, но от этого я не обнаружил даже атома счастья в себе. Значит, все кругом вранье, и никакого счастья нет» (Воблид).

А что Вор-Юн-Гак? Подлый Хитрый Змей мыслит широко и виртуозно, но его чувства сильно подавлены – им самим.

Он их держит под вечным контролем. Часто он испытывает гнев – но лишь когда сам этого хочет. Поэтому Хитрый, Подлый Змей не знает бессознательных ощущений, ему недоступны пылкая страсть, безумие или вдохновение. Он никогда не чувствует счастья – только удовлетворение.

– Скоро я опять буду удовлетворен – сказал Хитрый Змей, зависая над своим Миром. – Эта новеговская баллада меня сильно измотала. Но. Я. Сумел-таки вывернуть ее в нужное русло. И ведь сам, все сам! Ах, вы говорите, обстоятельства, Ничтов, Воблид? (Вор-Юн-Гак произнес «говорите», хотя вокруг никого не было. Он говорил сам себе).

Пожалуй, но это все дополнения к основному. Если бы я. Не придумал. То и не вышло бы. Ничего.

И далеко-далеко летело в космос вор-юн-гаковское «ничего».

Сигналы тригняды несколько ослабли.

– Ничего! Там – моя – идея! Мое удовольствие! Кто мне помешает?

– Погляжу, насколько они испортились! Насколько глубоко-

ко в новегах засело мое несовершенство!

Змей понесся сквозь пространство; он летел к своей идее и все, что не успевало посторониться – камни, астероиды, искусственные объекты – исчезало в огненном вихре.

У новегов уже дурман в голове! Они уже не могут мыслить по-старому! Это чувствуется, это есть!

О том говорила тригняда!

Она ослабла, бедненькая; ну так неудивительно. Сколько их там было, миллионы голов и такие сложные условия.

А она – смогла! Никто уже никуда не летит – потому что не хочет. Потому что ментальные поля ВСЕХ новегов испорчены тригнядой Великого Змея.

(Вор-Юн-Гак не знал об этом досконально, но это можно было вычислить по косвенным данным)

НЕСОВЕРШЕНСТВО! Ключ к победе.

Змей летит, он торжествует; ах, как же часто доводилось ему торжествовать, и теперь опять такой замечательный повод! Как умен, как прекрасен он, Вор-Юн-Гак, Самый Хитрый и Самый Лучший Змей во Вселенной; перед его мощью – явной или скрытой – ничто не устоит. Ничто...

Змей с размаху остановился; его страшный огненный хвост хлестанул его по боку. Змей ничего не ощутил – он глядел на то место, где еще недавно была Добреголядовая Новь.

Мир Новегов был в той же части космоса – но уже не сверкал. Всю планету накрыла темная полупрозрачная масса, и

сквозь нее проходили лишь немногие типы волн.

Хитрый Змей удивился. Он двинулся чуть вперед и застыл.

– Зойтомара. Это. Же. Есть. Анти. Материя. Ну да, анти-материя. Рукотворная. Она не из взорвавшейся звезды, она из... Они что, решили себя сами... Сами себя? Бред. Не может быть. Они же не сумасшедшие. Только сумасшедшие ликвидируют свою сущность добровольно. Но здесь. Нет. Нет. Ближе я не пойду.

Вор-Юн-Гак облетел всю планету; везде подходы к ней закрывала антиматерия. Он прислушался – слабенькие, сильно искаженные сигналы все же проникали сквозь поле. Змей слушал, пытался понять и путался – обрывки слов, звуков, символов мешались друг с другом, то пропадали, то вдруг возникали в виде редкой какофонии; буквы были как цифры, цифры напоминали кляксы. Вор-Юн-Гак провисел ровно год на орбите, пока разобрал одну фразу. Всего одну, в которой значилось:

«Деградация... физическая и моральная, приводящая к упадку... недопустима! Лучше конец...»

Вор-Юн-Гак открыл рот – наверное, хотел что-то сказать, да позабыл. Потом закрыл. Потом открыл снова и страшным, просто чудовищным усилием выдавил из себя – одно:

– Зойтомара...

(«Зойтомара – огненное бедствие, от которого нет спасения»).

– Это – что? Они – как? Значит, все-таки решили? А как же я тогда. Буду ими. Управлять? Проклятие!!! – заорал Змей в пустоте. – Это!!! Надо!!! Пресечь!!!

Весь блистательный план Змея рушился. Новегов не подчинить. Из разобранной информации Змей узнал, что новеги скорее уничтожат себя, но не пойдут по пути несовершенства. Не станут его друзьями.

Вор-Юн-Гак вдруг уловил, что часть сигналов, идущих в сторону Мира, ему как будто знакомо.

Змей помчался назад.

...

Взор висел прикованный. Он продолжал мыслить. Вор-Юн-Гак грохнулся рядом; он уже не думал ни о какой секретности. Он сорвал «окошечко» с «колпака»:

– Слушайте, Взор! Я не знаю, как вы делаете сигналы. Но учтите. Ваши. Там. Решили самоустраниться. Это глупо. Именно что глупо!! И из-за чего? – из-за какой-то тригняды, которая что-то там у вас испортила. Подумаешь! В конце концов, все кругом испорченное и нет ничего совершенного. Сообщите им, что тригняда не вредная. А не то.

Взор ответил:

– Сообщить я могу, но едва ли это будет правдой. А раз так, зачем я буду врать своим товарищам?

– Так они помрут.

Взор молчал. Вор-Юн-Гак продолжал давить.

– Да-а-а-а-а. Помрут. Под...– Змей глотнул...– ...охнут.

Истлеют в прах. Вы этого хотите?

– Не я этого хочу, а Вы.

– Какая разница? Говорю Вам: все они, ваши приятели...

– Змей подыскивал нужное слово – Ис. Чез. Нут. Исчезнут. И не только они – все исчезнет; все ваши города, природа, дети, достижения; все ваше творчество станет ничем.

Взор задумался. Вор-Юн-Гак сказал томным голосом:

– Думаете, приятно – умирать?

– Да. Умирать неприятно. Но вы ошибаетесь, если думаете, что смыслы исчезают. Нет, многие, безусловно, исчезают. Но некоторые сохраняются – назло всему.

Вор-Юн-Гак был вне себя.

– Ладно. Повисите еще чуть-чуть.

«Было б прекрасно, если б эти твари новеги страдали!

Узнай он об этом – был бы сговорчивей. Но они не страдают. Не страдают! Зойтомара.»

Огненный вихрь мчался вперед, не разбирая, что перед ним. Он был в замешательстве. Хитрый, Хитрый Змей искал способы перетянуть ситуацию в свою пользу, он просчитывал десятки, сотни комбинаций, однако его вычислительный аппарат говорил, что логически эта задача не решается. Новеги уничтожат себя, если в них будет тригняда. Но сами они от нее не избавятся. Тригняда Вор-Юн-Гака подчиняется только Вор-Юн-Гаку. Только он способен вынуть ее. Но для этого необходим близкий контакт! – а он невозможен. Антиматерия не пропустит. Что же делать Змею? Обещать

новегам, что он избавит их от тригняды? Но кто ему поверит. Подослать им кого-нибудь? – не Воблида, а кого-то поумней, Змеева адепта. Вероятно он сможет уговорить новегов показать ему тригняду. Но она – уже – пронзила весь их мир! Не отдельные части, а весь мир! Значит, он выманит лишь ничтожную часть тригнядовой сущности. А она сама сохранится. Без толку. Кроме того, на той части тригняды, что выйдет от новегов, тоже может быть антиматерия. Проклятие. Адепт сгинет. И мир новегов – сгинет. Ничтов? Еще кто-нибудь могучий? Ерунда. Они ничего не соображают. Да, они смогут пробить поле антиматерии, чтобы уничтожить новегов – но Вор-Юн-Гаку как раз нужно другое! С самого начала – было – нужно – другое.

Хитрый Змей летел изо всех сил. Ему крайне не хотелось расставаться с мыслью о покорении новеговского народа, и хотя он совершенно не знал, что предпринять, внутренний стимул толкал его вперед. Надо что-то сделать... хоть посмотреть. Вот она – нужная часть Другой Вселенной!!

Но на месте, где согласно координатам следовало искать Добреголядовую Новь, ничего не было. Змей проверил расчет – координаты точные. Точнейшие. Они показывают расположение ближних космических объектов: галактик, звезд, других планет. Все эти объекты полностью соответствуют координатам. Все на своем месте. Нет только Новевого Мира.

Добреголядовая Новь, творение новегов, исчезла. Пропал

их рукотворный Мир.

Он не взорвался, не сгорел, не уничтожил себя явно.

Он просто растаял – как сон...

...

Мальчик проснулся; сквозь занавески пробивались желтенькие лучи света, теплые и ободряющие. Мальчик полежал, подумал – что делать сначала: одеваться или умываться? Нет, сначала надо сделать самое важное. И сделал: запустил системный блок компьютера, где происходили удивительные вещи; на экране вновь возникли красочные картины приключений. Там действовали смелые герои, даже еще более интересные, чем новеги. Правда, это были всего лишь изображения.

Но ведь – новеги – существовали? Ведь они же жили, думали, трудились независимо от того, что их видят во сне? Или это тоже лишь казалось?

Если б новегов не было, Вор-Юн-Гак не назвал бы себя победителем. Да, он победил – по крайней мере, в глазах Воблида и Ничтова, а уверенность Ничтова дорого стоит.

Не так ли?

– Да. Они пропали. Смысл великой Пустоты торжествует и здесь. Благодаря Вам, Великий Вор-Юн-Гак!

Ничтов смотрел на космический мрак, которым, как он был уверен, стала Добреголядовая Новь.

– Исчезли твари. Превосходно. А Вы их вроде бы хотели подчинить...

– Ничего я не хотел – сказал Хитрый Змей и быстро посмотрел на Воблида. – Когда это я хотел? Вовсе нет. Я изначально сказал: устранить. Устранить без разговоров. Не правда ли, мой приятель?

Ящер, закованный в броню поверх черной майки, молчал. Некоторые из его 13-ти сущностей еще помнили разговоры с Вор-Юн-Гаком, но самому Воблиду так надоела эта эпопея, что он рад был, что все закончилось. И что никто теперь не посмеет трепать его драгоценные головы.

Ничтов опять стал невидим.

– Так мне дадут колокол? – спросил Воблид, но Ничтов уже был далеко. Он растворился. Он стремительно ушел в свое ненаглядное Царство Пустоты – даже Змей ничего не заметил.

Воблид топтался на «шкафе».

– Слушай, друг Вор-Юн-Гак, но мне нужен колокол... или что-нибудь в этом роде. Ничтов обещал, но он... Может, у тебя есть?

– Безусловно! – сказал Змей. – У меня в подземельях валяется куча межзвездных аппаратов, кораблей, тарелок. Бери любой. Или все. Они старые.

«Вечно мне старье достается! – подумал Воблид. – Что поделать, не везет». И вслух произнес:

– А что делать теперь?

– Как что – ликовать, конечно!

Никогда еще в Мире Вор-Юн-Гака не было такого торже-

ства. Никогда!

Ни один еще мир не видел такой ужасной, грандиозной, всеохватывающей пляски. Змей откупорил закрома, дал каждому ощутить его «счастье». И ощутив это, каждый погружился в просто истерическую эйфорию.

По всему пространству мира стоял грохот. Огромные толпы народа – кривоногие, многорукие, неправильные прихвостни Змея – прыгали от восторга, прыгали, хохотали, сталкивались друг с другом, поднимались и снова прыгали. В дикой, стремительной спирали вертелись демоны, советники и шпионы – те, что рыщут по Вселенной, что приносят Вор-Юн-Гаку вести. Города и горы качались.

Воздух дрожал. Все несло в чудовищном и гигантском танце, а в центре самом плясал да притоптывал Вор-Юн-Гак. Он крутился, извивался, прыгал выше всех – до самых звезд.

Вор-Юн-Гаку нравилось торжествовать над Доброголядовой Новью.

Жители уже так накачались вор-юн-гаковым «счастьем», что уже не чувствовали ничего, кроме восторга. «Счастье» овладело умами. Никто не смог бы сказать даже слова, никто – если не считать мелкую муху-уколь, которая приставала с расспросами:

– Новеги пропали? Это хорошо. А они все пропали? Это хорошо. А они все прилетели, или какие улетели? А с теми, что улетели, что делать? А?

Никто ее не слышал в грохоте; все торжествовали. Муха

лезла прямо в головы, скрипела и надоедала. Кончилось тем, что Вор-Юн-Гак просто взял да и прихлопнул ее. Зачем портить торжество такой мелочью?

– Выдумала бред! Разлетелись они! От кого – от меня?! Ха-ха! У меня не бывает провалов. Тригняда захватила все. И сомнений быть не может. Даже если разлетелись... у них нет больше опоры.

Вор-Юн-Гак был прав. Опорой была земля, Добреголядовая Новь, и она исчезла. И еще долго придется искать во Вселенной крупицы созданного ею великого смысла.

Взор пропал. Змей уничтожил астероид, на котором была темница Взора. Взрыв разнес материю астероида на огромное пространство, но «колпак», незаметный для волн и полей, сохранился. Он совершенно неуловим для любой радиопаратуры, поэтому никто не скажет, где теперь Взор.

Вор-Юн-Гак великий деятель, он побеждал целые миры. Он обманывал миллиарды живущих. Он сотрясал Космос.

Разве он испугается небольшой команды исследователей на одном-единственном корабле?

Сквозь неведомую даль идет сверкающий объект – «Добреголяд 3». Все, кто есть на его борту, ужасно устали, но они не сдаются. В глазах Аней горит свет прежних звезд.

– Мы знаем, что было. Все случившееся не исправить. Мы будем всегда помнить это. Но мы также знаем, что надо делать: надо бороться! Надо действовать и создавать! Преодолевая трудности, мы должны добиться... если, конечно,

«Добреголяд» донесет нас до подходящего мира. Если он только выдержит... Бедный Онег... Бедный Взор... Бедные все наши... Все равно будем работать. А вот если взять символ – тот, что мог превращать информацию в материю, то можно снова и снова делать вещи важные и замечательные. Просто изумительные. Да! Но хватит ли у нас для этого времени – и сил?

Юрий хочет сказать что-то большое, жизнеутверждающее, но у него выходит только одно:

– «Добреголяд» устоит.

2014–2016